

Латинская Америка

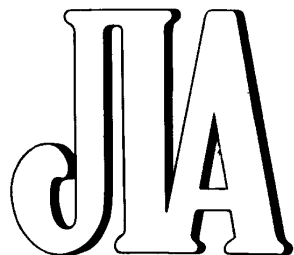
ISSN 0044-748X

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

6

2023

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 6/2023

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

МАНУЭЛЬ ЛОЙОЛА — В САНТЬЯГО, manuel.loyola@gmail.com

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАИС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2023.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2023.

Latinskaya Amerika N 6/2023 (Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.JEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

MANUEL LOYOLA — in SANTIAGO, manuel.loyola@gmail.com

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia

Phone number: +7 495 951 01 67; *e-mail:* revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2023.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2023.

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА

- 6** П.П.Яковлев. Мегатренды развития Латинской Америки и экономические интересы России

ТУРЦИЯ — ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

- 23** Л.А.Гайнутдинова, Х.Авджу. Политика «мягкой силы» Турции в странах Латинской Америки
- 40** С.Гелен. Особенности отношений Турции и Венесуэлы в контексте «теории ролей»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 59** А.Гонсалес Леваджи. Зона мира в Южном конусе: эволюция взаимодействия в сфере региональной безопасности (1991—2008 гг.)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- 73** Е.П.Каткова, Р.В.Костюк. Югославия и страны Латинской Америки в 1960—1980-е годы
- 90** Г.А.Филатов. Конфликты католической церкви и «Нового государства» Салазара в 1958—1968 гг.

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- 103** И.В.Селиванова. Латинская Америка: палитра современных моделей развития региона

SUMARIO

ECONOMIA

- 6** Petr Yákovlev. **Las megatendencias del desarrollo de América Latina y los intereses económicos de Rusia**

TURQUIA — AMERICA LATINA

- 23** Liudmila Gainutdínova, Havva Avcu. **La política de la “fuerza blanda” de Turquía en los países de América Latina**
- 40** Sefer Gelen. **Las peculiaridades de las relaciones entre Turquía y Venezuela en el contexto de la “teoría del rol”**

RELACIONES INTERNACIONALES

- 59** Ariel González Levaggi. **La zona de paz positiva en el Cono Sur: orígenes y auge de la cooperación de seguridad regional (1991—2008)**

PAGINAS DE LA HISTORIA

- 73** Ekaterina Katkova, Ruslán Kostiuk. **Las relaciones de Yugoslavia con los países de América Latina en los años 1960—1980**
- 90** Georgy Filátov. **Los conflictos entre la Iglesia católica y el “Nuevo Estado” de Zalazar en los años 1958—1968**

REFLEXIONANDO SOBRE LO LEIDO

- 103** Irina Selivánova. **América Latina: la paleta de los modelos contemporáneos del desarrollo regional**

CONTENTS

ECONOMY

- 6** Petr Yakovlev. **Megatrends of Latin America's development and Russia's economic interests**

TURKEY — LATIN AMERICA

- 23** Liudmila Gainutdinova, Havva Avcu. **Turkey's "soft power" policy in Latin America countries**
- 40** Sefer Gelen. **Features of bilateral relations between Turkey and Venezuela in the context of "role theory"**

INTERNATIONAL RELATIONS

- 59** Alriel Gonzalez Levaggi. **The positive peace in the Southern Cone: origins and heyday of regional security cooperation (1991—2008)**

HISTORY PAGES

- 73** Ekaterina Katkova, Ruslan Kostiuk. **Relations of Yugoslavia with the countries of Latin America in the 1960—1980's**
- 90** Georgy Filatov. **Conflicts between the Catholic church and Salazar's "New State" 1958—1968**

THINKING ABOUT READ

- 103** Irina Selivanova. **Latin America: palette of modern models of regional development**

ЭКОНОМИКА

П.П.Яковлев

Мегатренды развития Латинской Америки и экономические интересы России

В статье на фоне основных глобальных трансформаций и под углом зрения интересов России анализируются главные тенденции (мегатренды), характеризующие состояние и перспективы развития стран Латинской Америки. Автор показывает конфигурацию современного регионального экономического порядка, фиксирует основные ориентиры, проблемные темы и системные интриги актуальной стратегии хозяйственного роста. В центре исследования находятся новые явления, определяющие вектор трансформаций ключевых отраслей латиноамериканской экономики, — промышленности, финансов, энергетики, горной добычи, сельского хозяйства. Показано, что фокус усилий государства и бизнес-сообщества смещается в сторону приоритетного развития тех секторов, продукция которых особенно востребована на региональных и мировых рынках. В каждом конкретном случае идентифицируются возможности участия российских компаний в процессе региональной модернизации, равно как и те сложности и барьеры, с которыми сталкивается отечественный бизнес в ходе острой конкурентной борьбе за латиноамериканские рынки. Особое внимание уделено попыткам преодолеть региональное политическое размежевание и актуализировать механизмы и форматы внутрिलाиноамериканского торгово-экономического взаимодействия. Доказывается безальтернативность новой объединительной экономической стратегии стран региона, в императивном порядке включающей перезагрузку буксующих интеграционных процессов. Из проведенного анализа следует, что закрепление тренда перемен в латиноамериканской экономике требует от российского государства и бизнеса во многом новаторских и всесторонне просчитанных внешнеэкономических решений, учитывающих новые реалии Латинской Америки и отвечающих долгосрочным национальным интересам России.

Петр Павлович Яковлев — доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21/16); главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, (РФ, 117418 Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, petrp.yakovlev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0751-8278>).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного гранта-проекта № 22-28-01298 «Продвижение российской продукции высоких переделов на рынки стран Латинской Америки: возможности и риски постковидного периода».

Ключевые слова: Латинская Америка, экономика, технологическое перевооружение, *nearshoring*, *friendshoring*, диверсификация.

DOI: 10.31857/S0044748X0025602-1

Статья поступила в редакцию 03.04.2023.

В новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом В.В.Путиным 31 марта 2023 г., четко выражено намерение нашей страны наращивать отношения с государствами Латинской Америки (ЛА) «на прагматичной, деидеологизированной и взаимовыгодной основе, уделяя приоритетное внимание» увеличению объемов взаимной торговли и развитию других форм экономического сотрудничества [1].

Достижение поставленных в этом основополагающем документе стратегических целей требует от отечественного экспертного сообщества решения двух взаимосвязанных теоретических задач, имеющих отчетливо выраженный прикладной характер. Первая — переосмысление (с учетом меняющегося глобального контекста) ключевых национальных интересов и реальных финансово-экономических и научно-технологических возможностей РФ в Латинской Америке. Вторая — всесторонняя и сугубо реалистичная оценка современного состояния и мегатрендов развития латиноамериканских государств, определение наиболее перспективных областей российско-латиноамериканского делового взаимодействия.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В АНАЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В начале третьего десятилетия XXI в. латиноамериканские страны вступили в особый экономический цикл, в решающей степени обусловленный мировыми кризисными потрясениями и глубокими глобальными трансформациями. Наблюдаемые в ЛА во многом противоречивые экономические процессы можно интерпретировать по-разному. Сторонники одного из подходов, весьма распространенного в научно-экспертных кругах и отраженного в документах влиятельных международных организаций, акцентируют проблемы и узкие места в экономике латиноамериканских государств, по существу, «приговаривают» их к перманентному пребыванию в состоянии рецессии. В частности, видный бразильский аналитик Оливер Стуэнкель определяет политико-экономическую ситуацию в регионе термином «драматическая», предрекает сохранение низких темпов прироста ВВП и критическое осложнение финансового положения [2].

Красной нитью через многие публикации проходит тезис о том, что ЛА вновь (как было не раз в прошлом) оказалась в эпицентре «идеального шторма», т.е. под синхронным воздействием различных негативных факторов — как внутренних, так и внешних [3]. Характерный пример — опубликованный в марте 2023 г. доклад Межамериканского банка развития (*Inter-American Development Bank, IADB*) под названием «Подготовка макроэкономического пространства для обновленного роста». В документе

указано, что страны ЛА столкнулись с тройным вызовом. Во-первых, социальным кризисом, наиболее зримым выражением которого явился рост бедности: доля латиноамериканцев, живущих менее чем на 3,1 долл. в день, в настоящее время достигает 18%, что превышает показатель десятилетней давности. Во-вторых, в значительной степени из-за непредвиденных дополнительных государственных расходов в период коронакризиса почти у всех стран возникли крупные бюджетные дефициты и существенно увеличились суверенные долговые обязательства. И, в-третьих, прогнозируемые низкие темпы экономического роста (1,0% в 2023, 1,9% в 2024 и 2,3% в 2025 гг.) не позволят большинству государств региона даже частично решить накопившиеся проблемы и тем более приблизиться к достижению целей устойчивого развития [4, p.V, 8].

Такую пессимистичную картину дополнили своими комментариями президент *IADB* Илан Голдфайн и руководитель макроэкономических исследований Андской корпорации развития (*Corporación Andina de Fomento, CAF*) Адриана Арреаса Колл. Первый обратил внимание на рекордный рост потребительских цен (в 2021 г. в среднем по региону — 12,4%, в 2022 г. — 15,4%), а также на возникшие угрозы энергетической и продовольственной безопасности [5]. Вторая указала на «экстремальное социальное неравенство», подрывающее экономическую стабильность и провоцирующее массовые протестные выступления, угрожающие устойчивости государственных институтов. Убедительный пример — драматические события в Перу в конце 2022 — начале 2023 г., сопровождавшие острый политический кризис [6].

Несколько более сбалансированные оценки содержат исследовательские доклады Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК). Специалисты этой организации предельно четко видят все проблемные зоны и системные трудности экономики региона. Но, на наш взгляд, главная заслуга ЭКЛАК в том, что ее эксперты своевременно подмечают и анализируют новые факторы роста, не ограничиваются выстраиванием концептуальных схем, а предлагают «дорожные карты» выхода на траекторию устойчивого экономического развития на новой технологической платформе. В частности, сотрудники ЭКЛАК подготовили серию фундаментальных исследований положительного воздействия на ЛА такого комплексного явления, как цифровизация, продемонстрировали трансформационную роль перехода на цифру ключевых отраслей экономики [7]. Именно публикации подобного рода позволили экспертам Всемирного банка констатировать, что, несмотря на все сложности, ЛА сегодня «хорошо позиционирована, чтобы переосмыслить направление экономического развития» [8].

Весьма взвешенную и диалектически выверенную исследовательскую позицию в большинстве случаев занимают отечественные латиноамериканисты. В ряде опубликованных в последние годы фундаментальных коллективных работ авторы, не закрывая глаза на существующие в экономике ЛА проблемы и узкие места, исходят из неоднозначности сложившейся ситуации. Ученые показывают потенциал технологических отраслей, определяющих главный вектор регионального развития [9], всесторонне анализируют макроэкономические эффекты

процесса цифровизации [10; 11], умело пользуются интегральным подходом к детерминации и анализу разнонаправленных мегапроцессов, происходящих в латиноамериканских странах и делающих картину региональной экономики не столь монохромной, как это видится, например, экспертам *IADB* [12].

Бесспорной заслугой сотрудников ИЛА РАН стало исследование места и роли латиноамериканских стран в динамично меняющейся системе мирохозяйственных связей, воздействия на регион глобальных кризисных потрясений. Традиционно важным направлением научных разработок отечественных ученых был и остается анализ интеграционных процессов в регионе, а также широкого спектра торгово-экономических отношений государств ЛА с основными внерегиональными партнерами — США, Китаем, Европейским союзом, Японией, РФ, а в последнее время еще и Индией, Турцией, Южной Кореей [13].

Оба описанных выше и во многом противоположных исследовательских подхода возникли не на пустом месте и имеют право на существование, поэтому необходима реалистичность и диалектичность оценок, требуется всесторонний и взвешенный анализ ключевых экономических звеньев, взгляд, основанный на фактах, что называется, без полемического задора.

Научная последовательность автора данной статьи нашла отражение в серии содержательно дополняющих друг друга публикаций, в которых дается сравнительно целостная картина латиноамериканской экономики на современном этапе [14; 15; 16]. Углубляя анализ под углом зрения геоэкономических интересов России, автор в своей новой работе рассматривает экономическую реальность ЛА с целью идентификации тех факторов и явлений, которые определяют перспективные мегатренды развития региона по восходящей, формируют новую модель роста. Этот процесс начался после мирового кризиса 2008—2009 гг. и ускорился на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. В статье доказывается, что формирование субститута старой модели происходит по нескольким траекториям, главные из которых пролегают через структурообразующие отрасли реальной экономики — обрабатывающую промышленность, энергетику, горную добычу и аграрный сектор.

РЕГИОН В НОВОМ МИРОХОЗЯЙСТВЕННОМ РАСКЛАДЕ

Латинской Америке, как и другим районам современного мира, самым ходом истории в очередной раз брошен фундаментальный вызов — найти свое «комфортное» место в складывающейся системе мирохозяйственных связей, адекватно вписаться в новые глобальные тренды, корни которых уходят в период, начавшийся после мирового кризиса 2008—2009 гг. [17]. В числе таких трендов, на наш взгляд, можно выделить следующие:

— фрагментация и децентрализация мирового хозяйства, разрыв глобальных цепочек создания стоимости. По сути, торможение или даже движение вспять процесса глобализации;

— осложнение условий трансграничной торговли, включая расширение и ужесточение санкционных режимов, а также участвовавшие рецидивы протекционизма;

— перестановка в лагере основных торгово-экономических игроков и усиление международной конкуренции. Лобовое столкновение традиционных гегемонов, пытающихся зацементировать статус-кво, с ревизионистскими державами, сторонниками нового мироустройства;

— завершение периода низких процентных ставок, сравнительно «дешевых» кредитов и относительно щадящей инфляции. Структурные изменения на рынках финансовых услуг, сопровождаемые серией резонансных банкротств в банковском секторе;

— практически тотальная цифровизация ведущих отраслей экономики, глубокие технологические трансформации в ключевых производственных секторах;

— кризисные потрясения, если не сказать хаос, на энергетических рынках, попытки стран Запада форсировать зеленый энергопереход;

— рост мирового спроса и котировок на отдельные (дефицитные) виды сырьевых ресурсов, необходимые для индустриального технологического прорыва;

— перебои на рынках базовых продовольственных товаров и сельскохозяйственных удобрений, угроза увеличения ареала голода в беднейших странах. Обострение проблемы обеспечения продовольственной безопасности.

Процесс образования нынешних общемировых геополитических и геоэкономических разломов пришелся на восьмилетний цикл медленного хозяйственного роста ЛА, последовавший за «восьмилеткой» сравнительно быстрого развития. Если в 2004—2011 гг. среднегодовой прирост регионального ВВП составил 4,4%, что ненамного, но превышало аналогичный мировой показатель (4%), то в 2012—2019 гг. латиноамериканская экономика росла в четыре раза медленнее — в среднем на 1,1%, тогда как мировой ВВП прирастал на 3,4% [18, p.137]. В результате регион заметно отстал по темпам экономического роста, что имело отрицательные социальные последствия (вспомним волну протестов, прокатившуюся по ряду стран в 2019 г.) и ощутимо ослабило геополитические позиции ЛА [19].

Названные глобальные и региональные факторы оказали решающее воздействие на базовое содержание стратегических интересов и целей латиноамериканских стран в динамично меняющейся геоэкономической системе координат и определили их реакцию на отмеченные выше тренды. Фиксируемые многими зарубежными [20] и отечественными [21] исследователями эффекты деглобализации, разного рода ограничения и санкции в сфере международной торговли в сочетании с разрывами глобальных цепочек стоимости побуждают правительства государств региона и латиноамериканский бизнес интенсифицировать усилия, направленные на активизацию внутрирегиональных деловых связей. Тем самым ставится задача подстраховаться от возможного сокращения глобального товарооборота («зимы» в мировой торговле) и

возникновения затруднений в сфере инвестиционного сотрудничества с внерегиональными партнерами.

Дальнейшее приоритетное расширение экономического взаимодействия с соседними (*nearshoring*) и дружественными (*friendshoring*) странами становится одной из главных стратегических установок правящих и предпринимательских кругов ЛА. По сути, речь идет о попытках заделать политико-идеологические трещины в отношениях между государствами региона и перезапустить интеграционные процессы. Это, в свою очередь, подразумевает форсированную торгово-экономическую регионализацию, которую значительная часть политического и бизнес-истеблишмента рассматривает в качестве окна возможностей для «умной модернизации» (*smart modernization*) экономики [22]. Неслучайно в последние годы экспертный и политический дискурс в ЛА полон призывов к совместным действиям. Примером может служить «Декларация Буэнос-Айреса» — итоговый документ саммита Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*), состоявшегося в аргентинской столице в конце января 2023 г. [23].

В складывающейся международной и региональной диспозиции Россия вполне может акцентировать свою роль как дружественной страны и придать новый импульс сотрудничеству (на двусторонней и многосторонней основе) с государствами региона в духе *friendshoring*, т.е. соотнося собственные национальные интересы с интересами и потребностями ЛА.

ФИНАНСЫ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Практически повсеместный всплеск инфляции и ухудшение условий финансирования со стороны традиционных банковских учреждений (местных и международных) усилили значимость для стран ЛА новых кредитных институтов, прежде всего, финтех-компаний и необанков, широко использующих цифровые инновации и с каждым годом занимающих все более значительную часть рынка финансовых услуг. В результате Бразилия и Мексика по числу финтех-компаний (соответственно, 869 и 844) вошли в первую мировую десятку. Значительное количество таких компаний насчитывается в Колумбии (642), Аргентине (452), Чили (361) и Перу (291). Причем в Перу на долю так называемых цифровых кошельков приходится 40% межбанковских транзакций [24].

Благодаря необанкам и финтех-компаниям многочисленные малые предприятия и миллионы домохозяйств в странах ЛА впервые получили доступ к производственным и потребительским кредитам. Показательно, что быстрое распространение цифровых финансовых технологий заставило власти ряда государств региона, прежде всего, Бразилии, Колумбии, Мексики и Перу, включить особые механизмы регулирования, известные как *sandbox* (*caja de arena* или «регулятивные песочницы»). В специальном исследовании Банка Испании (*Banco de España*) отмечалось, что эти регулятивные механизмы призваны защитить законные интересы клиентов, обеспечить здоровую конкуренцию в фор-

мирующей экосистеме финтех-компаний и необанков, гарантировать стабильность финансовых рынков, создать благоприятные условия для возникновения и нормального функционирования инновационных хабов, в конечном счете — способствовать цифровой трансформации латиноамериканских экономик [25].

Цифровизация в странах ЛА тесно связана с технологическим перевооружением основных индустриальных отраслей. Данный тренд особенно важен на фоне неблагоприятного положения, сложившегося в структуре латиноамериканского экспорта продукции обрабатывающей промышленности. Если в начале текущего столетия доля средне- и высокотехнологичных товаров в индустриальном экспорте составляла 41,7%, то в конце второго десятилетия она снизилась до 37,7% [26, р. 97]. Переломить указанную тенденцию могут только широкомасштабное производство и экспорт технологически передовой продукции, востребованной на мировых рынках.

Примером такого рода перспективных проектов может служить решение Илона Маска построить в мексиканском штате Нуэво-Леон мегазавод ориентировочной стоимостью 5 млрд долл. по выпуску электромобилей марки *Tesla* нового поколения, большая часть которых предназначена для вывоза за рубеж. Комментируя бизнес-решение Маска, эксперты указывают на мультипликативный эффект проекта, поскольку снабжением мегазавода комплектующими займются многочисленные мексиканские предприятия крупного автомобильного кластера, расположенного в штате Халиско. Этим фабрикам также придется в ускоренном режиме осваивать инновационную продукцию, что будет способствовать технологическому обновлению мощной автомобильной индустрии Мексики [27].

Курс на развитие высокотехнологических производств подкрепляется бурным ростом стартапов — передовых латиноамериканских компаний (их число на начало 2022 г. достигло 23,4 тыс.), инвестиции в которые в 2021 г. составили 15,7 млрд долл., что почти в четыре раза превысило аналогичный показатель 2020 г. — 4,1 млрд долл. [28].

Однако турбулентные явления в мировом банковском сообществе привнесли в деятельность стартапов неопределенность. Неслучайно аналитики швейцарского банка *Julius Baer Group* назвали 2022 г. *annus horribilis* для финансовых рынков. Впервые с 1901 г. портфель обычных финансовых инструментов понес столь значительные потери: -20% в акциях и -15% по облигациям, что не могло не сказаться на масштабах венчурных капиталовложений, являющихся главным источником финансирования стартапов [29]. Не менее тревожным стал и 2023 г. На это, в частности, указали банковский мини-кризис в США, начавшийся со стремительного банкротства *Silicon Valley Bank (SVB)*, и почти синхронное обвальное падение акций второго по величине швейцарского банка *Credit Suisse*. Как отмечал британский деловой еженедельник *The Economist*, эти события вселили в миллионы вкладчиков и предпринимателей «страх, способный вызвать остановку сердца» [30].

В ЛА особенно негативные последствия имело банкротство *SVB*, который специализировался на работе с технологическими стартапами, в том числе латиноамериканскими. Для них *SVB* был «самым большим другом»,

на счетах которого стартапы Аргентины, Бразилии, Колумбии, Мексики и других стран региона держали многомиллиардные финансовые средства, используя механизм так называемого кайманового сэндвича: в целях налоговой оптимизации вклады осуществлялись от имени холдингов, зарегистрированных на офшорах Каймановых островов и обществ с ограниченной ответственностью в офшорной зоне американского штата Делавэр [31]. Подобная схема позволяет значительно уменьшить налоговую нагрузку на компании. Банкротство *SVB* не привело к тотальной потере вкладов латиноамериканских стартапов, но осложнило условия их финансовых операций и в будущем может отрицательно сказаться на деятельности этих компаний, от которых во многом зависит дальнейшая судьба цифровизации и в целом структурной перестройки хозяйственного пространства стран ЛА.

Учитывая сравнительно высокий уровень развития цифровых технологий в РФ, представляется обоснованным прогноз роста коммерциализации отечественных товаров и услуг в информационно-коммуникационной сфере. Объем экспорта *IT*-продукции в 2021 г. вырос на 22% и вплотную подошел к отметке в 10 млрд долл., а емкий латиноамериканский рынок пока еще мало освоен нашими компаниями [32]. Между тем такие российские *IT*-компании, как ГК *Softline*, КРОК, *1С*, «Центр финансовых технологий» (ЦФТ) и многие другие, вполне могут составить конкуренцию зарубежным фирмам.

ЭНЕРГО-СЫРЬЕВЫЕ ОПОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В числе мегатрендов макроэкономических трансформаций ЛА важное место занимает модернизация энергетического сектора. Это — одна из главных опор реальной латиноамериканской экономики, определяющих место региона в мировом разделении труда. Энергетика не только обеспечивает хозяйственную жизнедеятельность, но и приносит свыше 9% экспорта. В первой половине 2022 г., благодаря росту мировых цен, вывоз энергетических товаров (по стоимости) увеличился на 63%, что говорит о значительном экспортном потенциале отрасли [26, р. 63]. Но для максимально полного использования имеющихся возможностей необходимо решить ряд непростых производственных и логистических задач, продуцирующих кризисные явления в региональной энергетике и сдерживающих ее развитие. В частности, для аргентинской экономики долгосрочное стратегическое значение имеет форсированное освоение крупнейшего сланцевого месторождения *Vaca Muerta*, запасы нефти и газа которого оцениваются более чем в 2 трлн долл., что фактически в четыре раза превышает годовой ВВП Аргентины и в пять раз — объем ее государственного долга [33, р. 1].

Неотложной задачей является полный ввод в строй газопровода *Néstor Kirchner*, который обеспечит доставку природного газа с *Vaca Muerta* в отдаленной провинции Неукен до миллионов потребителей в самой населенной и богатой провинции Буэнос-Айрес, а затем — на границу с Бразилией для экспорта в соседнюю страну. Реализация этого и других планов развития энергетического сектора может превратить Аргентину из импортера в

крупного экспортера природного газа, в том числе — сжиженного для поставок за пределы региона, в частности в Европу. (Заметим, что этот вопрос обсуждался на переговорах президента Альберто Фернандеса (2019 — н/в) с канцлером ФРГ Олафом Шольцем (2021 — н/в) в январе 2023 г.) По имеющимся оценкам экспорт природного газа может в перспективе дополнительно приносить Аргентине от 20 до 30 млрд долл. в год. Иначе говоря, в Буэнос-Айресе явно рассчитывают, что использование ресурсов *Vaca Muerta* может оживить уже длительное время стагнирующую аргентинскую экономику [34].

Другим стратегическим направлением прогрессивной трансформации энергетической матрицы Латинской Америки становится опережающее развитие возобновляемых источников энергии. По оценке экспертов *Global Energy Monitor*, к 2030 г. страны региона (в первую очередь, Бразилия, Колумбия, Мексика и Чили) более чем в пять раз увеличат мощности ветряной и солнечной энергетики — с нынешних 69 ГВт до 319 ГВт [35]. В русле этого мегатренда предполагается освоить и нарастить производство «топлива будущего» — зеленого водорода. Здесь на региональное лидерство претендует Чили, располагающая идеальными природными условиями — пустыней Атакама с самым высоким уровнем солнечной радиации в мире и прилегающей к Магелланову проливу территорией с колоссальным ветровым потенциалом. Отмеченные факторы позволяют ускоренными темпами развивать солнечную и ветряную энергетику, критически необходимую для производства зеленого водорода.

В июне 2021 г. в самом сердце Атакамы был введен в эксплуатацию первый в ЛА крупный энергетический комплекс *Cerro Dominador*, состоящий из концентрированной солнечной (гелиотермальной) и фотоэлектрической электростанций общей мощностью 210 МВт. Построенный испанскими транснациональными корпорациями *Abengoa* и *ACCIONA* комплекс контролируется базирующейся в США инвестиционной компанией *EIG Global Energy Partners*, известной многомиллиардными капиталовложениями в мировую энергетическую отрасль. *Cerro Dominador* вырабатывает стопроцентно возобновляемую «чистую» энергию, способную обеспечить электричеством порядка 380 тыс. домохозяйств и, значительно сокращая выбросы CO₂, вносит весомый вклад в реализацию стратегии декарбонизации чилийской экономики [36].

Развивая альтернативную (возобновляемую) электроэнергетику, Чили формирует условия для производства и последующего экспорта зеленого водорода и его деривативов — аммиака, метанола, синтетического топлива, пользующихся повышенным спросом на мировых рынках. «Чили, — подчеркивал министр энергетики Диего Пардоу, — обладает сравнительным преимуществом в производстве зеленого водорода, поскольку располагает огромным потенциалом выработки возобновляемой энергии на экстраординарном по эффективности уровне» [37].

По имеющимся прогнозам, Чили к 2030 г. сможет экспортировать зеленый водород по цене 1,5-2,0 долл. за кг, что станет одной из самых низких международных котировок и откроет чилийскому бизнесу магистральный путь на внешние рынки. При этом следует учесть, что мировой спрос на зеленый водород в 2030 г. составит 130 млн т, а в 2050 г. превысит

600 млн т. Считается, что на долю чилийских экспортеров придется порядка 5% от указанных объемов. В стоимостном выражении — от 13 до 60 млрд долл. в нынешних ценах [38]. При таких видах на будущее вполне понятно, почему чилийцы рассматривают производство и экспорт зеленого водорода как свою уникальную «стратегическую возможность».

Энергетика — одна из отраслей, где уже развивается и имеет перспективы роста российско-латиноамериканское сотрудничество. Примером может служить взаимодействие в высокотехнологичной ядерной области, интерес к которой в ЛА заметно возрастает в русле усилий по модернизации энергетического сектора. В данной связи Госкорпорация «Росатом» предлагает партнерам в регионе максимально полный набор услуг. Это, прежде всего, касается отношений с Бразилией, где в начале декабря 2022 г. входящая в состав «Росатома» компания *Internexco GmbH* и бразильская госкомпания *Industrias Nucleares do Brasil (INB)* подписали контракт на поставку обогащенной урановой продукции для АЭС *Angra dos Reis* на период 2023—2027 гг. Упомянутое соглашение, по которому российская сторона будет обеспечивать 100% потребностей бразильской электростанции, явилось первой такого рода сделкой с латиноамериканской страной, что указывает на новые возможности продвижения в регион отечественных высокотехнологических товаров [39].

Исторические шансы прорыва на международные рынки получил горнодобывающий сектор — еще одна опора экономики ЛА. В данном случае основные надежды возлагаются на литий — критически необходимый для производства многих технологических изделий, включая ионно-литиевые аккумуляторы для электромобилей. Высокий спрос на этот металл (его все чаще называют «суперресурсом», «белым золотом» или «золотом XXI в.») подтверждают международные котировки, которые в 2022 г. подскочили на 259%. Поскольку запасы лития в мире ограничены, то ключевое значение имеет освоение «литиевого треугольника» — соседних территорий Аргентины, Боливии и Чили, где сосредоточены крупнейшие месторождения этого металла (порядка 52 млн т, или 53% мировых резервов) [40].

Впечатляющий результат уже продемонстрировала Чили. В 2022 г. экспорт карбоната лития в стоимостном выражении составил почти 7,8 млрд долл. (8% товарного экспорта), тогда как в середине прошлого десятилетия среднегодовой вывоз этой продукции едва достигал 250 млн долл. или в 31 (!) раз меньше. Таким образом, литий стал вторым по значимости (после традиционного лидера — меди) чилийским экспортным товаром. Учитывая резко возросшую внешнеторговую роль «белого золота», чилийское правительство приняло решение о создании специальной национальной литиевой компании, в задачу которой будет входить защита государственных интересов в отношениях с местными и иностранными частными фирмами [41].

Амбициозная цель «догнать и перегнать» Чили в производстве и экспорте лития поставлена властями Аргентины. Эта страна обладает вторыми по размерам (после Боливии) запасами лития и, хотя по объемам добычи еще значительно отстает от Чили (в 2022 г., соответственно, 6,2 и 39 тыс. т), рассчитывает, опираясь на высокий международный спрос и масштабные иностранные инвестиции, в сжатые сроки нарастить произ-

водство и экспорт карбоната лития и стать главной «литиевой державой» в ЛА. С этой целью в 2023 г. будет расширено производство на уже действующих месторождениях *Fenix* и *Olaroz*, принадлежащих австралийскому, американскому, японскому и аргентинскому капиталу, а также введено в строй новое крупное месторождение *Cauchari-Olaroz*, являющееся совместным предприятием китайской литиевой корпорации *Ganfeng Lithium* и канадской компании *Lithium Americas* [42].

В данной связи стоит обратить внимание на растущую обеспокоенность Вашингтона, которую подогревает активное участие китайского бизнеса в разработке литиевых месторождений в ЛА. Этот факт в США воспринимается как элемент торгово-экономической и инвестиционной экспансии Пекина, представляющей «главную угрозу» американским хозяйственным и геополитическим интересам в латиноамериканском регионе. В последнее время с такими тезисами выступали столь разные представители политического истеблишмента, как глава Южного командования США генерал Лора Ричардсон и конгрессмен-республиканец Карлос Хименес [43]. Подобного рода заявления можно расценивать как симптомы неизбежного дальнейшего обострения международной конкурентной борьбы за контроль над сырьевыми ресурсами ЛА. Одной из жертв этой конкуренции уже стала Россия. В 2021 г. компания *Uranium One Holding* (одна из структур «Росатома») договорилась с канадской корпорацией *Alpha Lithium* о покупке доли в литиевом проекте в Аргентине и создании совместного предприятия для освоения месторождения *Tolillar Solar* в этой стране. Условия сделки устраивали обе стороны, но в середине марта 2022 г. *Alpha Lithium* «решила временно приостановить» выполнение ранее достигнутого соглашения, что с полным на то основанием было воспринято как разрыв деловых отношений с российской компанией [44]. Полагаем, что отечественному бизнесу придется еще не раз столкнуться (в том числе в ЛА) с подобного рода демаршами, и к этому нужно быть готовым.

ЛИХОРАДКА НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ РЫНКАХ

В значительной мере под влиянием турбулентных событий 2020—2022 гг. сложная и неоднозначная картина сложилась в стратегическом аграрно-промышленном (продовольственном) секторе. ЛА в целом является чистым экспортером сельскохозяйственной продукции и продуктов питания. В 2018—2020 гг. в среднем в год активное сальдо региона во внешней торговле аграрными товарами превышало 127 млрд долл. Но двойственность положения состоит в том, что латиноамериканские государства четко делятся на экспортеров и импортеров продовольствия. К первым, во главе с Бразилией и Аргентиной, относится большинство южноамериканских стран, а также Мексика, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика и Никарагуа, ко вторым — все без исключения карибские государства, Белиз, Панама, Сальвадор, Венесуэла и Суринам. Среднегодовой профицит экспортеров в указанный период составил более 114 млрд долл., а дефицит импортеров — 12,8 млрд долл. [45].

Доминантное (по объему внешнеторгового оборота) положение в регионе стран — поставщиков продовольствия на мировой рынок не должно заслонять имеющиеся проблемы, которые в кризисные периоды заметно обостряются. И речь не только о том, что периодические скачки мировых цен на продовольствие ощутимо задевают финансовые интересы многочисленных покупателей продуктов питания. Как показали события 2020—2022 гг. (пандемия коронавируса, а затем российско-украинский вооруженный конфликт), даже в условиях повышения индекса цен позиции экспортеров также могут быть основательно подорваны, поскольку в игру вступают другие, негативные по своей природе факторы. В данном случае — разрыв уже сложившихся цепочек создания стоимости, нарушение привычных логистических и транспортных каналов, затруднения с проводками банковских платежей, резкое удорожание и перебои с поставками сельскохозяйственных удобрений. Все это, по свидетельству международных экспертов, привело к значительному росту производственных издержек, повышению потребительских цен и, в конечном счете, затруднило сбыт продукции латиноамериканских аграриев не только на внешних, но и на внутренних рынках [46].

Рассмотрим более подробно жизненно важную проблему снабжения сельскохозяйственных предприятий стран ЛА удобрениями. Это тем более актуально, поскольку регион импортирует 85% используемых удобрений, что является самым высоким мировым показателем. Главным поставщиком этой продукции является РФ, на ее долю приходится от 10 до 40% удобрений, закупаемых 13 латиноамериканскими государствами. При этом крупнейший импортер — Бразилия, поставки в которую в 2002—2021 гг. возросли в стоимостном отношении в 24 раза: со 147 до 3552 млн долл., благодаря чему этот латиноамериканский гигант стал крупнейшим в мире покупателем российских сельскохозяйственных удобрений [47].

Трудности, возникшие на продовольственных рынках и у производителей аграрной продукции, вызвали в ЛА цепную реакцию, повлекшую за собой негативные последствия. Самое основное — удорожание производства и опережающий рост потребительских цен на продукты питания подстегнули инфляционные процессы в целом и привели к увеличению числа латиноамериканцев, находящихся за чертой бедности и вынужденных ограничить покупку пищевых товаров. Иначе говоря, глобальный продовольственный кризис ухудшил социальную обстановку в регионе, причем, и в странах — импортерах сельскохозяйственной продукции, и в странах-экспортерах. Как зафиксировали в международных научно-экспертных кругах, в нынешней кризисной ситуации ЛА столкнулась с тройным вызовом: осложнениями в производстве продуктов питания, увеличением бедности и обострением проблемы голода [48].

Нет необходимости доказывать, что расширение российско-латиноамериканского сотрудничества на продовольственных рынках — один из факторов преодоления возникших проблем.

Над ЛА довлеют тяжелое наследие замедленного роста в 2012—2019 гг., а также форсмажорной социальной ситуации и глубокого

торгово-экономического провала в ковидном 2020 г. Выходом из этого стрессового положения, в сочетании с модернизационными усилиями на национальном уровне, может стать перезапуск региональной интеграции в русле цифровой трансформации экономики на новой технологической основе и принципах *nearshoring* и *friendshoring*.

В ряду остро актуальных задач — дальнейшее ослабление идейной поляризации регионального политического ландшафта, избавление от рецидивов догматизма, нейтрализация внешних и внутренних факторов экономической дестабилизации. Между латиноамериканскими странами нет неразрешимых противоречий, что потенциально позволяет сглаживать имеющиеся политические разногласия, укреплять своего рода центристский подход за счет снижения уровня радикальности правого и левого флангов и с этих позиций по-новому выстраивать отношения с окружающим миром.

Ключ к успеху ЛА на международной арене — последовательная и твердая защита национальных интересов. В последние годы подобного рода концепты формируются в экспертном латиноамериканском сообществе применительно к экономическому дискурсу, а также все чаще появляются в заявлениях глав государств и членов правительственных кабинетов. На это прямо указал министр иностранных дел Бразилии Мауру Виейра, определивший такой подход как «дипломатический ДНК» и сердцевину внешнеполитической позиции нынешнего бразильского президента (так называемая «Доктрина Лулы») [49].

Закрепление национально ориентированных стратегических целей во внешнеполитической практике латиноамериканских стран может усилить мегатренды позитивных перемен в регионе и создать благоприятные условия для развития торгово-экономических отношений России со странами ЛА.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). 31.03.2023. [Konceptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdена Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putiny 31 marta 2023 g.). [Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)]. Available at: <https://www.mid.ru/tv/?id=1860586&lang=ru> (accessed 2.04.2023) (In Russ.).
2. Stuenkel J. Latin America in 2023: Five Trends to Watch. 13.12.2022. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/latin-america-in-2023-five-trends-to-watch/> (accessed 26.03.2023).
3. Ellis E.R. La Tormenta Perfecta de América Latina. 22.08.2022. Available at: <https://revanellis.com/la-tormenta-perfecta-de-america-latina> (accessed 23.03.2023).
4. IADB. Preparing the Macroeconomic Terrain for Renewed Growth. 2023 Latin American and Caribbean Macroeconomic Report. Washington, Inter-American Development Bank, 2023, 96 p.
5. Jara F. El presidente del BID advirtió que crisis superpuestas ensombrecen las perspectivas económicas de América Latina. 19.03.2023. Available at: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2023/03/19/el-presidente-del-bid-advirtio-que-crisis-superpuestas-ensombrecen-las-perspectivas-economicas-de-america-latina/> (accessed 21.03.2023).

6. Arreaza Coll A. Latin America's Inequality is Taking a Toll on Governance. 08.02.2023. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/latin-americas-inequality-is-taking-a-toll-on-governance/> (accessed 29.03.2023).
7. CEPAL. Un camino digital para el desarrollo sostenible de América Latina y el Caribe. Santiago, Naciones Unidas, 2022, 113 p.
8. The World Bank. Social and infrastructure investments can drive growth and shared prosperity in Latin America and the Caribbean. 04.10.2022. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/10/04/> (accessed 26.03.2023).
9. Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки (отв. ред. Л.Н. Симонова). М., ИЛА РАН, 2017, 552 с. [Vozmozhnosti i predely innovatsionnogo razvitiya Latinskoi Ameriki (otv. red. L.N. Simonova) [Opportunities and limits of innovative development of Latin America]. Moscow, ILA RAN, 2017, 552 p. (In Russ.).]
10. Симонова Л.Н. Цифровая трансформация экономики Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2022, № 5, сс. 8-27. [Simonova L.N. Tsifrovaya transformatsiya ekonomiki Latinskoi Ameriki [Digital transformation of the economy of Latin America]. *Latinskaja Amerika*. Moscow, 2022, N 5, pp. 8-27 (In Russ.).]
11. Лавут А.А. Роль ЭКЛАК в разработке основ региональной стратегии цифровизации экономики. *Латинская Америка*. М., 2022, № 7, сс. 6-20 [Lavut A.A. Rol' EKLAК v razrabotke osnov regional'noi strategii tsifrovizatsii ekonomiki [The role of ECLAC in the development of the foundations of the regional strategy for the digitalization of the economy]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2022, N 7, pp. 6-20. (In Russ.).]
12. Перспективы устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям (под общ. ред. В.М.Давыдова). М., Весь Мир, 2022, 448 с. [Perspektivy ustoichivogo razvitiya. Apellyatsiya k obshchemirovym i latinoamerikanskim realiym (pod obshch. red. V.M. Davydova). [Prospects for sustainable development. Appeal to global and Latin American realities]. Moscow, Ves' Mir, 2022, 448 p. (In Russ.).]
13. Латинская Америка в системе международных экономических отношений (отв. ред. Л.Н. Симонова). М., ИЛА РАН, 2020, 486 с. [Latinskaya Amerika v sisteme mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii (otv. red. L.N. Simonova). [Latin America in the system of international economic relations]. Moscow, ILA RAN, 2020, 486 p. (In Russ.).]
14. Яковлев П.П. Латинская Америка на мировой геополитической карте. *Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения*. М., 2015, т. 15, № 4, сс. 20-28 [Yakovlev P.P. Latinskaya Amerika na mirovoi geopoliticheskoi karte. [Latin America on the world geopolitical map]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2015, t. 15, N 4, pp. 20-28 (In Russ.).]
15. Яковлев П.П. Интеграция в Латинской Америке: центристремительные и центробежные тренды. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. М., 2017, т. 10, № 4, сс. 86-100 [Yakovlev P.P. Integratsiya v Latinskoi Amerike: tsentrostremitel'nye i tsentrobezhnye trendy [Integration in Latin America: Centripetal and Centrifugal Trends]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. Moscow, 2017, t. 10, N 4, pp. 86-100 (In Russ.).]
16. Yakovlev P.P. The Trends Changing the Economies of Latin America. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, 2022, vol. 92, suppl.9, pp. 865-877.
17. Яковлев П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2020, т. 64, № 2, сс. 3-14. [Yakovlev P.P. Riski mirovoi retsessii v usloviyakh krizisa globalizatsii. [Risks of world recession in the context of the crisis of globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2020, t. 64, N 2, pp. 3-14 (In Russ.).]
18. CEPAL. Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. 2021. Santiago, Naciones Unidas, 2022, 185 p.
19. Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Протестный потенциал Латинской Америки: региональный срез глобального феномена. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2020, т. 64, № 7, сс. 89-99 [Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. Protestnyi potentsial Latinskoi Ameriki: regional'nyi srez global'nogo fenomena [Protest potential of Latin America: a regional

slice of the global phenomenon]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2020, t. 64, N 7, pp. 89-99 (In Russ.).

20. Dalio R. Principles for Dealing with the Changing World Order: Why Nations Succeed and Fall. New York, Avid Reader Press / Simon & Schuster, 2021, 576 p.

21. Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике. *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. М., 2021, т. 18, № 2 (116), сс. 34-47 [Komolov O.O. Deglobalizatsiya: novye tendentsii i vyzovy mirovoi ekonomike [Deglobalization: new trends and challenges to the world economy]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova*. Moscow, 2021, t. 18, N 2 (116), pp. 34-47 (In Russ.).

22. Яковлев П.П. Модель “nearshoring” – концепция новой экономики Латинской Америки. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2023, т. 67, № 2, сс. 93-103 [Yakovlev P.P. Model' “nearshoring” – kontseptsiya novoi ekonomiki Latinskoi Ameriki [Model “nearshoring” – the concept of the new economy of Latin America]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2023, t. 67, N 2, pp. 93-103 (In Russ.).

23. El documento final de la CELAC, punto por punto: del compromiso con la democracia a la integración regional. *Ambito*. Buenos Aires, 24.01.2023.

24. México es el segundo país con mayor número de fintech en América Latina. 22.03.2023, según informe. Available at: <https://finanzasdigital.com/2023/03/mexico-es-el-segundo-pais-con-mayor-numero-de-fintech-en-america-latina/> (accessed 28.03.2023).

25. Banco de España. El Sandbox y la transformación digital de la economía. 18.03.2019. Available at: https://clientebancario.bde.es/pcb/es/blog/El_Sandbox_y_la_93c3333bb4f8961.html (accessed 26.03.2023).

26. CEPAL. Perspectivas del Comercio Internacional de América Latina y el Caribe. El desafío de dinamizar las exportaciones manufactureras. 2022. Santiago, Naciones Unidas, 2023, 185 p.

27. Efecto Tesla: Jalisco acelerará en certificación para insertarse en cadenas de suministro de la compañía de Elon Musk. 03.03.2023. Available at: <https://www.americaeconomia.com/negocios-industrias/efecto-tesla-jalisco> (accessed 16.03.2023).

28. Lozano Girón I. Startups: ¿Qué países captaron el mayor número de inversiones en los últimos dos años? *El Comercio*. Lima, 13.09.2022.

29. Julius Baer: ¿Qué esperar para las inversiones en 2023? 10.03.2023. Available at: <https://www.americaeconomia.com/economia-y-mercados/julius-baer-que-esperar-para-las-inversiones-en-2023> (accessed 20.03.2023).

30. What's wrong with the banks. 16.03.2023. Available at: https://www.economist.com/leaders/2023/03/16/whats-wrong-with-the-banks?itm_source=parse-ly-api (accessed 27.03.2023).

31. Villena H. Cayman sandwich: what is it and why does it taste so good? 30.08.2022. Available at: <https://www.latitud.com/en/blog/cayman-sandwich-corporate-structure-startups> (accessed 26.03.2023).

32. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник. М., НИУ ВШЭ, 2023, 120 с. [Tsifrovaya ekonomika: 2023: kratkii statisticheskii sbornik. [Digital Economy: 2023: A Brief Statistical Compendium]. Moscow, NIU VShE, 2023, 120 p. (In Russ.).

33. Rijk G., Kuepper B. Vaca Muerta Basin: An Oil & Gas Trap. Amsterdam, Profundo, 2022, 32 p.

34. Feliba D. Can a Pipeline Fix Argentina's Economy and Sway the Election? 28.02.2023. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/can-a-pipeline-fix-argentinass-economy-and-sway-the-election/> (accessed 20.03.2023).

35. Global Energy Monitor. Una Carrera hacia la cima: América Latina 2023. Available at: <https://miningpress.com/pdfjs/web/viewer.php?file=> (accessed 27.03.2023).

36. Cerro Dominador concentrated solar power plant inaugurated in Chile. 09.06.2021. Available at: <https://www.evwind.es/2021/06/09/cerro-dominador-concentrated-solar-power-plant-inaugurated-in-chile/81175> (accessed 11.03.2023).

37. Bartlett J. Chile apuesta al hidrogeno verde. *Finanzas & Desarrollo*. New York, diciembre de 2022, pp. 42-43.
38. Chile puede convertirse en líder mundial en la producción global de hidrógeno verde. 10.01.2023. Available at: <https://www.iagua.es/noticias/icex-espana-exportacion-e-inversiones/chile-puede-convertirse-lider-mundial-produccion> (accessed 22.03.2023).
39. Росатом поставит урановую продукцию в Латинскую Америку. 06.12.2022. [Rosatom postavit uranovuyu produktsiyu v Latinskuyu Ameriku. [Rosatom will supply uranium products to Latin America]. 06.12.2022. Available at: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rosatom-postavit-uranovuyu-produktsiyu-v-latinskuyu-ameriku/> (accessed 10.03.2023). (In Russ.).
40. U.S. Geological Survey, 2023, Mineral commodity summaries 2023. Available at: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023.pdf> (accessed 29.03.2023).
41. Gobierno de Chile espera ingresar este año al Congreso Proyecto para concretar la Empresa Nacional del Litio. 6.03.2023. Available at: <https://www.americaeconomia.com/negocios-industrias/gobierno-de-chile-espera-ingresar-este-ano-al-congreso-proyecto-para-concretar> (accessed 20.03.2023).
42. Barbuto C. Litio: la posibilidad de superar la producción de Chile. 18.02.2023. Available at: <https://mase.lmneuquen.com/litio/litio-la-posibilidad-superar-la-produccion-chile-n995748> (accessed 16.03.2023).
43. Lorenzo E. Litio en América Latina: preocupación en Estados Unidos por la actividad china “en su patio trasero”. 11.03.2023. Available at: <https://mundopoder.com/litio-en-america-latina-preocupacion-en-estados-unidos-por-la-actividad-china-en-su-patio-trasero/> (accessed 25.03.2023).
44. Alpha Lithium: CEO Update on Upcoming Catalysts and Current Developments. 7.06.2022. Available at: <https://www.commodity-tv.com/play/alpha-lithium-ceo-update-on-upcoming-catalysts-and-current-developments/> (accessed 26.03.2023).
45. Hacia una seguridad alimentaria y nutricional sostenible en América Latina y el Caribe en respuesta a la crisis alimentaria mundial. Diciembre de 2022. Available at: <https://www.cepal.org/en/node/57999> (accessed 20.03.2023).
46. Global Report on Food Crisis – 2022. 04.05.2022. Available at: <https://www.wfp.org/publications/global-report-food-crises-2022> (accessed 13.03.2023).
47. ITC. Trade map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Russian Federation and Brazil. Available at: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (accessed 26.03.2023).
48. Naciones Unidas. América Latina frente a un triple desafío: el hambre, la pobreza y la producción de alimentos. Available at: <https://news.un.org/es/story/2022/12/1517312> (accessed 21.03.2023).
49. Winter B. Q&A: Brazil’s Foreign Minister Mauro Vieira on the “Lula Doctrine”. 23.03.2023. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/qa-brazils-foreign-minister-mauro-vieira-on-the-lula-doctrine/> (accessed 27.03.2023).

Petr P. Yakovlev (petrp.yakovlev@yandex.ru)

Doctor of Economics, Chief Researcher at Center of Iberian Studies, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Str, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

Chief Researcher at Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for the Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Nakhimovsky Av, 51/21, 117418 Moscow, Russian Federation

Петр Яковлев

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, grant project No.22-28-01298 "Promotion of Russian products of high redistribution to the markets of Latin America: opportunities and risks of the post Covid period".

Megatrends of Latin America's development and Russia's economic interests

Abstract. Against the background of the main global transformations and from the point of view of Russia's interests, the article analyzes the main trends (megatrends) characterizing the state and prospects for the development of Latin American countries. The author shows the configuration of the modern regional economic order, fixes the main landmarks, problematic topics and systemic intrigues of the current strategy of economic growth. The study focuses on new phenomena that determine the vector of transformations of key sectors of the Latin American economy - industry, finance, energy, mining, agriculture. It is shown that the focus of efforts of the state and the business community is shifting towards the priority development of those sectors whose products are especially in demand in regional and world markets. In each case, the possibilities of participation of Russian companies in the process of regional modernization are identified, as well as the difficulties and barriers faced by domestic business in the acute competition for Latin American markets. Special attention is paid to the attempts of overcoming regional political delimitation and updating the mechanisms and formats of intra-Latin American trade and economic cooperation. It is proved that there is no alternative to a new unifying economic strategy of the countries of the region, which imperatively includes a reboot of the stalled integration processes. The result of the analysis is that the consolidation of the trend of changes in the Latin American economy requires from the Russian state and business in many respects innovative and comprehensively calculated foreign economic decisions that take into account the new realities of Latin America and meet the long-term national interests of Russia.

Key words: Latin America, global economy, technological re-equipment, "*nearshoring*", "*friendshoring*".

DOI: 10.31857/S0044748X0025602-1

Received 03.04.2023.

Л.А.Гайнутдинова, Х.Авджу

Политика «мягкой силы» Турции в странах Латинской Америки

С приходом в 2002 г. к власти Партии справедливости и развития во внешней политике Турции начались глубинные трансформационные процессы превращения страны не только в регионального, но и глобального лидера. Для расширения сферы геополитических интересов и выстраивания долгосрочных отношений со странами Латинской Америки правительство Турции разработало новую внешнеполитическую стратегию на основе концепции «мягкой силы». В данной статье анализируются особенности политики турецкой «мягкой силы» в Латинской Америке, ее цели и приоритеты, а также инструменты реализации.

Ключевые слова: Турция, Латинская Америка, Партия справедливости и развития, «мягкая сила».

DOI: 10.31857/S0044748X0025606-5

Статья поступила в редакцию 20.01.2023

Концептуальную основу политики «мягкой силы» сформулировал в 1990 г. американский политолог Джозеф Най, определив эту силу как «умение делать так, чтобы другие захотели получить те же результаты, которых вы хотите достичь, вовлекать и объединять людей, а не принуждать их» [1, р. 9]. Позже он подчеркнул способность «политики мягкой силы» формировать «симпатии, предпочтения других» [2]. Сравнив «мягкую силу» с «гибкой властью» [3], Дж.Най сделал уточнение, что «мягкая сила» — больше, чем просто убеждение, уговаривание или способность подвигнуть сделать что-либо при помощи аргументов и призвал использовать полный инструментарий средств как способа добиваться желаемого результата, определив как «умную силу», сочетающую «мягкую силу» с «жесткой» [4, с. 148].

Людмила Александровна Гайнутдинова — доктор политических наук, заведующая кафедрой политологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И.Герцена (РФ, 191186 Санкт-Петербург, Наб. Мойки, 48, lgaynutdinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8498-4032>); Хавва Авджу — аспирант кафедры политологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И.Герцена (havvaavcuu@yandex.ru).

Авторы современных международных исследований «мягкой силы» выделяют следующие параметры данного феномена: цифровая дипломатия, глобальная вовлеченность, привлекательность национальных культурных продуктов и экономической модели страны, привлекательность для иностранных студентов, сила дипломатической сети страны и ее вклад в глобальное взаимодействие и развитие, качество политических институтов [5]. Изучалась «мягкая сила» и отечественными политологами, в том числе в контексте Латинской Америки [6; 7].

Цель данного исследования — определить наиболее эффективный инструментарий реализации политики «мягкой силы» Турции в странах Латинской Америки (ЛА). Поставленная цель может быть достигнута за счет решения следующих задач: выделить основные внешнеполитические концепции Турции по обеспечению устойчивого развития отношений со странами ЛА; обосновать место и роль «мягкой силы» в процессе выстраивания дипломатических, экономических и культурных связей; определить спектр практик политики «мягкой силы», способствующих повышению результативности усилий Турции по формированию привлекательного образа страны.

Методологической основой исследования стал комплекс теорий и научных методов, в рамках которых создана многоуровневая система анализа концептуальных основ и инструментария политики Турции в ЛА. Системный подход позволил рассмотреть «мягкую силу» как целостную систему сущностных, институциональных и инструментальных практико-ориентированных составляющих внешнеполитической линии правительства Реджепа Тайипа Эрдогана (2014 — н/в)*. С помощью институционального и неинституционального подходов были проанализированы институты политики «мягкой силы», созданные как в форме государственных учреждений, так и в форме информационных агентств, некоммерческих организаций, структур гражданского общества, научно-образовательных и аналитических центров. Кроме того, авторы использовали общенаучные принципы универсализма, комплексности, а также фундаментальные положения политической науки в сфере международных отношений, глобального и регионального развития. Методологическую целостность обеспечили методы экстраполяции, обобщения, анализа и синтеза.

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДА

По утверждению ряда исследователей, государство, еще не включившее в свою внешнеполитическую стратегию концепцию «мягкой силы», это «скорее, исключение» [8, р. 71]. Турция включила «мягкую силу» в данный документ в 2002 г. с приходом к власти Партии справедливости и развития (*Adalet ve Kalkınma Partisi, AKP*). Важную роль в этом сыграл профессор университета Анкары Ахмет Давутоглу, позже возглавивший МИД, кон-

* Второй тур президентских выборов в Турции состоится 28 мая 2023 г. На момент сдачи номера его результаты неизвестны.

цептуально обосновавший несбалансированность проводимой внешней политики Турецкой Республики, основанной на предпочтении отношений с Западной Европой и США в ущерб интересам страны в других регионах мира. А.Давутоглу предложил новую внешнеполитическую стратегию, ориентированную на позиционирование Турции в качестве не только региональной, но и глобальной державы [9], наследницы Османской империи, четко выделив ресурсы — «постоянные» (история, география, население, культура) и «потенциальные» (экономический, технологический, военный потенциалы) [8, р. 70]. В этой концепции еще не использовался термин «мягкая сила» и только в следующей работе Давутоглу говорит о «мягкой мощи» как о «невидимой силе», ассоциирующейся с дипломатическим успехом страны [10]. Популярность термина «мягкая сила» проявилась и в росте количества научных публикаций на турецком языке. Так, только в период с 2005 по 2015 г. было опубликовано более 80 тематических работ [11].

Концепция Восходящей державы основана на идее активной вовлеченности в решение региональных и глобальных проблем, важных и для страны. Образ новой восходящей державы должен позволить турецким властям «привлечь внимание мировой общественности и заговорить о лидерстве страны» [12]. Лидерские качества турецкого государства были отмечены в докладе МВФ, посвященном развивающимся рынкам [13], а в материале Financial Times об образовании новой «Большой семерки» наряду с Бразилией, Индией, Индонезией, Китаем, Мексикой и Россией в эту группу была включена и Турция [14].

С 2013 г. во внешнеполитической стратегии Турции наблюдается идеологическая приверженность формуле «Мир больше пяти» (членов СБ ООН) как современной модели мирового порядка. «Мир больше пяти» — это «попытка реформировать систему международных отношений и встроить в нее «Новую Турцию» в качестве мировой державы» [15]. В формуле содержится доказательство, обращенное к международному сообществу, «важности» Турции как «ключевого элемента надрегиональных процессов» [16, с.174]. Президент Турции Р.Т.Эрдоган критикует систему деятельности СБ ООН, заявляя: «Судьба человечества не может и не должна быть отдана на милость горстке стран, победивших во Второй мировой войне» [17]. Цели Эрдогана — ограничение влияния постоянных членов СБ ООН и расширение прав других членов ООН. С такой позицией отчасти согласна и Россия, считающая, что реформы СБ ООН должны быть направлены на расширение числа стран, представляющих развивающийся мир Африку, Азию и Латинскую Америку [18].

ДИПЛОМАТИЯ КАК ОСНОВА ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Дипотношения Турции со странами ЛА начались еще в XIX в., когда в период с 1860 г. до конца Первой мировой войны произошли многочисленные волны эмиграции из Османской империи в этот регион. Большинство мигрантов были османскими арабами и из-за наличия у них османских паспортов их нередко называли «турками». В этот же период были установлены дипотношения с некоторыми странами ЛА. Вплоть до 1990-х годов эти отношения можно было характеризовать как дружественные, но

без особой динамики развития. Сдержанность в тот период была обусловлена не только географической удаленностью, но и разными внешнеполитическими приоритетами: Турция на протяжении холодной войны сотрудничала с западным блоком, а ряд стран ЛА участвовал в Движении неприсоединения [19].

1995 г. стал поворотным, что было связано с первым в истории официальным визитом президента Турции Сулеймана Демиреля (1993—2000 гг.) в Аргентину, Бразилию и Чили. Новый импульс отношения получили в 1998 г. с принятием в Турции «Плана действий в Латинской Америке и Карибском бассейне» [19]. С приходом к власти АКР в 2002 г. началась активизация сотрудничества с латиноамериканским регионом на самом высоком уровне, включая официальные визиты первых лиц и провозглашение 2006 г. «Годом Латинской Америки и Карибского бассейна в Турции». Два ведущих государства ЛА — Бразилия (2006 г.) и Мексика (2013 г.) приняли совместную с Турцией «Программу стратегического партнерства в целях укрепления отношений» [20]. Президент Эрдоган в 2015—2018 гг. посетил десяток стран региона, в Турцию с официальными визитами приезжали главы многих латиноамериканских государств [19].

Расширение дипломатических отношений со странами ЛА привело к открытию многочисленных посольств: если в 2010 г. в регионе их было всего 6, то к 2021 это число достигло 17. По заявлению министра иностранных дел Турции М.Чавушоглу, «Латинская Америка является географией стратегических открытий для Турции, и к столетию кемалистской республики количество посольств предполагается довести до 20» [21]. Такая дипломатическая активность повысила рейтинг Турции и сделала ее пятой страной в мире, где появилось наибольшее количество посольств; Турция обошла таких конкурентов, как Германия, Великобритания и Италия [22]. Сегодня свои посольства в Анкаре имеют 17 стран ЛА [21].

Важной площадкой для расширения дипломатических связей является проводимый МИД Турции Анатолийский дипломатический форум (*Antalya Diplomasi Forumu, ADF*), в котором в 2021 и 2022 гг. приняли участие дипломаты почти 40 стран мира. Однако запланированный на март 2023 г. III ADF на тему «Эффективная дипломатия во имя мира и порядка», в связи с разрушительным землетрясением, был перенесен на последний квартал этого года [23].

Таким образом, сегодня Турция имеет хорошо развитую инфраструктуру дипломатического представительства для успешного развития двусторонних отношений на основе политики «мягкой силы».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Турция активно сотрудничает с международными организациями в латиноамериканском регионе, являясь страной — наблюдателем в Организации американских государств (*Organización de los Estados Americanos, OEA*), Системе центральноамериканской интеграции (*Sistema de Integración Centro americana, SICA*), Ассоциации карибских государств (*Association of Caribbean States, ACS*) и Организации общего рынка стран

Южной Америки (*Mercado Común del Sur, Mercosur*). Для укрепления экономических связей Турция стремится подписать соглашения о свободной торговле на двустороннем уровне и на уровне *Mercosur* [24]. В 2017 г. она вступила в Экономическую комиссию ООН для ЛА и КБ (*Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL*) [25], осуществляющую координацию политики в целях содействия экономическому развитию в регионе.

В 2021 г. Анкара подписала соглашение о сотрудничестве с латиноамериканским и карибским парламентом *Parlatino* [26]. Турция считает страны региона «сильными партнерами» и стремится развивать отношения в различных областях, ожидая от ЛА сотрудничества в борьбе с организацией проповедника Фетхуллага Гюлена (*Fethullahçı Terör Örgütü, FETÖ*), которая обвиняется Анкарой в попытке государственного переворота 15 июля 2016 г. [27].

ЛА является для Турции стратегически важным регионом для расширения торговли, формирования глобальных альянсов и поиска новых инвестиционных альтернатив [28, р. 107], а ее членство в международных и региональных организациях позволяет институализировать взаимодействие в согласовании экономических интересов со странами — членами этих организаций. Об успешности экономического сотрудничества между Турцией и государствами ЛА свидетельствует основной индикатор объема торговли: если в 2002 г. он составлял 1 млрд долл., в 2019 г. достиг 9,36 млрд, то в 2021 — уже 15 млрд [21]. В ближайшие годы Турция планирует удвоить или даже утроить этот объем.

ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В СТРАНАХ ЛА

Достижение стратегических целей, поставленных руководством Турции с приходом к власти *АКР* в начале XXI в., потребовало серьезного реформирования всей системы внешнеполитических институтов и расширения круга участников «новой внешней политики» страны [29], поэтому базовым инструментом политики «мягкой силы» Турции стала публичная дипломатия.

Министерство публичной дипломатии Турции было создано (2010 г.) для систематизации появившихся в разное время компонентов «мягкой силы». Основные цели ведомства: поддержание сотрудничества и координация действий общественных институтов и НПО; установление диалога с гражданскими обществами и бизнес-ассоциациями других стран; культурная дипломатия; программы обменов и международное вещание [30]. Благодаря работе нового министерства, эффективность использования ресурсов «мягкой силы» выросла: если в период с 1992 по 2002 г. было подписано в общей сложности 6714 проектов на сумму 40-80 млн долл., с 2002 по 2009 г. — в три раза больше — на сумму 700 млн, то к 2012 г. общая стоимость помощи странам ЛА, оказанной Турцией, достигала уже 1,5 млрд долл. [31, с. 158].

Президент Эрдоган стал одним из ключевых активов «мягкой силы» страны. Он активен в международных контактах и личном общении с зарубежными диаспорами. На официальном аккаунте Эрдогана в *Twitter* —

около 17 млн подписчиков [32], и, хотя аккаунт ведется на турецком языке, сама по себе цифра говорит о серьезном охвате аудитории.

Не последнюю роль в формировании имиджа Эрдогана как «глобального политика» играют его отношения с российским президентом, «диалог» с которым стал придавать Эрдогану «статус политика мирового класса, когда Анкара решила выставить Вашингтону повышенные требования и условия по формуле: “Ведите с нами дела так, как это делает Путин, тогда и с вами мы будем вести себя иначе”» [33]. Такой стиль поведения импонирует жителям стран ЛА, где по традиции с симпатией относятся к независимым и харизматичным лидерам.

Правительственное Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı, TİKA*) является инструментом политики «мягкой силы». Сегодня *TİKA* реализует проекты более чем в 150 странах мира, имея 62 программных координационных офиса в 60 странах [34]. Бюджет организации постоянно растет: в 2011 г. — 1,2 млрд долл. [35], в 2019 г. — 9,4 млрд, из которых 8,8 млрд составили государственные средства, а 564,8 млн были предоставлены бизнесом и частными лицами [36].

В латиноамериканских странах *TİKA* начало вести активную деятельность только в 2008 г., так как первоначально была создана для экономической поддержки государств Центральной Азии, Южного Кавказа и Балкан. В 2014 г. в Мехико был открыт первый офис для стран Латинской Америки и Карибского бассейна, а в 2015 г. — второй в Боготе (Колумбия) [37, р. 221]. Агентство работает во многих странах, реализовав в общей сложности более 440 проектов по следующим направлениям: образование, культура, здравоохранение, местное самоуправление, социальная политика, сельское хозяйство, лесное хозяйство, защита окружающей среды и др. [38, р.79]. Через свои представительства *TİKA* организует доставку гуманитарных грузов, в частности, была организована отправка гуманитарной помощи и медикаментов в Мексику во время землетрясения в 2017 и 2018 гг., в 2020 г. — доставка вакцины от коронавируса в Колумбию, Венесуэлу и Парагвай [39].

С 2015 г. в качестве нового инструмента продвижения позитивного образа Турции *TİKA* удачно использует Международный конкурс мировых фотографов и СМИ с вручением Стамбульской фото премии (лауреат 1-й премии получает от 3 до 6 тыс. долл. в зависимости от номинации). Конкурс привлекает большое внимание фотографов из стран ЛА [40].

Институт имени Юнуса Эмре (*Yunus Emre Enstitüsü, YEE*) является официальным агентом политики «мягкой силы» Анкары для продвижения турецкого языка, культуры, истории и искусства с целью развития связей с представителями турецких диаспор за рубежом [41]. Культурные центры *YEE* функционируют на пяти континентах в 60 странах мира. Примером деятельности *YEE* в Латинской Америке может послужить культурно-художественный тур «Цвета Анатолии — *Anadolu'nun Renkleri*», который был организован для популяризации турецкой культуры. В ходе реализации программы «Султанские композиторы» были представлены музыкальные произведения османских султанов — в ноябре 2017 г. в Бразилии

(Сан-Паулу) и в Аргентине (Буэнос-Айрес). В рамках объявления 2021 г. «Годом Юнуса Эмре и Турции» *YEE* провела в Мехико в октябре 2021 г. концерт, где в сопровождении мексиканских артистов были исполнены песни и гимны турецкого поэта-суфиста Ю.Эмре [42].

YEE расценила переход на онлайн-курсы во время пандемии *COVID-19* как новую возможность и впервые в июне 2020 г. начала организовывать курсы турецкого языка в 15 странах, в том числе и в ЛА, на которые зарегистрировались 400 человек из Аргентины и более 2500 — из Мексики [43].

Управление по делам религий (*Diyanet İşleri Başkanlığı*) через учрежденный им Турецкий фонд «Диянет» (*Türkiye Diyanet Vakfı, TDV*) также вовлечено в политику «мягкой силы» для продвижения позитивного образа страны и формирования доверительной среды, основанной на религиозной идентичности. В период правления *АКР TDV* превратился в «широкое движение гражданского общества»; фонд имеет более чем 1000 отделений в Турции и осуществляет международную деятельность в 149 государствах мира. Целями *TDV* являются обеспечение правильного толкования ислама, отслеживание религиозных дискуссий и предоставление необходимой информации верующим как в самой Турции, так и в других странах [44]. *TDV* курирует деятельность всех 85 тыс. турецких мечетей, а также всех религиозных школ и институтов страны. У организации есть собственный 24-часовой телеканал. Бюджет фонда постоянно растет: если в 2016 г. он составлял чуть более 6,5 млрд турецких лир, то в 2017 г. превысил показатель в 7 млрд лир [45].

Деятельность *TDV* напрямую контролируется президентом, который два раза в год проводит заседания консультативного комитета, состоящего из 42 ученых. В *TDV* работают более 110 тыс. человек, что делает его вторым по количеству сотрудников учреждением после МИД Турции. Это дает некоторым экспертам основание утверждать, что *TDV* можно сравнить с Ватиканом по размаху деятельности и возможному влиянию [46]. Под эгидой МИД Турции *TDV* активно действует, в том числе, и на латиноамериканском континенте, где поддерживаются контакты с мусульманскими общинами и организациями. Согласно отчету по Южной Америке, подготовленному *TDV* в 2016 г., число мусульман, проживающих в регионе, составляет от 6 млн до 7 млн человек [47]. По другим оценкам в регионе постоянно проживают до 20 млн граждан, происхождение которых так или иначе связано с территорией бывшей Османской империи (9 млн — в Бразилии, 3,5 млн — в Аргентине, 1,6 млн — в Венесуэле, 1,1 млн — в Чили и Мексике, 800 тыс. — в Колумбии) [48].

Турция, имея довольно развитую инфраструктуру для реализации политики «мягкой силы» в ЛА, активно взаимодействует с единоверцами и соотечественниками, несмотря на проблемы, связанные с недостаточным количеством имамов и священнослужителей, владеющих местными языками и знаниями традиций и обычаев народов стран региона. Организовываются международные конференции и программы по культурному обмену, способствующие развитию системы религиозного образования и укреплению исламской идентичности латиноамериканских мусульман турецкого происхождения, студентам-мусульманам из ЛА выдаются стипендии для обу-

чения в Турции. Так в 2014 г. в Стамбуле состоялся I саммит мусульманских религиозных лидеров стран ЛА, на который съехались 70 делегатов из 40 стран, а также представители Евразийского исламского совета, Африканского совета религиозных лидеров, мусульман Европы, религиозные лидеры Балканского региона и члены организации всемирных исламских ученых за всеобщий мир [49]. Выступая на саммите, президент Турции сделал интересное заявление о том, что контакты ЛА с исламом восходят к XII в.: «Открыли Америку в 1178 г. мусульмане, а не Христофор Колумб. Мусульманские моряки прибыли в Америку в 1178 году. Христофор Колумб упоминает о существовании мечети на холме вдоль кубинского побережья» [50].

TDV и многие НПО из Турции поддерживают мусульман ЛА в период празднования Курбан-байрам (Идаль-Адха) и Рамадана, обеспечивая их литературой о традиционных обрядах и праздничных блюдах. Издательство *TDV* в 2014 г. выпустило книгу «Первые мусульмане в Бразилии» на турецком, испанском, португальском языках, написанную на основании путевых листов османского священнослужителя, совершившего путешествие в эту страну [51, р. 149].

Авиакомпания «Турецкие авиалинии» (*Türk Hava Yolları Anonim Ortaklığı, THY*) после приватизации в 2006 г. государством 49% ее акций, стала одним из ключевых инструментов политики «мягкой силы». Сегодня *THY* занимает седьмое место в рейтинге 20 крупнейших авиаперевозчиков на мировом рынке [52]: если в 2003 г. авиакомпания совершала рейсы только в 55 стран, то в 2022 г. уже в 129 [53]. А Стамбул, благодаря современному международному аэропорту имени Мустафы Кемаля Ататюрка, стал не только одним из туристических центров мира, но и мировым авиахабом, что отражено в одном из рекламных слоганов экспансионистской стратегии компании: *Globallyyours* — «Всемирно ваши» [54]. *THY* выполняет прямые рейсы в восемь городов ЛА — Боготу, Гавану, Буэнос-Айрес, Сан-Паулу, Каракас, Панаму, Мехико и Канкун. В 2019 г. компания перевезла 340 тыс. пассажиров из стран ЛА, наибольшее количество которых — из Бразилии [55].

Туризм стал эффективным инструментом «мягкой силы» и одним из основных источников дохода Турции: годовой доход страны от туризма в 2019 г. достиг рекордно высокого уровня — 34,5 млрд долл., с приростом почти в 20% по сравнению с 2018 г. Турция заняла шестое место в рейтинге самых популярных туристических направлений в мире [56]: если в начале 2000-х годов страну посетили лишь 10 млн туристов [57], то в 2019 — уже 52 млн [56]. Важным инструментом привлечения туристов стал безвизовый режим, предусматривающий право пребывания в стране до трех месяцев: с 2005 г. МИД Турции отменил визы для граждан более чем 35 государств, в том числе и для граждан, проживающих в ЛА [58, р.100]. По данным на 2018 г. Турция приняла из Доминиканской Республики 1938 человек [59], из Панамы — 3701 человек [60], из Коста-Рики — 3621 человек [61], из Гватемалы — 1824 человек [62], а из Аргентины и Бразилии — почти 250 тыс. туристов [63]. В целом число туристов, прилетающих в Турцию из ЛА, стабильно росло (до пандемии), в частности, благодаря популярности турецких телесериалов.

Турецкие сериалы стали сегодня своеобразным элементом «мягкой силы», подняв Турцию на второе место после США по экспортным показателям и мировому зрительскому потенциалу [64]. Динамика этих показателей впечатляет: если в 2014 г. турецкие сериалы и телепередачи смотрели около 400 млн человек в 90 странах [65], то к концу 2018 г. их аудитория насчитывала уже более 700 млн зрителей по всему миру. Более 100 турецких телесериалов экспортируется в 150 стран мира [63]. Рост экспорта турецких сериалов связан, в том числе, и с большим интересом к ним молодежи, так как большинство фильмов демонстрируется не только на телеканалах, но и на интернет-платформах (*YouTube, Netflix, Puhu*). Только *Netflix* имеет более 150 млн подписчиков в 190 странах [66].

Турецкие сериалы с самыми высокими рейтингами показывают в 15 странах ЛА. Больше всего их продают в Мексику, Колумбию, Аргентину, Бразилию, Чили, Перу, Уругвай, Парагвай [67]. Такие фильмы, как «Султан», «Великолепный век» и «Фатмагюль» вызвали огромный интерес к турецкой культуре и образу жизни, а когда в Чили впервые был показан романтический сериал «Тысяча и одна ночь», он побил все рекорды просмотров. Турецкие сериалы стали еще и фактором роста туристического потока из стран ЛА, так как «поклонники стремятся познакомиться с достопримечательностями мирового значения, посетить места, показанные в любимых фильмах, купить предметы одежды, аксессуары, которые они видели на экране, а также попробовать еду» [68].

Агентство «Анадолу» (*Anadolu Ajansı, AA*) — международное информационное агентство Турции с глобальной сетью вещания на 13 языках. Мировой бренд имеет офисы в 42 странах мира и представительства в 100 государствах, публикуя ежедневно около 3 тыс. новостей, более 3 тыс. фотографий и 310 видеороликов. В *AA* работают порядка 3 тыс. сотрудников из 142 стран, оказывающих информационные услуги 6 тыс. пресс-организаций [69]. В 2017 г. агентство открыло центр вещания на испанском языке в Боготе (Колумбия) [70].

Национальная телерадиокомпания Турции (*Türkiye Radyo Televizyon Kurumu, TRT*) имеет зарубежные представительства в 27 странах и охватывает аудиторию более чем в 250 млн человек. *TRT World* вещает на английском языке, выпускает новости на испанском и португальском языках через Интернет с помощью *TRT Spanish* и *TRT Portugal* [71]. *TRT* является организатором мероприятия *TRT World Forum* в Стамбуле, в котором принимают участие политики, общественные деятели, ученые, журналисты и представители гражданского общества. *TRT World Forum-2022* на тему «Формирование будущего: неопределенности, реалии и возможности» проводился уже в шестой раз, на него прибыли участники из 40 стран мира, включая гостей из стран ЛА. В рамках форума состоялись сессии на темы борьбы с дезинформацией, обеспечения глобальной продовольственной безопасности, изменения климата, цифровизации, миграции и российско-украинского конфликта [72].

Образовательные услуги иностранным студентам и сотрудничество в области науки и инноваций стали одним из основных инструментов «мягкой силы» Турции. Страна позиционирует себя в качестве мирового центра образования, выделяя большое количество грантов и стипендиальных про-

грамм [32]. Благодаря программе «Турецкие стипендии» (*Türkiye Bursları*), учрежденной Управлением по делам тюрок за рубежом и родственных общин (*Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı, YTB*) при министерстве культуры и туризма [73] в 2010 г., а также стипендии Совета по высшему образованию, Турция смогла повысить свои показатели по международной студенческой мобильности по программе обмена. Только за пять лет (2013—2018) число иностранных студентов в университетах Турции выросло с 48 тыс. до 178 тыс. Человек [74] Количество студентов из стран ЛА по состоянию на 2021 г. составило 107 человек [38, р. 83]. Сегодня Турция находится «в десятке стран, где учится наибольшее количество иностранных студентов в мире, а темпы привлечения иностранных студентов в Турции выше, чем в США или Великобритании» [75]. Согласно британскому изданию *Times Higher Education* и рейтингу лучших университетов из стран с развивающейся экономикой (2022 г.), 5 турецких вузов вошли в топ-100 лучших [76], а в международный рейтинг *QS World University Rankings-2022*, включающий 1000 университетов, стабильно входят 9 университетов [77].

Аналитические центры в начале XXI в. внесли большой вклад в разработку новой стратегии внешней политики Турции, основанной на концепции «мягкой силы». Сегодня в Турции работает более 50 аналитических центров, 27 из которых расположены в Анкаре, 22 — в Стамбуле, остальные — в других городах страны, в частности в Бурсе, Мардине, Карсе, Диярбакыре и т.д. Таким образом, на столицу приходится 50% всех «мозговых центров», на Стамбул — 40% и на другие провинции лишь 10% [16, с. 178]. Почти все из них связаны между собой и являются действенным инструментом для продвижения турецких интересов и формирования туркоцентричного лобби на территориях других государств, в том числе и в странах ЛА.

Турецкий центр стратегических исследований Азии (*Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi, TASAM*) является одним из наиболее значимых экспертно-аналитических центров. Он функционирует с 2003 г., работа ведется по 11 ключевым направлениям, среди которых — Африка, Азия, Европа, ЛА, Северная Америка. Основными темами исследований являются следующие: глобальные и региональные центры силы, энергетические, экономические, политические и социокультурные проблемы, окружающая среда, PR-технологии и медиасфера, а также национальная и международная деятельность. Кроме того, в структуру *TASAM* входит ряд институтов: Институт политической коммуникации, Институт сотрудничества и развития, Институт публичной дипломатии, в рамках которых проводятся исследования по странам ЛА [78].

TASAM совместно с *TİKA* является соучредителем Турецко-латиноамериканского и карибского экономического форума, который прошел в 2009, 2010 и 2016 гг. в Стамбуле. Следующий форум запланирован на 2023 г. по теме «Будущее латиноамериканской экономики и Турция».

В рамках Международного конгресса «Дипломатия мысли: новый мир, новые горизонты» *TASAM* проводит «Стратегические диалоги» по развитию отношений со странами ЛА. Уже состоялись три «Стратегических диалога» — «Турция и Бразилия», два — «Турция и Мексика» и один —

«Турция и Аргентина». В ходе мероприятия обсуждались такие темы, как региональные стратегии, энергетическая политика, геополитика и вопросы безопасности, отношения с США, Евросоюзом и новыми партнерами, адаптация к глобальным изменениям и др.

Центр прикладных исследований Латинской Америки Университета Анкары (*Latin Amerika Çalışmaları Araştırma ve Uygulama Merkezi, LAMER*) занимается подготовкой экспертов по странам ЛА, сотрудничеством с университетами, центрами, посольствами, консульствами и другими соответствующими учреждениями в стране и за рубежом. *LAMER* организует международные встречи, проводит конференции и семинары, выставки и мастер-классы. С целью совершенствования экспертно-аналитического сопровождения деятельности государственных и частных учреждений большое внимание уделяется научным стажировкам исследователей в странах ЛА.

С 2010 г. *LAMER* реализует магистерскую программу по латиноамериканским исследованиям, которая пользуется большим успехом, и к настоящему времени ее уже прошли около 100 человек. Среди изучаемых дисциплин — процесс достижения независимости ЛА, история ЛА, актуальные проблемы ЛА, сравнительные политические системы ЛА, политические процессы в ЛА, социологические чтения по ЛА и др. [79].

LAMER организует работу международных курсов турецкого языка в странах ЛА на кафедрах турецкой культуры и истории, открытых в рамках соглашений, подписанных Университетом Анкары с Гаванским университетом (2012 г.), Колумбийским национальным университетом (2014 г.) и Автономным университетом Санто-Доминго (2017 г.). Студенты изучают турецкий язык, историю Османской империи, историю Республики, Турция сегодня и другие предметы. Только за пять лет — с 2013 по 2018 г. — дипломы защитили более 1118 человек [81]. *LAMER* имеет свое издательство, в котором в 2021 г. были выпущены две книги на турецком языке «Новая краткая история Мексики» и «Турция в моем сердце» [80].

Этот центр является ключевой площадкой дипломатической политики Турции. Например, в 2022 г. с представителями стран ЛА были проведены ряд мероприятий: конференция по международным отношениям (посольство Парагвая), церемония памяти Хуана Пабло Дуарте (посольство Доминиканской Республики), встреча с президентом Сальвадора Найибом Армандо Букеле, рабочий ужин сотрудников МИД Турции и др. В январе 2023 г. глава МИД Турции Чавушоглу провел рабочую встречу в Университете Анкары с послами стран ЛА, отметив заслуги *LAMER*. Чавушоглу также подчеркнул многогранность внешней политики своей страны: «Мы — нация, которая может говорить как с Западом, так и с Востоком одновременно, и у нас много общего с разными регионами», а подводя итог, подчеркнул: «Наша цель в отношениях с Латинской Америкой — углубить сотрудничество для общего будущего командного духа» [81].

Центр американских исследований Университета Бахчешехира Ближневосточного технического университета реализует магистерскую программу по латиноамериканским исследованиям, а также программу подготовки в

аспирантуре высококвалифицированных кадров по социально-политическим и социально-экономическим процессам в ЛА [81].

Турция последовательно укрепляет свои позиции в рядах мировых лидеров, способных определять направление развития новой системы международных отношений. Проводимая ею политика «мягкой силы» в странах ЛА, основанная на принципе «привлекать, а не навязывать» [82], позволяет ей реализовывать запланированный *АКР* «переход от Старой Турции к Новой Турции» [83, pp. 133-134] и добиваться своих геополитических целей при чрезвычайно ограниченной ресурсной базе. В целом политика «мягкой силы» и существующая инструментальная база создают благоприятные условия для развития многосторонних связей со странами региона, однако ее эффективность будет зависеть не только от нарастающей конкуренции в международных отношениях, но и от способов решения внутренних политических и экономических проблем, а также темпов преодоления последствий разрушительного землетрясения. Пока у нас нет оснований полагать, что масштаб вовлеченности Турции в международную деятельность в странах ЛА в ближайшее время сократится. Турция находится на пороге президентских выборов, и время покажет, сохранится ли у нее интерес к латиноамериканскому региону или это было лишь частью амбиций правительства Р.Эрдогана и *АКР*.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Nye J. Bound to lead: the changing nature of American Power. NY, Basic Books, 1991, 336 p.
2. Nye J. Soft Power: the means to success in world politics. NY, Public Affairs Group, 2004, 192 p.
3. Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, ФСПИ «Тренды», 2006, 221 с. [Nye, J. Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike. [Soft Power: The Means To Success In World Politics]. Novosibirsk, FSPI "Trends", 2006, 221 p. (In Russ.).
4. What is Soft Power? Available at: <https://softpower30.com/what-is-soft-power/> (accessed: 13.12.2022).
5. Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М., АСТ, 2014, 444 с. [Joseph S. Nye. [Budushchee vlasti. Kak strategiya umnoi sily menyaet XXI vek. [The future of power]. Moscow, AST, 2014, 444 p. (In Russ.).
6. Клещенко Л.Л. Аналитические центры как элемент «мягкой силы» БРИКС в Латинской Америке. *Мировая политика*. М., 2022, №3, сс.11–17. [Kleshchenko L.L. Analiticheskie tsentry kak element «myagkoi sily» BRIKS v Latinskoi Amerike. [Analytical centers as an element of BRICS "soft power" in Latin America]. *Mirovaya politika*. Moscow, 2022, N3, pp.11-17. DOI: 10.25136/2409-8671.2022.3.38697 (In Russ.).
7. Косевич Е.Ю. Образ Мексики в североамериканских масс-медиа. *Новая и новейшая история*. М., 2019, №1, сс.187–192. [Kosevich E.Yu. Obraz Meksiki v severoamerikanskih mass-media. [The image of Mexico in the North American mass media]. *Novaya i novejshaja istorija*. Moscow, 2019, N1, pp.187–192. (In Russ.).
8. Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power. *Media, War & Conflict*. 2014, vol. 7, N 1, pp.70-84.
9. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, Küre yayınları, 2001. Available at: [https:// docplayer.biz.tr/204355312-Ahmet-davutoglu-stratejik-derinlik.html](https://docplayer.biz.tr/204355312-Ahmet-davutoglu-stratejik-derinlik.html) (accessed: 27.01.2022).
10. Davutoğlu, A. Turkey's Foreign Policy Vision: an Assessment of 2007. *Insight Turkey*. 2008, N1(10), pp.77-96.

11. Benhaïm Y., Öktem K. The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan. *European Journal of Turkish Studies* (Online). N 21, 2015. Available at: <https://journals.openedition.org/ejts/5275> (accessed: 26.02.2023).
12. Anadolu Ajansı. Türkiye'nin yükselen gücü engellenemez. 28.03.2014. Available at: <http://www.aa.com.tr/tr/haberler/306940--turkiyenin-yukselengucunu-engelleyemeyecekler> (accessed: 23.02.2023).
13. IMF World economic outlook. Washington, D.C.: IMF, 2014. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/pdf/text.pdf> (accessed: 23.02.2022).
14. Jackson G., Fray K. Datawatch: a new G7. *Financial Times*. 08.10.2014. Available at: <http://blogs.ft.com/ftdata/2014/10/08/datawatch-a-new-g7/> (accessed: 23.02.2022).
15. Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. [Irkhin A.A., Moskalenko O.A. «Mir bol'she pyati». Stanovlenie Turtsii v kachestve global'nogo aktora mirovoi politiki: perspektivy i vyzovy dlya Rossii. ["The World is Bigger than Five": Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia]. *Vestnik RUDN*. 2021, vol.21, N 1, pp. 91-107. (In Russ.).
16. Аватков В.А. Аналитические центры и научная политика Турции. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022, т.15, № 2, сс. 173–190. Avatkov V.A. [Analiticheskie tsentry i nauchnaya politika Turtsii. [Analytical Centers and Scientific Policy of Turkey]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. 2022, v.15, N2, pp.173–190. DOI: 10.31249/kgt/2022.02.09 (In Russ.).
17. Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана. [Vystuplenie prezidenta Turetskoi Respubliki g-na Redzhepa Taiipa Erdogana. [Speech by the President of the Republic of Turkey, Mr.Recep Tayyip Erdoğan]. 24.09.2019. Available at: <https://undocs.org/ru/A/74/PV.3> (accessed:12.01.2022). (In Russ.).
18. Шимаев Р. «Мир больше пяти»: Эрдоган выступил против нынешней структуры Совбеза ООН. 19.10.2021. [Shimaev R. «Mir bol'she pyati»: Erdogan vystupil protiv nyneshnei struktury Sovbeza OON. ["The world is more than five": Erdogan opposed the current structure of the UN Security Council]. Available at: <http://russian.rt.com/world/article/918878-erdogan-reforma-sovet-bezopasnosti-oon> (accessed:23.02.2022) (In Rus.).
19. Türkiye'nin Latin Amerika ve Karayiplere Yönelik Politikası ve Bölge Ülkeleri ile İlişkileri. Available at:https://www.mfa.gov.tr/i_-turkiye_nin-latin-amerika-ve-karayiplere-yonelik-politikasi-ve-bolge-ulkeleri-ile-iliskileri.tr.mfa (accessed:13.12.2022).
20. Türkiye - Latin Amerika – Hızla Gelişen İlişkiler. Available at: https://www.mfa.gov.tr/turkiye---latin-amerika-_-hizla-gelisen-iliskiler-.tr.mfa (accessed:13.01.2023).
21. Çavuşoğlu M. Yılına girerken girişimci ve insani dış politikamız (2021). Available at:https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (accessed: 13.01.2023).
22. Lowy Global Diplomacy Index. Available at: https://globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org/country_rank.html (accessed: 15.01.2023).
23. Пресс-релиз о переносе Дипломатического Форума в Анталии [Press Release Regarding the Postponement of Antalya Diplomacy Forum]. Available at: <https://antalyadf.org/en/adf-2023-en/> (accessed: 24.03.2023).
24. Yetim M. Liberal Temelde Kurumsallaşan Türkiye-Latin Amerika İlişkileri. *Anadolu Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 2019, N19(1), pp.167-178.
25. Официальный веб-сайт ЭКЛАК ООН. Available at: <https://www.cepal.org/en> (accessed: 23.01.2023).
26. Parlamento Latinoamericano y Caribeño. Available at: <https://www.parlatino.org> (accessed: 13.01.2023).
27. Глава турецкого парламента выступил за укрепление связей с Парлатино. [Glava turetskogo parlamenta vystupil za ukreplenie svyazei s Parlatino. [The head of the Turkish Parliament called for strengthening ties with Parlatino]. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/69ae8bed> (accessed:14.01.2023). (In Russ.).

28. Gonzalez Levaggi, A. Turkey and Latin America: A New Horizon for a Strategic Relationship. *Perceptions*. London, 2013, NXVIII(4), pp. 99-116.
29. Глава МИД Турции раскрыл планы страны в Латинской Америке. [Glava MID Turcii raskryl plany strany v Latinskoj Amerike. [The Turkish Foreign Minister revealed the country's plans in Latin America]. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/305bab34> (accessed: 14.02.2023). (In Russ.).
30. Çevik S. Turkey's State-Based Foreign Aid: "Turkey's Story". *Rising Powers Quarterly*. 2016, N1(2), pp. 55-67.
31. Kalın İ. Soft Power and public diplomacy in Turkey. *Perceptions*. London, 2011, vol. XVI, N3, pp. 5-23.
32. Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы». *Вестник международных организаций*. М., 2014, т. 9, №2, сс. 145-167. [Safonkina E.A. Turtsiya kak noviy aktor politiki 'myagkoj sily'. [Turkey as a new actor of 'soft power' policy]. *Vestnik mezhdnardnykh organizatsiy*, Moscow, 2014, vol.9, N2, pp. 145-167. (In Russ.).
33. Тарасов С. Эрдоганы «палкаиз-подбурки» Байдена. [Tarasov S. Erdogan i «palkaiz-pod burki» Baidena. [Erdogan and Biden's "burka stick"]. 08.06.2021. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/3291052.html> (accessed: 10.02.2022) (In Russ.).
34. Öztürk A. Erdi. Islam and Foreign Policy: Turkey's Ambivalent Religious Soft Power in the Authoritarian Turn. *Religions*. Basel, 2021, vol.12, iss.1, pp. 1-16. DOI: 10.3390/rel12010038
35. Akıllı E., Çelenk B. TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy. *Insight Turkey*. Ankara, 2019, vol. 21, N3, pp. 135-151.
36. Türkiye kalkınma yardımları raporu 2019. TİKA. 2019. Sah. 12. Available at: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/publication/2019/TurkiyeKalkinma2019Web.pdf> (accessed: 30.11.2022).
37. Özkan M. Dış Politikanın Dönüşümünde Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansının (TİKA) Rolü. *Dış Politika*. 2017, N1. Available at: https://www.researchgate.net/publication/318419033_Dis_Politikanin_Donumunde_Turk_Isbirligi_ve_Koordinasyon_Ajansinin_TIKA_Rolu (accessed: 30.11.2022).
38. Zelan M. Türkiye'nin Yumuşak Gücünün Tarihsel Bağlamda Değerlendirilmesi. *Latin Amerika Örneği*. Ufuk Üniversitesi Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2021, 99 p.
39. Oween C. Barranzuela. Política exterior de Turquía en América Latina. Mayo 5, 2022. Available at: <https://relacionateypunto.com/politica-exterior-de-turquia-en-america-latina/> (accessed: 15.12.2022).
40. "İstanbul Photo Awards 2018" jürisi belli oldu". AvseAktas, 03.01.18. Available at: <https://www.istanbulphotoawards.com/> (accessed: 12.02.2023).
41. Yunus Emre Enstitüsü. Available at: <https://yee.org.tr/tr/kurumsal/yunus-emre-enstitusu> (accessed: 12.12.2022).
42. Турецкий институт запускает очные языковые курсы в Мексике. [Turetskii institut zapuskaet ochnye yazykovye kursy v Meksike [Turkish Institute launches full-time language courses in Mexico]. Available at: <https://nowturkey.ru/tureczkij-institut-zapuskaet-ochnye-yazykovye-kursy-v-meksike/> (accessed: 11.12.2022). (In Russ.).
43. Sonmez M. Turkey's religious agency grows even richer, more powerful. *Al-monitor*. 13.05.2021. Available at: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/05/turkeys-religious-agency-grows-even-richer-more-powerful> (accessed 21.01.2022).
44. Cumhurbaşkanlığı T.C. Diyanet İşleri Başkanlığı. Temel İlke ve Hedefler. Available at: <https://www.diyanet.gov.tr/tr-TR/Kurumsal/Detay/3/diyanet-isleri-baskanligi-temel-ilke-ve-hedefleri> Erişim Tarihi: accessed: 20.01.2023.
45. Diyanet'in dini imam para! Available at: <http://www.birgun.net/haber-detay/diyanet-in-dini-imani-para-105498.html>. (accessed 21.09.2022).
46. Yılmaz A. B. & Kılıçoğlu, G. Türkiye'nin Latin Amerika Açılımında Bir Yumuşak Güç Aktörü Olarak Diyanet İşleri Başkanlığı. *Journal of Current Resources on Social Sciences*. 2016, N1(6), pp. 135-153. Available at: <https://www.jocress.com/dergi/turkiyenin-latin-amerika-aciliminda-bir-yumusak-guc-aktoru-olarak-diyanet-isleri-baskanligi20220429084425.pdf> (accessed: 5.02.2022).

47. Albayrak A. Latin Amerika Müslümanları. Center for Humanities and Social Studies İNSAMER. 21.02.2022. Available at: <https://www.insamer.com/tr/latin-amerika-muslumanlari.html> (accessed: 02.03.2022).
48. Karabostan S. Güney Amerika Raporu. (2016). Ankara, Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları. Available at: [https://tdvmedia.blob.core.windows.net/tdv/MedyaOdas%C4%B1/Raporlar/TDV%20-%20Raporlar%20-%20G%C3%BCney%20Amerika%20\(2016\).pdf](https://tdvmedia.blob.core.windows.net/tdv/MedyaOdas%C4%B1/Raporlar/TDV%20-%20Raporlar%20-%20G%C3%BCney%20Amerika%20(2016).pdf) p.26. (accessed: 16.01.2022).
49. Özkan M. Türk Dış Politikasında Din ve Dini Diplomasi. İçinde Şahin, M., & Çevik, B. S. (edt). *Türk Dış Politikası ve Kamu Diplomasisi*. 2015. pp. 133-154. Ankara, Nobel Yayıncılık. Available at: https://books.google.ru/books?id=pmg7nQAACAAJ&pg=PA133&source=gbs_toc_r&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 12.12.2022).
50. Latin Amerika Ülkeleri Müslüman Dini Liderler Zirvesi sona erdi. Available at: <https://disiliskiler.diyaret.gov.tr/Detay/199/1-latin-amerika-%C3%BClkeleri-m%C3%BCsl%C3%BCman-dini-liderler-zirvesi-sona-erdi> (accessed: 19.01.2023).
51. Yılmaz A. N. & Kılıçoğlu, G. (2016). Directorate of Religious Affairs as a Soft Power Actor in Turkey's Latin American Initiative. *Journal of Current Researches on Social Sciences*. Antalya, 2016, N6(1), pp.135-154.
52. The World's Best Airlines of 2022. Available at: <https://www.worldairlineawards.com/worlds-top-100-airlines-2022/> (accessed: 07.01.2023).
53. 'Turkish Airlines'. History. Available at: <https://www.turkishairlines.com/tr-tr/basin-odasi/hakimizda/sayilarla-turk-hava-yollari/> (accessed: 21.01.2023).
54. Selçuk O. Turkish Airlines as a Soft Power Tool. Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Boğaziçi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2012. Available at: <https://ata.boun.edu.tr/ma-theses/orcun-selcuk> (accessed: 21.01.2023).
55. ŞİMŞEK G. (2020 Mayıs). Available at: <https://www.haberturk.com/yazarlar/guntay-simsek-1019/2697277-uculabilir-havalimani-olmanin-10-kurali> erişim tarihi: (accessed: 24.01.2023).
56. Turkey named world's 6th most favorite tourism destination in 2019. Daily Sabah. 11.02.2020. Available at: <https://www.dailysabah.com/business/2020/02/11/turkey-named-worlds-6th-most-favorite-tourism-destination-in-2019> (accessed: 12.02.2022).
57. Türkiye İstatistik Kurumu. Turizm İstatistikleri, IV. Çeyrek, Ekim-Aralık ve Yıllık, 2014. Available at: <http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=18665> (accessed: 03.02.2022).
58. Özkan M. Türkiye-Latin Amerika İlişkileri Üzerine Notlar. *Dış Politika Dergisi*. Sayı: 3. Ocak-Şubat-Mart 2018. pp.97-107.
59. Benhaïm Y., Öktem K. The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan. *European Journal of Turkish Studies (Online)*. N21, 2015. Available at: <https://journals.openedition.org/ejts/5275> (accessed: 29.01.2019).
60. Panama Bilgi Notu. Available at: <https://www.deik.org.tr/uploads/panama-nisan-2020.pdf> (accessed: 29.01.2022).
61. Kosta Rika Bilgi Notu. Available at: <https://www.deik.org.tr/uploads/kosta-rika-nisan-2020.pdf> (accessed: 29.01.2022).
62. Guatemala Bilgi Notu. Available at: <https://www.deik.org.tr/uploads/guatemala-nisan-2020.pdf> (accessed: 29.01.2022).
63. Эрдоган летит в Латинскую Америку на волне успеха турецких мыльных опер. *ИА Вестни Кавказа*. 27.11.2018. [Erdogan letit v Latinskuyu Ameriku na volne uspekha turetskikh mylnykh oper. [Erdogan is flying to Latin America in the wake of the success of Turkish soap operas]. *IA Vesti Kavkaza*. Available at: <https://vestikavkaza.ru/analytics/Erdogan-letit-v-Latinskuyu-Ameriku-na-volne-uspekha-turetskikh-mylnykh-oper.html> (accessed: 13.02.2022). (In Russ.).
64. How Turkish TV is taking over the World. Available at: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2019/sep/13/turkish-tv-magnificent-century-dizi-taking-over-world> (accessed: 13.01.2023).

65. Akyol A. Türk dizileri dünyada 400 milyon kişi izliyor. *Akşam*. 15.06.2014. Available at: <http://www.aksam.com.tr/ekler/pazar/turk-dizilerini-dunyada-400-milyonkisi-izliyor/haber-315819> (accessed: 19.03.2022).
66. Тиллаев О.«Article»: факты о турецких сериалах, о которых вы не знали. [Tillaev O. «Article»: fakty o turetskikh serialakh, o kotorykh vy ne znali. [«Article»: facts about Turkish TV series you didn't know about]. Available at: <https://kun.uz/ru/news/2020/11/15/article-fakty-o-turetskix-serialax-o-kotoryx-vy-ne-znali> (accessed: 16.01.2022). (In Russ.).
67. ABD'den sonra en fazla dizi ihrac, eden ülke Türkiye. 11.11.2019. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/abdden-sonra-en-fazla-dizi-ihrac-eden-ulke-turkiye/1641524> (accessed: 16.01.2022).
68. Турецкие сериалы процветают в Латинской Америке. [Turetskie serialy protsvetayut v Latinskoi Amerike. [Turkish TV series are flourishing in Latin America]. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/e2c0da2b> (accessed: 16.01.2023). (In Russ.).
69. Uluslararası İletişim ve Popüler Kültür Üzerine: Latin Amerika' daki Türk Televizyon Dizileri Üzerinden Bir Araştırma. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/925570> (accessed: 25.03.2022).
70. Anadolu Ajansı, bir asrı aşan haber yolculuğunda, yenilenen vizyonuyla öne çıkıyor. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/kurumsal-haberler/anadolu-ajansi-bir-asri-asan-haber-yolculugunda-yenilenen-vizyonuyla-one-cikiyor/2556292> (accessed: 15.12.2022).
71. Türkiye Radyo Televizyon Kurumu. Available at: <https://www.trt.net.tr/kurumsal/tarihce> (accessed: 25.01.2023).
72. Anadolu Agency. Available at: <https://www.aa.com.tr/ru/> (accessed: 20.01.2023).
73. Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. Available at: <https://www.ytb.gov.tr/kurumsal/baskanligimiz-2> (accessed: 21.01.2023).
74. Aras B., Mohammed Z. The Turkish government scholarship program as a soft power tool. *Turkish Studies*. 2018. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14683849.2018.1502042?journalCode=ftur20> (accessed: 14.03.2022).
75. Турция стала центром притяжения иностранных студентов. [Turtsiya stala tsentrom prityazheniya inostrannykh studentov. [Turkey has become a center of attraction for foreign students]. Available at: <https://www.trrussian.com/novosti/turciya-stala-centrom-prityazheniya-inostrannykh-studentov-11167719> (accessed: 15.07.2021). (In Russ.).
76. Emerging Economics University Rankings 2022. Available at: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2022/emerging-economics-university-rankings#!page/3/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (accessed: 08.12.2022).
77. QS World University Rankings 2022. Available at: <https://na.ria.ru/20190618/1555290583.html> (accessed: 12.01.2023).
78. Denize Hâkim Olan Cihana Hâkim Olur. Available at: <https://tasam.org/tr-TR> (accessed: 16.01.2023).
79. Latin Amerika Çalışmaları Anabilim Dalı. Available at: <http://latinamerika.ankara.edu.tr/latin-amerika-calismalari-anabilim-dali/> (accessed: 15.01.2023).
80. Ankara Üniversitesi Uygulamalı Latin Amerika Çalışmaları Merkezi (LAMER). Available at: <http://latinamerika.ankara.edu.tr/> (accessed: 5.01.2023).
81. Глава МИД Турции раскрыл планы страны в Латинской Америке. [Glava MID Turtsii raskryl plany strany v Latinskoi Amerike. [Turkish Foreign Minister reveals the country's plans in Latin America]. (In Russ.). Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/305bab34> (accessed: 12.01.2023).
82. Oween C. Barranzuela. Política exterior de Turquía en América Latina. 05.05.2022. Available at: <https://relacionateypunto.com/politica-exterior-de-turquia-en-america-latina/> (accessed: 15.12.2022).
83. Haşimi C. Turkey's Humanitarian Diplomacy and Development Cooperation. *Insight Turkey*. 2014, vol.16, N1, pp.127-145.

Liudmila A. Gainutdinova (lgaynutdinova@list.ru)

Doct. of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science of the Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia,

Moika Embankment, 48, 191186 St. Petersburg, Russian Federation

Havva Avcu (havvaavcuu@yandex.ru)

PhD, Department of Political Science of the Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia,

Moika Embankment, 48, 191186 St. Petersburg, Russian Federation

Turkey's "soft power" policy in Latin American countries

Abstract. When the Justice and Development Party came to power in 2002, deep transformation processes began in Turkey's foreign policy, turning the country not only into a regional but also a global leader. To expand the sphere of geopolitical interests and build long-term bilateral relations with Latin American countries, the Turkish government has developed a new foreign policy strategy based on the concept of "soft power". This article analyzes the features of the Turkish "soft power" policy in Latin America, its goals and priorities, as well as implementation tools.

Key words: Turkey, Latin America, Justice and Development Party, "soft power".

DOI: 10.31857/S0044748X0025606-5

Received 20.01.2023

С.Гелен

Особенности отношений Турции и Венесуэлы в контексте «теории ролей»

В результате трансформации международной системы в XXI в. роль Латинской Америки становится все более важной, а интерес к ней растет. Если до начала XXI в. отношения Турции с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна носили ограниченный характер, то в последние два десятилетия они приобретают стратегическое значение. Венесуэла является одной из стран, определяемых Турцией как стратегически важные в экономическом и политическом планах. В данной статье двусторонние контакты государств были рассмотрены сквозь призму «теории ролей» с учетом общей роли, которую Турцией играет в Латинской Америке, и, частично, роли Венесуэлы на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Турция, Венесуэла, «теория ролей», Латинская Америка, Ближний Восток.

DOI: 10.31857/S0044748X0025609-8

Статья поступила в редакцию 10.01.2023.

Начиная со второго десятилетия XXI в. роль Турции в Латинской и Карибской Америке (ЛКА) возрастает. Прежде всего это касается Венесуэлы, которая становится ее основным стратегическим партнером в регионе. Исследователи не обходят вниманием эту тему. Так, важную статью «Турция и Венесуэла: брак по расчету» подготовил экс-дипломат Имдат Онер, недавно занимавший должность заместителя главы миссии в посольстве Турции в Каракасе [1]. Общие тенденции турецких связей с латиноамериканскими государствами рассмотрены в работе аргентинского исследователя международных отношений Ариэля Гонсалеса Леваджи «Турция и Латинская Америка: новый горизонт для стратегических отношений» [2]. Не меньший интереса вызывает статья турецкого ученого и дипломата Мехмета Озкана «Заметки об отношениях Турции и Латинской Америки»,

Сефер Гелен — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, sefergelen001@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3127-3517>).

раскрывающая ряд особенностей двусторонних отношений с Венесуэлой [3]. Среди работ российских исследователей стоит, прежде всего, выделить труды Д.М. Розенталя, осветившего важные моменты внешней политики Венесуэлы в своих статьях «Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы» [4] и «"Непотопляемый" Мадуро. О политической устойчивости правительства Венесуэлы» [5]. Для анализа в рамках темы данной статьи значима и работа З.В.Ивановского «Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов» [6], а также монография под редакцией В.Л.Хейфеца «От биполярного мира к многополярному: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке» [7], в которых даны оценки политических трансформаций, происходящих в регионе, и освещены базовые тренды внешней политики. В то же время не все ее аспекты изучены в полной мере. Данная статья, в которой представлен анализ двусторонних отношений в рамках «теории ролей», призвана заполнить эту лакуну.

Основным предметом «теории ролей», возникшей в 1920—1930-х годах, являются модели поведения людей. Теорию начали применять в области внешней политики после 1970 г., в ее рамках была сформулирована идея о том, что государства также могут играть определенную роль [8, с. 15]. В то время как конструктивистская теория международных отношений американского политолога А.Вендта фокусируется на анализе государственного и системного уровней, ролевая теория как подход к анализу внешней политики дополнительно предполагает исследование индивидуального уровня (человеческие акторы) [9, с. 5].

Одним из наиболее важных среди общих ролевых приложений считается концепция национальной роли (*National Role Conception*). Большинство исследователей, посвятивших свои работы этой теме, в качестве отправной точки берут статью канадского политолога Калеви Холсти «Концепции национальной роли в изучении внешней политики» [10, с. 309]. Согласно К.Холсти, понимание страной своей национальной роли (и эволюция такого понимания) определяет ее внешнюю политику. По мнению Ульриха Кротца, профессора Европейского университетского института в Италии, различия во внешней политике двух внешне похожих государств можно объяснить, обратившись к «пониманию каждой страной своей национальной роли» [11, с.5]. Еще одно распространенное применение ролей, используемое в анализе внешней политики, это — так называемые ролевые ожидания. Как отмечает Вехнер, доктор философии в области международных отношений, «роли конструируются интерактивно, и самовосприятие приходит не только изнутри, но и приписывается другими» [12, с. 440]. Хадсон, заслуженный профессор университета Джорджа Г.У.Буша, определяет ожидания того, как отреагирует другой, как «шаблоны действий». Во многих случаях жители той или иной страны в состоянии распознать эти модели действий и предвидеть реакцию граждан иного государства. Народы двух отдаленных друг от друга стран (в нашем случае — Венесуэлы и Турции) могут составить представление о другом народе, даже если они никогда не встречались лицом к лицу [13, сс. 4-10].

Еще одним распространенным явлением является ролевой конфликт/совместимость. По утверждению немецкого социолога Георга Зим-

меня, «даже если наша индивидуальная и общая жизнь не противоречит роли, отведенной нам обществом, мы чувствуем себя в постоянном напряжении» [14, с. 10]. Такая же ситуация складывается в отношениях государств: конфликт ролей возможен, если в наборе ролей существуют две противоборствующие концепции, или когда две страны играют противоположные роли. Другими словами, ролевой конфликт возникает из-за двух переменных: самовосприятия и восприятия других [15, с. 12]. Ролевая совместимость может быть в рамках «набора ролей», которые играет государство (в этом случае все роли в наборе, скорее, находятся в гармонии и дополняют друг друга); так, роль «региональной державы» совместима с ролью «посредника». Совместимость ролей может иметь место и между двумя государствами [16, с. 5].

Анализируя национальные роли Турции в Латинской Америке и Венесуэлы на Ближнем Востоке, автор ставит целью выявить особенности двусторонних отношений в контексте указанной теории. В исследовании применялись методы анкетирования, контент-анализа и SWOT-анализа. В самостоятельно разработанных опросных листах был сформулирован ряд вопросов с целью определения образа жителей другой страны, сложившегося как у венесуэльцев, так и у турок. Используя метод контент-анализа, автор проанализировал ряд официальных документов. Применение SWOT-анализа позволило определить положительные и отрицательные аспекты двусторонних отношений, а также указать на существующие возможности и угрозы.

ТУРЦИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: НАЧАЛО ДИАЛОГА

Карта 1517 г., нарисованная Пири Рейсом (настоящее имя — Ахмед Мухиддин Пири), османским мореплавателем, географом и картографом для «*Kitab-ı Bahriye*» и «*Tarih ül-Hind il-Garbi*» (История Западной Индии), доказывает, что уже на тот момент османы знали о «новом» континенте. Начало официальных отношений между Османской империей и Латинской Америкой восходит к середине XIX в. Османское консульство в Вашингтоне, отвечавшее также за регионы Центральной и Южной Америки, было открыто в 1867 г. С 1860-х годов до конца Первой мировой войны в Латинскую Америку прибыло несколько волн миграции из османских земель. По словам Куковца Дьердя, исследователя османской иммиграции, общая османская иммиграция в Америку в период с 1881 по 1914 г. составила 1,2 млн человек [17].

Бразильская империя оказалась первой южноамериканской страной, установившей отношения с османами в 1858 г. Император Педру II (1872—1886) даже посетил османские земли в Египте в 1871 г., а также Ливан, Сирию и Палестину в 1876 г., чтобы «содействовать иммиграции в Бразилию» [18]. Первые контакты Порты со Второй Мексиканской империей произошли в 1864 г. Османский консул был назначен на Кубу в 1873 г., еще в период пребывания последней в составе испанской колониальной империи. Дипломатический канал связи с Венесуэлой появился в 1880-х годов. Турецкое консульство в Аргентине открылось в 1899 г., а официальные отношения с Чили были оформлены в 1913 г.

После основания Турецкой Республики первыми латиноамериканскими странами, официально признавшими страну, стали Чили (1930 г.), Бразилия (1930 г.) и Аргентина (1938 г.). Мексика (1947 г.), Венесуэла (1957 г.), Перу (1965 г.) и Куба (1979 г.) сделали это уже после Второй мировой войны. В 1992 г. президент Аргентины Карлос Сауль Менем (1989—1999 гг.), сын выходцев из Сирии, официально посетил Турцию, что оказалось первой поездкой главы одного из латиноамериканских государств в Анкару. Три года спустя, в 1995 г., глава Турции Сулейман Демирель (1993—2000 гг.) посетил Аргентину, Чили и Бразилию, где подписал восемь двусторонних соглашений [19].

В 1998 г. в рамках Плана действий для Латинской Америки и Карибского бассейна в Анкаре был проведен трехдневный саммит под председательством премьер-министра Месута Йылмаза. На нем присутствовали представители Бразилии, Аргентины, Мексики, Кубы, Чили и Венесуэлы. В том же году глава турецкого правительства впервые нанес официальный визит в Мексику, а министр иностранных дел Исмаил Джем посетил Кубу, Венесуэлу и Аргентину. В этот период Анкара, похоже, начала отдавать приоритет Латинской Америке. В 2004 г. министр иностранных дел Бразилии Селсу Аморим посетил Анкару. 2006 год, объявленный Турцией «Годом Латинской Америки и Карибского бассейна», знаменовал собой «новую эру» в отношениях. Тогда же министр иностранных дел Турции Абдулла Гюль, сопровождаемый депутатами, бизнесменами и министрами, посетил Бразилию. Помимо Бразильско-турецкого делового совета была создана двусторонняя комиссия по сотрудничеству высокого уровня [20]. Латиноамериканский континент неоднократно посещал (как глава правительства и как президент) и нынешний глава Турции Реджеп Тайип Эрдоган (2018 — н/в) (см. таблицу 1).

Т а б л и ц а 1

ВИЗИТЫ Р.Т.ЭРДОГАНА В ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ (2008—2023 гг.)

Год	2009	2010	2012	2013	2015	2016	2018	2022
Страна	Мексика	Бразилия Чили	Мексика Бразилия	Аргентина	Колумбия Куба Мексика	Чили Перу Эквадор	Аргентина Парагвай Венесуэла	—

Источник: составлено автором по [21].

В последние десятилетия Анкара активизировала свои связи со странами «Глобального Юга», включая Латинскую Америку. Среди причин изменения политики Турции в отношении региона можно назвать следующие;

— появление влиятельных незападных держав. Одним из важнейших примеров этого является основание такой структуры, как БРИКС. В связи с ее растущей экономической и политической значимостью Турция высказывала интерес к развитию тесного сотрудничества с этой организацией, хотя неясно, будет ли она вступать в данное объединение [20];

— последствия финансового кризиса 2008—2009 гг. После экономического кризиса 2008—2009 гг. Турция осознала необходимость создания экономической системы, альтернативной западноцентричной, и предпри-

няла соответствующие инициативы. Стоит также отметить и неоднократные неудачные попытки страны войти в состав Европейского союза;

— идеология Партии справедливости и развития (*Adalet ve Kalkınma Partisi, AKP*) (включая неоосманизм). В отличие от предыдущих правительств *AKP* обладает глобальным, а не региональным видением перспектив. Неоосманистские подходы и отсылки к историческому, культурному и религиозному наследию Турции предполагают превращение ее в новую мировую державу. Турция действует как могущественная страна, которая может достигать далеких земель и проводить собственную политику. Политика «южного маршрута», охватывающая Азиатско-Тихоокеанский регион, Африку и Латинскую Америку, преследует дополнительную цель — занять важное место в глобальном управлении.

Кроме того, Турция, исходя из новых приоритетов внешней политики, стремится к тому, чтобы выполнять роль содействия развитию. Турция является второй страной в мире после США по размерам предоставления гуманитарной помощи (относительно валового национального продукта) [22]. Она осуществляет подобные программы во многих странах Латинской Америки, Азии, на Ближнем Востоке и в Африке. Анкара также предложила техническую помощь для содействия многим инициативам местных малых предприятий. Открытие офиса Турецкого агентства по сотрудничеству и координации в Колумбии указывает на роль страны как «посредника в развитии». Данное представительство выступало в роли операционного центра для всего региона Латинской и Карибской Америки;

В Латинской Америке Турция пытается действовать как «мост» между богатыми странами Запада и менее богатыми странами Глобального Юга, поскольку поддерживает контакты с обеими сторонами. Эта роль «моста» более специфична для региона и предполагает упор не на географическую, а, скорее, на экономическую функцию. Поэтому тот факт, что многие развивающиеся страны расположены в ЛКА, является одной из причин интереса Анкары к этому региону;

Турция стремится играть роль государства антиимпериалистической направленности. Поддержка Турцией президента Венесуэлы Николаса Мадуро (2013 — н/в) в ходе системного венесуэльского кризиса, когда большинство стран Запада отказали президенту южноамериканской страны в признании, показывает, что Турция не боится бросить вызов гегемонии США в Латинской Америке. Несмотря на давние связи Каракаса с такими государствами, как Ливия, Сирия, Ирак и Иран (которые отчасти создали в глазах ряда американских элит репутацию страны как «протеррористического государства» в регионе), не остановили Р.Т.Эрдогана [23]. Поддержка Турцией наследия Уго Чавеса (1999—2013 гг.) и отказ Анкары признать Хуана Гуайдо (самопровозглашенного президента) показывают антиимпериалистическую роль, которую страна хотела бы играть в Латинской Америке. Это, однако, не означает присоединения Турции к идеям так называемого Социализма XXI века: Анкара преследует геополитические, а не идеологические цели. Поэтому одной из причин заинтересованности Турции в ЛКА является желание играть в этом регионе такую же антиимпериалистическую роль, какую она играла на Ближнем Востоке.

РОЛЬ ВЕНЕСУЭЛЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Венесуэла — одна из крупных латиноамериканских стран (хотя длящийся годами системный кризис в значительной степени ослабил ее влияние), стремящихся играть политическую роль на Ближнем Востоке. С 1949 г. она прилагала усилия для сближения с Ираком, Кувейтом, Ираном и Саудовской Аравией, а после создания Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) в 1960 г. Каракас установил еще более тесные отношения с указанными государствами. Позже Венесуэла наладила контакты с Катаром, Ливией, Объединенными Арабскими эмиратами (ОАЭ) и Алжиром, которые являются важной частью арабского мира и «Большого Ближнего Востока» [24; 25].

Еще одним фактором, определяющим политику Венесуэлы в отношении региона, являлось наличие формально социалистических (или левонационалистических) режимов на Ближнем Востоке. Страна развивала отношения на идеологических основаниях с такими странами, как Народно-Демократическая Республика Йемен, Арабская Республика Египет, Республика Ирак, Сирийская Арабская Республика и Ливийская Социалистическая Народная Джамахирия. Венесуэла солидаризовалась с арабскими государствами, использовавшими ОПЕК в качестве политического инструмента против западных государств, поддержавших Израиль в арабо-израильской войне в октябре 1973 г. Уже в XXI в. Каракас открыто выступил против интервенции НАТО в Ливию, американо-британской военной операции в Ираке и интервенции в Сирию [26].

Отношения Венесуэлы с Ираном чрезвычайно важны. Иран — одно из неарабских государств в регионе наряду с Турцией и Израилем. Шах Мохаммед Реза Пехлеви (1941—1979 гг.), открывший посольства в ряде стран ЛКА в рамках своей оппозиции Советскому Союзу и международному коммунистическому движению, рассматривал отношения с Латинской Америкой как продолжение связей с США в широком смысле. Для Венесуэлы, в свою очередь, отношения с Ираном были значимы в контексте создания и развития ОПЕК. Иранско-венесуэльские контакты, особенно после прихода к власти президента У.Чавеса, сыграли основополагающую роль в отношениях Ирана с континентом [27].

Ближневосточная диаспора и мусульманское население Венесуэлы существенно влияют на роль, которую страна играет в отношении Ближнего Востока. Значительную часть ближневосточной диаспоры в Латинской Америке составляют потомки тех, кто эмигрировал в период Османской империи, и арабов, приехавших с Ближнего Востока позднее (предположительно, речь идет 15-20 млн человек) [28]. Помимо известного политика и министра нефти Венесуэлы (до конца марта 2023 г.) Тарека Эль-Айсами, в Венесуэле есть много других людей арабского происхождения. Среди них — политик и адвокат Тарек Сааб, актриса Корайма Торрес и певица Элизабет Айуб. В стране легально проживают более 600 тыс. (и 1 млн нелегально!) венесуэльцев арабского происхождения, большинство из которых — иммигранты из Сирии, Ливана и Палестинской Национальной автономии (значительная часть из них является христианами) [29].

Мусульманское население Венесуэлы составляет около 150 тыс. человек (лица ливанского, сирийского и ливийского происхождения), прожи-

вающих в штате Нуэва-Эспарта, Каракасе, Валенсии и Маракайбо; есть также венесуэльцы, принявшие ислам [30]. Если 50% мусульманского населения Латинской Америки составляют иммигранты, прибывшие после 1850 г. из османских земель (их часто называют «El Turco» («Турок»)), то вторая половина — это именно мусульмане-неофиты. Сегодня Латинская Америка — это регион, где ислам распространяется быстрее других конфессий, а средний возраст мужчин и женщин, принимающих ислам, составляет 17-27 лет [3].

РОЛЬ ВЕНЕСУЭЛЫ И РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ/ОБРАЗНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВЕНЕСУЭЛЫ В ТУРЦИИ

В таблице 2 содержится разбивка по историческим периодам представлений венесуэльцев о национальной роли своей страны. Сложившаяся к настоящему моменту роль этой страны в мировой и региональной политике сформировалась под влиянием целого ряда исторических процессов. Компоненты нынешней национальной роли Венесуэлы отражены в таблице 3.

Т а б л и ц а 2

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ВЕНЕСУЭЛЫ В ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

Период	Концепция национальной роли
Доколониальная Венесуэла	Авторитаризм, полное подчинение богу-царю
Период испанского колониального владычества	Авторитаризм, отречение, подчинение, коллективизм, протореволюционный социализм
Независимость (1810 г.) и понимание национальной роли в Республике Великая Колумбия	Доминирует неопределенность (этот этап относится к переходному периоду формирования венесуэльской идентичности)
1830—1928 гг.	Революционная роль, подражание европейской модели
1928—1998 гг., Республиканский период	Полудемократическая роль (период становления основ демократии) [31]
XXI в.	Революционный, независимый, восстание против международной системы

Источник: Составлено автором.

Т а б л и ц а 3

СЛОЖИВШАЯСЯ РОЛЬ ВЕНЕСУЭЛЫ

Сложившаяся роль Венесуэлы	Характеристика
Антиимпериализм, антиколониализм/антииностранный господство	Симон Боливар был автором боливарианской антиимпериалистической идеи. Такие лидеры, как генерал Паес, Уго Чавес и Николас Мадуро, играли роль антиимпериалистических агентов [31].

Бастион революции	Страна взяла на себя роль оплота революции на латиноамериканском континенте.
Роль универсального представителя	Франсиско де Миранда являлся первым «глобальным венесуэльцем» и революционером. Он был известен как «Первый универсальный венесуэлец» и «Великий универсальный американец».
Восстание против международной системы	Венесуэла находится в тесных отношениях с такими странами, как Россия, Китай и Иран.
Сторонник/защитник коренных народов	Целью является обращение к глубокой истории
Мировой поставщик нефти	Отношения с Ираном, Ираком, Кувейтом, Саудовской Аравией

Источник: Составлено автором.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТУРЦИИ И ВЕНЕСУЭЛЫ В XXI В.

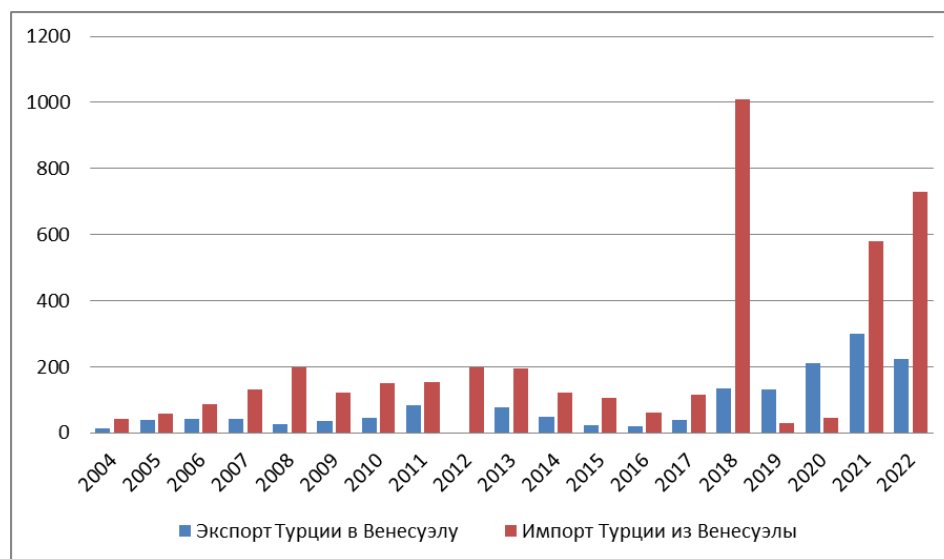
Дипломатические отношения между двумя странами имеют почти 70-летнюю историю. Однако до начала 2000-х годов они оставались весьма ограниченными [32]. Эти связи ухудшились в 2005 г., когда Национальное собрание Венесуэлы приняло резолюцию (Мадуро тогда являлся спикером парламента) о признании геноцида армян в Турции во время Первой мировой войны [33]. Во время «арабской весны» Каракас и Анкара также враждовали: У.Чавес поддерживал президента Сирии Башара Асада (2000 — н/в), а Эрдоган, будучи премьер-министром, критиковал Асада и призывал к смене режима в Дамаске. Чавес, будучи сторонником режима Муаммара Каддафи (1979—2011 гг.), обвинил Турцию и других членов НАТО во вмешательстве в операции против Сирии и Ливии.

В 2010 г. визит Мадуро в Турцию оказался знаменателен тем, что стал первой поездкой министра иностранных дел Венесуэлы в Турцию. Этот визит был важен для смягчения напряженных отношений. Во время поездки было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в области энергетики [34]. В 2011 г. Танер Йылдыз, тогдашний министр энергетики и природных ресурсов, посетил Венесуэлу, заявив, что две страны намерены сотрудничать в деле закупки нефтепродуктов в обмен на ряд строительных проектов, которые планировало осуществить Турецкое управление жилищного строительства. Деловой совет Турция — Венесуэла, созданный в 2012 г., является свидетельством отношений, ориентированных на экономику во внешней политике [35].

15 июля 2016 г. в Турции произошла неудавшаяся попытка государственного переворота. Мадуро, опасавшийся подобного развития событий в своей стране, использовал сложившуюся политическую обстановку и сразу же выразил поддержку Эрдогану и его правительству [36]. Поступок венесуэльского президента «открыл дверь» для потепления отношений между двумя странами. Первый визит Мадуро в Анкару в качестве президента состоялся в 2017 г. С того времени президент Венесуэлы посетил Анкару пять раз. Были подписаны двусторонние экономические соглашения с Совместной комиссией по сотрудничеству (*Joint Cooperation Commission*) [37]. Для дальнейшего укрепления отношений Р.Т.Эрдоган посетил Вене-

суэлу после участия на саммите G20 («Большой двадцатки») в Аргентине в декабре 2018 г. В результате заключения двусторонних соглашений и открытия офиса организованная Ассоциацией независимых промышленников и предпринимателей Турции объем товарооборота утроился [38].

ЭКСПОРТ ТУРЦИИ В ВЕНЕСУЭЛУ И ИМПОРТ ТУРЦИИ ИЗ ВЕНЕСУЭЛЫ (млн долл.)

Источник: составлено автором по: [39; 40].

В 2018 г. из Венесуэлы в Турцию были отправлены тонны золота с целью обойти западные санкции и обеспечить Каракасу необходимые валютные средства [41]. Кроме того, авиакомпания *Turkish Airlines* в момент западных санкций обеспечила воздушное сообщение с Венесуэлой [42]. Анкара также оказывала давление на школы, связанные с *FETÖ* (террористическая организация фетхуллахистов), требуя либо закрыть их, либо передать в государственное ведение, и в итоге турецкое правительство взяло эти учреждения под свой контроль [43]. Эрдоган подверг резкой критике поддержанную США попытку переворота против Мадуро в Венесуэле и выразил поддержку президенту страны. Турция также рассмотрела возможность выполнения потенциальной посреднической роли между правительством Мадуро и венесуэльской оппозицией.

Во время визита в Каракас в 2018 г. Эрдоган объявил, что его страна планирует построить там мечеть по просьбе Венесуэлы [44]. Турция также заинтересована в открытии в стране офиса Института Юнуса Эмре, государственного культурного агентства. Работа над обоими проектами все еще продолжается [1].

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛЕЙ ТУРЦИИ И РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ/ОБРАЗНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТУРЦИИ В ВЕНЕСУЭЛЕ

После нескольких лет оккупации, последовавшей за распадом Османской империи в 1918 г., была основана современная Турецкая Республика с ролью «независимости». Приоритетами ее лидера М.Кемаля Ататюрка (1923—1938 гг.) были курс на реализацию экономических, культурных и социальных реформ, а также принятие международным сообществом роли Турции как мирного государства, избегающего риска [45, с. 470]. Самым важным отражением этой независимой и беспристрастной роли Турции стал отказ от участия во Второй мировой войне, несмотря на все давление, оказанное на нее странами Оси. Учитывая условия того исторического периода, Анкара взяла на себя очень сложную для недавно созданного государства роль [46].

После Второй мировой войны Турция была вынуждена выбирать между западным (во главе с США) и восточным (во главе с СССР) блоками. Страна вступила в Совет Европы в 1949 г. и в НАТО в 1952 г. с идеей, что «дальняя угроза безопаснее, чем ближняя» [47, с. 656]. В этом процессе Турция играла несколько разных ролей. Первая заключалась в защите Европы с юга от СССР. Вторая роль предусматривала сдерживание арабского национализма, возникшего во время «холодной войны», который в основном находился под советским влиянием. Приняв на себя эти две роли, Анкара отказалась от прежней линии и выступала в качестве «верного союзника» [48].

Распад СССР в 1991 г. предоставил Турции возможность новую независимую внешнеполитическую роль, несмотря на членство в НАТО. После падения Берлинской стены исчезли некоторые искусственные границы и возникла новая сфера влияния на Балканах, в Центральной Азии и на Кавказе. В этот период Турция создала лояльный союз с Западом (война в Персидском заливе) и приняла на себя роль регионального лидера. Страна также развивала особые отношения с Россией и являлась «мостом» между Западом и Востоком [49, с. 280].

Серьезные изменения начались после прихода к власти ПСР. В этот период Турция начала подчеркивать значение современной исламской идентичности, стала играть роль глобальной державы (помимо уже имевшейся роли региональной державы) и проводника интеграции с тюркским миром. Во время «арабской весны» страна стремилась стать ролевой моделью для арабских государств. Хотя в краткосрочной перспективе это отчасти получилось, в долгосрочной перспективе эту линию не удалось закрепить [50]. Исторические периоды концепции национальной роли Турции перечислены в таблице 4.

Т а б л и ц а 4

КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ТУРЦИИ

Период	Концепция национальной роли
Досовременная Турция	Империалистическая роль
Во время и после периода М.К.Ататюрка	Внутренний независимый разработчик

Эпоха «холодной войны»	Внутренний разработчик, верный союзник
После «холодной войны»	Региональный лидер, верный союзник, член западного мира, мост
Эпоха АКТ	Интеграция с тюркским миром, член западного мира, «мост», региональный лидер, естественный лидер/модель
После «арабской весны»	Интеграция с тюркским миром, «мост», защитник меньшинств

Источник: составлено автором.

НЫНЕШНИЕ РОЛИ ТУРЦИИ

Сегодня страна играет роль «моста» между Югом и Севером, Востоком и Западом, между исламским миром и другими цивилизациями, между Азией и Европой, развитыми и развивающимися странами, между Африкой и Ближним Востоком и Европой. Она также выступает в роли естественного лидера/модели: Турция подает себя как модель светского исламского государства для арабских стран, лидера исламского мира и модель развития для тюркоязычных государств в Центральной Азии [3].

После распада СССР Турция также взяла на себя роль «старшего брата» для независимых тюркоязычных государств, возникших на постсоветском пространстве. Все эти годы она сохраняет позиции защитницы мусульманских общин мира и турецких общин в бывших османских землях.

Турция пыталась выступить в качестве посредника между Израилем и Палестинской национальной администрацией, Боснией и Герцеговиной и Сербией, Россией и Украиной. Совместно с Бразилией страна выступала посредниками по программе обогащения урана в Иране [51].

Хотя Турция является членом НАТО, она играет роль автономного союзника, не всегда действуя идентично поведению стран НАТО. В целом страна предпочитает выступать в роли независимого актора, легко переходящего из одного альянса в другой. Турция стала важной державой в своем регионе в соответствии с объявленной концепцией «Цель 2023». Это облегчает ей и реализацию роли восходящей державы, политическая и военная мощь которой в нынешнем столетии только растет. Эта задача сформулирована в «Цели 2071», провозглашенной руководством АКТ [2].

В отношениях с Венесуэлой Турция исходит из следующего:

— оппозиция к существующей международной системе. Турция приветствует позицию Венесуэлы против международного статус-кво. Анкара хочет изменить систему, позиционируя себя как консолидированную глобальную державу. Она готова к изменению существующих систем, таких как Совет Безопасности ООН (Турция выступает за расширение числа его постоянных членов). По этой причине Мадуро и Эрдоган «поддерживают демократический и справедливый Совет безопасности». В этом контексте роли Венесуэлы и Турции гармоничны;

— сторонник революции в Венесуэле. Она поддерживает наследие Чавеса и выступает против любых попыток навязать нового президента [52]. Турция превратилась в сторонника революции в Венесуэле «праг-

матично и периодически», несмотря на то что выступает против революционных принципов;

— защитник мусульманского меньшинства. Очевидно, что Турция заинтересована в сотрудничестве с мусульманским населением Венесуэлы. Через турецкие неправительственные организации (НПО) Турция показала мусульманам страны, что готова взять на себя роль «защитника мусульманского меньшинства»;

— защитник дела Палестины. Президенты Р.Т.Эрдоган и Н.Мадуро публично обозначили свою поддержку Палестины. Боливию и Венесуэлу можно считать теми странами в Латинской Америке, которые занимают последовательную и четкую позицию в отношении Палестины и Израиля. Турецкая администрация, кажется, заметила это и поэтому играет эту общую роль с Венесуэлой;

— экономический партнер. Экономические отношения между Турцией и Венесуэлой развиваются день ото дня. В 2018 г. торговля золотом между двумя странами достигла наивысшего уровня, а доверие сторон друг к другу возросло.

В рамках работы над статьей в период с 10.12.2022 по 04.05.2023 было проведено онлайн-исследование участников разных групп социальных сетей. Были опрошены 156 респондентов: 102 человека в возрасте от 18 до 35 лет и 54 человека в возрасте от 35 до 51 года; всего 95 мужчин и 61 женщина. В ходе исследования венесуэльским респондентам были заданы различные вопросы о политической мощи Турции, экономических возможностях Турции для Венесуэлы, возможной турецкой угрозе национальным интересам Венесуэлы и о турецких возможностях для них, а также о турецкой культуре.

Образ Турции у венесуэльской общественности формируется в основном в политическом, военном и экономическом контекстах. В то время как венесуэльцы оценивают Турцию как страну среднего класса в экономическом плане, у них сложился ее образ как сильного в военном отношении государства. Во-первых, членство Турции в G20 и НАТО является наиболее убедительным аргументом при формировании этого образа. Во-вторых, на образ Турции в Венесуэле влияют турецкие телесериалы, транслируемые на испанском языке в Латинской Америке. Благодаря этой телепродукции восприятие турок отделяется от восприятия Ближнего Востока в целом. Поэтому такие культурные аргументы, как история, праздник и семья, являются самыми распространенными аргументами влияния, которые приходят на ум. В-третьих, венесуэльцы не воспринимают Турцию как страну, несущую угрозу, но и ожидания от двустороннего экономического сотрудничества невелики.

Довольно долго у венесуэльцев существовало ошибочное мнение, что турки говорят на «арабском» языке (это было вызвано отождествлением их с арабскими иммигрантами, приехавшими в Латинскую Америку в османский период). Однако по мере развития двусторонних отношений в последние годы на первый план вышли турецкий язык и турецкая идентичность. Существуют различные образы турок в связи с теми или иными региональными проблемами. Так, когда речь идет о оценке израильско-палестинского конфликта, венесуэльцы склонны считать, что Турция поддерживает палестинцев из-за своей мусульманской идентичности. Кроме того, доминирует образ прямого уча-

ствия Турции в сирийском конфликте. Ввиду гуманного подхода к беженцам из Сирии имидж турок среди венесуэльцев также является позитивным. В целом респонденты недостаточно информированы о региональном/конфессиональном конфликте между Турцией и Ираном.

Интересно отметить, что большинство венесуэльцев представляют себе Турцию как европейскую, а не как ближневосточную страну. До недавнего времени роль Турции в Латинской Америке можно было считать многоуровневой. Если в латиноамериканских странах, поддерживающих правительство Мадуро, восприятие Турции являлось более позитивным, то в странах, выступающих против него Мадуро, оно оказывалось более негативным. Однако для окончательных выводов имеющихся данных недостаточно, и требуется провести дополнительное комплексное исследование по этому вопросу [24, сс. 8-12].

Т а б л и ц а 5

**НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПОНЯТИЯ,
СВЯЗАННЫЕ С ТУРЦИЕЙ, В ВЕНЕСУЭЛЕ**

Культурный имидж	Туризм (море и пляжи), телесериалы, турецкая еда (кебаб и кофе), флаг с полумесяцем, турецкие имена
Религиозный имидж	Мечети, ислам, женщины с закрытым лицом, светское государство, Стамбул, султан Мехмет II
Политический имидж	Р.Т.Эрдоган, авторитаризм, антизападничество, антикапитализм, страна иммигрантов
Географический имидж	Европейская страна (50%), ближневосточная страна (40%), арабская страна (10%),
Экономический имидж	Экономика средней державы (G20), хорошая экономическая ситуация
Военная мощь	Сильная армия, война, конфликт

Источник: составлено автором на основе опроса венесуэльцев.

Аналогичный опрос был проведен среди 112 турецких респондентов: 70 человек в возрасте от 18 до 35 лет и 42 человека в возрасте от 35 до 60 лет; всего 70 мужчин и 42 женщины. В ходе исследования респондентам задавались вопросы о восприятии политической, культурно-географической и международной роли Венесуэлы (см. таблицу 6).

Образ Венесуэлы среди турецкого народа формируется в основном в политическом контексте. У турецкого народа сложилось мнение, что в Венесуэле политически нестабильное и социалистическое правительство. 90% респондентов из Турции негативно относятся к социализму и коммунизму. Они воспринимают Венесуэлу как бедную страну, но богатую нефтью и золотом. Кроме того, в Турции широко известны такие венесуэльские лидеры, как Чавес и Мадуро. У этих лидеров — положительный имидж из-за своей антиамериканской направленности. Турки воспринимают Венесуэлу как очень красивую и экзотическую страну, расположенную в бассейне Амазонки. 70% респондентов знают, что в Венесуэле говорят по-испански. 90% респондентов утверждают, что политическая роль Венесуэлы в международном сообществе неэффективна. Существует также негативное мнe-

ние о том, что у экономических и политических отношений с Венесуэлой нет будущего. 90% респондентов считают Венесуэлу страной мафии и, следовательно, опасной страной.

Т а б л и ц а 6

САМЫЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПОНЯТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВЕНЕСУЭЛОЙ, В ТУРЦИИ

Культурный имидж	Испаноязычный, какао
Религиозный имидж	Христианин, католик
Политический	Чавес, Мадуро, социализм, антиамериканизм
Географический имидж	Леса и реки
Экономический имидж	Бедная страна, бедные люди, нефть, золото, нестабильность
Военная мощь	Слабая страна
Другое	Флаг

Источник: Составлено автором на основе опроса турок.

Т а б л и ц а 7

ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ	ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ
Западные санкции	Экономические проблемы
Антиамериканская позиция	Необходимость краткосрочных экономических отношений
Тесные отношения с Россией	Гармония личных симпатий лидеров
Необходима дипломатическая поддержка со стороны международного сообщества	Радикальные изменения во внешней политике Турции
Желание запада сменить руководство страны (страх потерять власть)	

Источник: составлено автором.

Санкции США и Запада против Венесуэлы и Турции являются источником мотивации для обеих стран. В международном сообществе обе страны защищают права друг друга. После неудачной попытки военного переворота в Турции в 2016 г. антиамериканизм в стране резко усилился. Аналогичная ситуация сложилась и в Венесуэле, когда США хотели заменить Мадуро на Х.Гуайдо. Это привело к сближению Каракаса и Анкары. Кроме того, экономические проблемы в обеих странах побуждают их к сотрудничеству в определенных областях. Венесуэле и Турции необходимо сделать некоторые шаги для преодоления последствий экономического кризиса и негативного влияния санкций. Другим важным объединяющим фактором являются тесные отношения с Россией. Эрдогана и Мадуро объединяют схожие взгляды на некоторые вопросы международной политики. Кроме того, у этих лидеров хорошие личные отношения, что позволяет быстро принимать решения.

Турция развивает связи с Венесуэлой в рамках общей политики в отношении Латинской и Карибской Америки. Двусторонние экономические и политические отношения, которые усилились из-за экономических проблем, имеют более утилитарный характер. Наконец, отношения Турции с Латинской Америкой развиваются с каждым днем, что является наиболее наглядным свидетельством интереса Турции к региону.

Особенность политики Венесуэлы в отношении Турции заключается в том, что эта политика носит конъюнктурный характер. Контакты с Турцией развивались не на долгосрочную перспективу, а для преодоления периодических кризисов. Другими словами, Каракас должен был разработать политические маневры, чтобы избавиться от экономического и политического давления Запада. Развитие отношений Венесуэлы с Турцией выгодно, поэтому существует высокий риск того, что уровень связей с Турцией снова упадет в результате нормализации отношений Каракаса с Западом и снятия западных санкций.

Т а б л и ц а 8

SWOT-АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ВЕНЕСУЭЛОЙ

Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
Оппозиция к США и Западу Двусторонние экономические соглашения Шаги, предпринятые для институционализации Совместная комиссия по сотрудничеству Развитие отношений в области горнодобывающей промышленности, финансов, энергетики, агропромышленного комплекса, военного дела Рост объемов экономики Автономная внешняя политика	Отсутствие институционализации Зависимость двусторонних отношений от личностей лидеров Отсутствие общего языка Культурно-конфессиональные различия Географическая удаленность Отсутствие исторической связи	Венесуэлы для Турции: может быть одной из ключевых стран в деле углубления внешней политики в Латинской Америке; распространение турецкой культуры (сериалы и т. д.); развитие туризма; повышение эффективности турецкой авиакомпании; Турции для Венесуэлы: преодоление давления США; облегчение экономического положения; дипломатическая и политическая поддержка	Политико-экономическое давление со стороны США Отсутствие прозрачности в торговле золотом Риск смены власти в связи с выборами в Турции Проблемы с инвестициями в случае смены руководства Усиление западных санкций

С 2000-х годов Турция играет важную политическую, экономическую и культурную роль в ЛКА в рамках своего регионального плана действий. За последние 20 лет национальная роль Анкары в Латинской Америке возросла. Турция увеличила свои ролевые ожидания в отношении некоторых латиноамериканских стран, в частности Венесуэлы. После прихода к власти АКТ концеп-

ция внешней политики изменилась с регионального на глобальный подход, предполагающий нацеленность преимущественно на Африку и Латинскую Америку. Ухудшение отношений с Евросоюзом заставило Турцию развивать контакты с новыми экономическими регионами, такими, как Глобальный Юг. Некоторые причины повлияли на взаимодействие Турции с Венесуэлой. К ним относятся: западные санкции, «личная химия лидеров», антиамериканизм, хорошие отношения с Россией, необходимость политической поддержки в международной среде, преодоление экономического кризиса и радикальные изменения во внешней политике. При этом характер двусторонних отношений применительно к самой Турции следует рассматривать как прагматичный и в то же время конъюнктурный, но при этом долгосрочный.

На протяжении многих лет Венесуэла играла важную роль на Ближнем Востоке, используя как инструменты ОПЕК, левую риторику, антиамериканизм и антиизраильскую позицию. Отношения с Турцией радикально изменились после прихода на пост главы государства Мадуро, и эти двусторонние контакты развиваются весьма активно. По ряду причин Венесуэла заинтересована в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с Турцией. Как и в случае Анкары, значимыми оказываются западные санкции, антиамериканизм, тесные контакты с Москвой, желание выстроить противовес давлению Запада и обеспечить выход из экономического кризиса. В то же время для Венесуэлы эти отношения являются, скорее, утилитарными и краткосрочными. Таким образом, можно отметить частичную гармонизацию национальных ролей двух стран. Этому способствует гармония в личных ролях руководителей Турции и Венесуэлы. Соответственно, динамика и перспективы двусторонних отношений будут определяться тем, кто окажется у власти в Турции и в Венесуэле в ближайшие месяцы и годы. Возможный (но не обязательный) уход АКР от власти на выборах мая 2023 г. в Турции* окажет негативное влияние на отношения как с регионом ЛКА в целом, так и с Венесуэлой в частности. Аналогично, возможный уход Мадуро с поста может изменить позицию и роль страны в отношении Турции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Oner I. Turkey and Venezuela: An Alliance of Convenience. Woodrow Wilson International Center for Scholars. *Latin American Program and the Middle East Program*. 2020, N 1, pp.1-23.
2. Levaggi A. G. Turkey and Latin America: A New Horizon for a Strategic Relationship. *Regional Orders in World Politics*. Berlin: ResearchGate. 2013, vol. 18, N 4, pp. 99-116.
3. Özkan M. Türkiye-Latin Amerika ilişkileri Üzerine Notlar. Bilimevi Basım yayın A.Ş. *Dış Politika*. İstanbul. 2018, vol. 1(3). pp.97-106.
4. Розенталь Д. М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы. *Латинская Америка*. М., 2018, № 10, сс. 49-60. [Rozenal D. M. Venesuelskiy uzel v latinoamerikanskoj politike Moskvy [The Venezuelan Node in the Latin American Policy of Moscow]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2017, N 10, pp. 49-60 (In Russ.).]
5. Розенталь Д.М. “Непотопляемый” Мадуро. О политической устойчивости правительства Венесуэлы. *Свободная мысль. Theatrum mundi*. М., 2022. № 4, сс. 170-180. [Rozenal D. M., Rozenal D. “Nepotoplyayemy” Maduro. O politicheskoy ustoychivosti pravitelstva Venesuely [“Unsinkable” Maduro. On the political stability of the government of Venezuela]. *Svobodnaya Mysl. Theatrum mundi*. Moscow, 2022, N 4, pp.170-180 (In Russ.).]

* Второй тур президентских выборов состоится 28 мая 2023 г. На момент сдачи номера его результаты неизвестны

6. Ивановский З. В. Латинская Америка в новом тысячелетии: Социальная панорама и динамика политических процессов. *Латинская Америка*. М., 2019, № 7, сс. 30-39 [Ivanovskiy Z. V. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii: Sotsialnaya panorama i dinamika politicheskikh protsessov [Latin America in the new millennium: social panorama and dynamics of political processes]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 7, pp. 30-39 (In Russ.).]
7. Хейфец В.Л. (ред.). От биполярного мира к многополярному: Латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2018. [Jeifets V.L. (red.). Ot bipolyarnogo mira k mnogopolyarnomu: Latinoamerikanskiy vektor mezhdunarodnykh otnoшений v XXI veke [From Bipolar to Multipolar World: Latin American Vector of International Relations in the 21st century]. Rossiyskaya Politicheskaya entsiklopediya. Moscow, 2018, 494 p.]
8. Breuning M. Role Theory Research In International Relations: State of the Art and Blind Spots. Hamish (Ed.). In *Role Theory in International Relations*. London: Taylor & Francis. 2011, 20 p.
9. Walker S. Foreign Policy Analysis and Behavioral International Relations. Walker Stephen (Ed.) *Rethinking Foreign Policy Analysis. States, Leaders, and the Microfoundations of Behavioral International Relations*. London: Routledge. 2011, 336 p.
10. Holsti K. J. Role Conceptions in the Study of Foreign Policy. *International Studies Quarterly*. Oxford University Press, vol.14, N 3, 1970, pp. 233-309.
11. Krotz U. National Role Conceptions and Foreign Policies: France and Germany Compared. New England: Harvard University, Minda de Gunzburg Center for European Studies, 2002, 45 p.
12. Wehner L. Role Expectations as Foreign Policy: South American Secondary Powers Expectations of Brazil as a Regional Power. *Foreign Policy Analysis*. Public university in Bath. England. 2015, vol.11, N 4, pp.435-455.
13. Hudson V. Foreign Policy Analysis. Classic and Contemporary Theory. London: Rowman & Littlefield. 2014, 288 p.
14. Arditi J. Simmental's Theory of Alienation and the Decline of the Nonrational. *Sociological Theory*. Lancaster. 1996, vol. 14, N 2, pp. 93-108.
15. Sheehan J. Role Conflict Theory. Sheehan, Joseph (Ed.). In *Stuttering: Research and Therapy*. New York: Harper & Row. 1970, 424 p.
16. Goffman E. The Presentation of the Self in Everyday Life. London: University of Edinburgh. Social Sciences Research Centre. 1956, 152 p.
17. Kukovec G. "The 'Turks' of Latin America. Remarks on the problems of Syrian Lebanese Emigration". *Mediterran Tanumlmnyok*. 1995, vol. 6, pp.57-68.
18. When the last emperor of Brazil went to Egypt. Middle East Eye. 10.10.2021. Available at: <https://www.middleeasteye.net/discover/egypt-brazil-last-emperor-journey-exhibition> (accessed: 29.04.2021).
19. Turkey's Policy towards Latin America and the Caribbean and Its Relations with the Countries of the Region. Official Web-Site of the Ministry for Foreign Affairs of the Turkish Republic. Available at: https://www.mfa.gov.tr/i_-turkiye_nin-latin-amerika-ve-karayiplere-yonelik-politikasi-ve-bolge-ulkeleri-ile-iliskileri.tr.mfa (accessed: 05.12.2021).
20. Türkiye BRICS'e mi katılıyor?. 16.07.2022. Available at: <https://www.cnnturk.com/video/dunya/turkiye-bricse-mi-katiliyor> (accessed: 12.12.2022).
21. Yurt Dışı Ziyaretler. Official Website of the President of the Turkish Republic. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/receptayyiperdogan/yurtdisiziyaretler/> (accessed: 05.12.2022).
22. Global humanitarian assistance report 2022. Development Initiatives. 10.11.2022. Available at: https://devinit.org/documents/1193/GHA2022_Digital_v8_DknWCsU.pdf (accessed: 10.04.2023).
23. Maolis C. Juan F. K Vyas. U.S. Recognizes Venezuelan Opposition Leader as Interim President. *The Wall Street Journal*. 23.01.2019. Available at: <https://www.wsj.com/articles/tens-of-thousands-protest-venezuelan-president-maduro-11548264274> (accessed: 05.12.2022).
24. Пятаков А. Н. Венесуэла после Чавеса. Взгляд из Италии. *Латинская Америка*. М., 2019. № 1, сс. 88-94. [Pyatakov A. N. Venesuela posle Chavesa. Vzglyad iz Italii [Venezuela after Chavez. The view from Italy]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 1, pp.88-94 (In Russ.).]
25. Jeifets V. Rosental D. Contemporary Latin American Studies in Russia: Old and New Challenges. Rouvinski V. Jeifets V. (eds.). *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relations*. N.Y.-L., Routledge. 2022, 303 p.
26. Pinedo F. Informe sobre las relaciones entre Iran y America Latina. *Friends of Israel Initiative*. Madrid. 2015, vol. 34, pp.1-22.

27. Özkan M. İran-Latin Amerika İlişkileri (1999-2017): Süreç, Kapsam ve Sonuç, Akademik Ortadoğu. *Journal of Middle Eastern Studies*. İstanbul. 2017, vol. 12, N 1, pp. 1-16.
28. Önsoy M. Latin America-Turkey Relations: Reaching Out to Distant Shores of the Western Hemisphere. Ercan G. Pinar (Ed). *Turkish Foreign Policy: International Relations. Legality and Global Reach* (Palgrave Macmillan). 2021, 237 p.
29. O Arap Chavez'in Bakanı. *Yeni Şafak*. 10.10.2012. Available at: <https://www.yeni-safak.com/dunya/o-arap-chavezin-bakani414363> (accessed: 15.12.2022).
30. U.S. Department of State. 2021 Report on International Religious Freedom: Venezuela. 02.06.2022. Available at: <https://www.state.gov/reports/2021-report-on-international-religious-freedom/venezuela/> (accessed: 14.12.2022).
31. Serbin A. Chávez, Venezuela y la reconfiguración política de América Latina y el Caribe. - 1a ed. - Buenos Aires: Siglo XXI Editora Iberoamericana, Política Latinoamericana, 2010, 269 p.
32. Turkey's relations with the Latin American and the Caribbean Countries. Ministry for Foreign Affairs of the Turkish Republic. 02.10.2021. Available at: https://www.mfa.gov.tr/i_turkey_s-relations-with-the-latin-american-and-the-caribbean-countries.en.mfa (accessed: 11.01.2022).
33. Ermeni Soykırımı'nı tanıyan Venezuela'ya Türkiye'den Tepki. *Milli Gazete*. 05.04.2019. Available at: <https://milligazete.com.tr/haber/1795316/ermen-soykirimini-taniyan-venezuelaya-turkiyeden-tepki> (accessed: 05.11.2022).
34. Sayın Bakanımızın Venezuela Dışişleri Bakanı Nicolas Maduro Moros ile Yaptığı Ortak Basın Toplantısı Metni. Ministry for Foreign Affairs of the Turkish Republic. 06.03.2010. Available at: <https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin-venezuela-disisleri-bakani-nicolas-maduro-moros-ile-yaptigi-ortak-basintoplantisi-metni.tr.mfa> (accessed: 19.12.2022).
35. Turkey to Cooperate with Venezuela on Energy says Minister. *News Turkish*. 2011. Available at: <https://newsturkish.com/turkey-to-cooperate-with-venezuela-on-energy-2011-01-24.html> (accessed: 22.03.2022).
36. Michael Smith and Monte Reel. Venezuela's Trade Scheme With Turkey Is Enriching a Mysterious Maduro Crony. *Bloomberg*. 25.04.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-04-25/> (accessed: 10.11.2022).
37. Venezuelan President Maduro's Visit to Turkey and Turkey-Venezuela Second Joint Cooperation Commission 5-6 October 2017. Ministry for Foreign Affairs of the Turkish Republic. 2017. Available at: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-venezuela.en.mfa> (accessed: 11.01.2022).
38. Ethan B. Andrew R. Maduro Got a Salt Bae Feast, But Turkey Gets Venezuela's Gold. *Bloomberg*. 11.10.2018. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-10-11/why-erdogan-ismaduro-s-new-bff> (accessed: 19.01.2022).
39. TÜİK-Turkish Statistical Institute. Available at: <https://data.tuik.gov.tr/Search/Search?text=ihracat> (accessed: 10.10.2022).
40. United Nations COMTRADE. Available at: <https://comtradeplus.un.org/> (accessed: 15.12.2022).
41. Venezuela Says It Is Refining Gold in Turkey Following Sanctions. *Reuters*. 18.12.2018. Available at: www.reuters.com/article/venezuela-gold/venezuela-says-it-is-refining-gold-in-turkey-followingsanctionsidUSL1N1UE1DV (accessed: 30.12.2022).
42. Turkish Airlines Launches Flights to Havana, Caracas - Latest News. *Hürriyet Daily News*. 22.12.2016. Available at: www.hurriyetdailynews.com/turkish-airlines-launches-flights-to-havana-caracas-107627 (accessed: 15.04.2022).
43. Venezuela Hands Over Control of 2 FETO-Linked Schools to Turkey. *TRT World*. 30.11.2018. Available at: <https://www.trtworld.com/americas/venezuela-hands-over-control-of-2-feto-linked-schools-to-turkey-22092> (accessed: 25.03.2022).
44. Maduro Praises Turkish Culture, History at Caracas Fair. *Anadolu Agency*. 9.11.2018. Available at: www.aa.com.tr/en/americas/maduro-praises-turkish-culture-history-at-caracas-fair/1306902 (accessed: 10.01.2022).
45. Günay C. Turkey's Changing Role After the Cold War: From Ideational to Civilizational Geopolitics. Hamilton D. Spohr C. (Ed.). *Exiting the Cold War, Entering a New World*. Maryland: Johns Hopkins University. 2019, 485 p.
46. Özerdim S. N. Nutuk-Söylev Genel Dizin C. IV, Türk Tarih Kurumu Yayınları Ankara, 1993, 450 p.
47. Özkan A. Yürür P. Tüysüzoglu G. Soguk Savas Sonrasi Türkiye'nin Orta Dogu ve Kuzey Afrika Siyaseti. *Detay Yayıncılık*. Ankara. 2021, 888 p. (In Turkish).

48. Tüysüzöğlu G. Karadeniz Havzası'ndaki Çatışma Gerçekliğinin Güvenlikleştirme Yaklaşımı Çerçevesinde Anlamlandırılması". *Black Sea Studies*. Trabzon. 2014. N 41, pp.87-109.
49. Levaggi A. G. Turquía y América Latina y el Caribe: entre el europeísmo y el eurasionismo. Grabendorff, W., Serbin, A. (eds). *Los Actores Globales y el (re) Descubrimiento de América Latina*. Barcelona Icaria Editorial. 2020, 365 p.
50. Özkan M. Turkey in the Islamic World: An Institutional Perspective. *Turkish Review of Middle East Studies*. Sakarya. 2007, vol.18, pp. 159-193.
51. Uyuşmazlıkların Çözümü ve Arabuluculuk. Ministry for Foreign Affairs of the Turkish Republic. 2021. Available at: <https://www.mfa.gov.tr/uyusmazliklarin-cozumu-ve-arabuluculuk.tr.mfa> (accessed: 25.04.2022).
52. Пятаков А. Н. Вооруженные силы Венесуэлы: эпоха Уго Чавеса. *Латинская Америка*. М., 2019, N 6, сс. 18-38. [Pyatakov A. N. Vooruzhennyye sily Venesuely: epokha Ugo Chavesa [Armed forces of Venezuela: the era of Hugo Chavez]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 6, pp. 18-38 (In Russ.).

Gelen Sefer (sefergelen001@gmail.com)
Postgraduate student, Saint-Petersburg State University
Universitetskaya emb. 7–9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation

Features of bilateral relations between Turkey and the Bolivarian Republic of Venezuela in the context of role theory

Abstract. As a result of the transformation of the international system in the 21st century, the role of Latin America is becoming increasingly important and interest in it is growing. Before the beginning of the 21st century relations of Turkey with the states of Latin America and the Caribbean were limited, but in the last two decades they have gained strategic importance. Venezuela is one of the countries that Turkey identifies as strategically important from the economical and political points of view. In this article, bilateral contacts between the two states have been examined through the lens of the "role theory", taking into account the overall role played by Turkey in Latin America and, in part, the role of Venezuela in the Middle East.

Key words: Turkey, Venezuela, Role theory, Latin America, Middle East.

DOI: 10.31857/S0044748X0025609-8

Received January 10, 2023.

Ariel González Levaggi

La zona de paz positiva en el Cono Sur: orígenes y auge de la cooperación de seguridad regional (1991—2008)

Resumen. La base de la zona de paz positiva en el Cono Sur radica tanto en la expectativa sobre la inexistencia de violencia interestatal, como en la construcción de una institucionalización regional laxa basada en una identidad democrática, el desarrollo de la integración económica y la cooperación en materia de seguridad regional que proyecta estabilidad más allá del Cono Sur. A pesar de tensiones económicas, diferencias políticas y agendas internacionales con diferentes orientaciones, el entorno regional pacífico del extremo sur del continente americano y la cooperación en materia de seguridad y defensa prosperó durante las dos primeras décadas de la postguerra fría. Este artículo presenta la trayectoria desde el fin de la guerra fría hasta el establecimiento de UNASUR de la cooperación en materia de seguridad regional en el Cono Sur centrada en dos diadas, las relaciones bilaterales de la República Argentina tanto con la República Federativa del Brasil como con la República de Chile.

Palabras clave: zona de paz, Cono Sur, Argentina, Brasil, Chile, estabilidad regional.

DOI: 10.31857/S0044748X0025612-2

Ariel González Levaggi — Ph.D. en Relaciones Internacionales y Ciencia Política por la Universidad Koç (Turquía). Profesor Pro-Titular del Departamento de Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales, Facultad de Ciencias Sociales de la Pontificia Universidad Católica Argentina (<https://orcid.org/0000-0002-7326-3659>, agonzalez@uca.edu.ar).

El artículo se desprende de la investigación “Los límites de la Zona de Paz Estable del Cono Sur: el caso de la cooperación militar” realizada en el marco de la Sede de Investigación y Estudios Estratégicos Navales (SDIEN) de la Armada Argentina donde el autor se desempeña como Investigador Principal.

Зона мира в Южном конусе: эволюция взаимодействия в сфере региональной безопасности (1991—2008 гг.)

Основой существования зоны мира в Южном конусе является как отсутствие межгосударственного насилия, так и построение свободной региональной институционализации, основанной на демократической идентичности, развитии экономической интеграции и регионального сотрудничества в области безопасности, которое направлено на достижение стабильности и за пределами Южного конуса. Несмотря на экономическую напряженность, политические разногласия и различную ориентацию международных повесток дня, на южной оконечности американского континента в течение первых двух десятилетий эпохи после окончания холодной войны наблюдалось активное взаимодействие стран в области безопасности и обороны, региональная обстановка была мирной. В настоящей статье представлена траектория развития тенденций в сфере регионального сотрудничества в вопросах безопасности в Южном конусе от окончания "холодной войны" до создания УНАСУР; при этом акцент делается на два момента: двусторонние отношения Аргентинской Республики с Федеративной Республикой Бразилия и с Республикой Чили.

Ключевые слова: зона мира, Южный конус, Аргентина, Бразилия, Чили, региональная стабильность.

DOI: 10.31857/S0044748X0025612-2

Статья поступила в редакцию 05.02.2023.

Desde mediados de la década de 1960, el orden regional del Cono Sur se caracterizó por una intensa competencia estratégica, política y económica entre Argentina y Brasil. Un esquema de rivalidad que operaba bajo un dilema de seguridad y que generaba inestabilidad en el vecindario, en paralelo con la existencia de fuentes externas de amenaza ideológica por parte de movimientos de izquierda radical. La solución de la disputa sobre proyectos hidroeléctricos en el Alto Paraná con el Acuerdo Tripartito Corpus-Itaipu (1979) y el Acuerdo de Energía Nuclear (1980) sentaron las bases para el fin de la rivalidad argentino-brasileña [1, p. 93]. Fue el comienzo de una era de "acuerdo existencial" en la que ambas partes decidieron "trabajar juntas", incluso si "cómo hacerlo" no estaba tan claro y cambiaría con el tiempo. Estos acuerdos serían cruciales para la construcción de la estabilidad estructural [2] y la consecuente transformación de la región de un orden conflictivo a uno cooperativo basado en una expectativa de paz regional [3].

El retorno de un régimen democrático, especialmente en Argentina, limitó el peso relativo de los militares como actor político, ya que los civiles desactivaron progresivamente las fuentes de la fuerza militar desde la hipótesis del conflicto con vecinos hasta la extensión de la industria de defensa. Por último, un enfoque más rotundo proporciona un enfoque interactivo en el que las fuerzas sistémicas

Ариэль Гонсалес Леваджи — PhD по проблемам международных отношений и политических наук (Университет Кош (Турция),) старший преподаватель кафедры политических наук и международных отношений факультета общественных наук, Католический университета Аргентины (<https://orcid.org/0000-0002-7326-3659>, agonzalez@uca.edu.ar)

y nacionales moldearon las interacciones bilaterales y regionales. El cambio en el equilibrio de poder regional y la transformación de una unipolaridad bipolar a una regional se combina con el cambio de coaliciones políticas en Argentina que favorecen una estrategia de acomodación [4]. De todos modos, la transformación no fue abrupta sino secuencial, además de involucrar una pacificación de las relaciones entre Argentina y Chile.

El diálogo político, la cooperación económica y el desarrollo institucional en torno al Mercosur se convirtieron en el núcleo de la interacción en el marco de los gobiernos democráticos para luego involucrar reformas de mercado inspiradas en el 'Consenso de Washington'. Las relaciones mostraron una combinación de acuerdos pragmáticos sobre cuestiones bilaterales cruciales y crisis [5], y movimientos limitados de *soft-balancing* por parte de Argentina contra el proyecto brasileño de liderazgo global y regional como el caso del veto argentino al proyecto de Brasilia de aspirar a un asiento permanente en el Consejo de Seguridad de Naciones Unidas [6]. Sin embargo, después de casi tres décadas desde el inicio del acercamiento a Brasil, Argentina sigue siendo el 'país clave' de Brasil para la estabilidad regional y el proceso de construcción institucional, aunque los resultados serían más favorables en términos de diálogo político que de integración económica, al menos hasta finales de la década de 2010 donde se evidencia un deterioro de la relación política con los gobiernos de Jair Bolsonaro (2019—2022) y Alberto Fernández (2019-).

En el caso de las relaciones con Chile, la clave para la generación de una expectativa pacífica sobre los vínculos bilaterales fue la resolución de la mayor parte de los diferendos territoriales que llevaron a ambos países a estar al borde de un conflicto armado en el Beagle en diciembre 1978, situación resuelta gracias a la mediación papal. La resolución de dicha problemática se dio en dos momentos diferentes. En primer lugar, se firmó el Tratado de Paz y Amistad entre la República Argentina de Raúl Alfonsín (1983—1989) y la República de Chile liderada por el entonces dictador Augusto Pinochet, suscrito el 29 de noviembre de 1984, que trazó los límites desde el canal Beagle hasta el pasaje de Drake al sur del cabo de Hornos, desactivando así el conflicto del Beagle. En una segunda etapa, los gobiernos de Carlos Menem (1989—1995) y — el primer presidente chileno del regreso a la democracia — Patricio Aylwin (1990—1994) llegaron a un acuerdo para la resolución de 22 problemas territoriales por arbitraje que llevará un largo proceso de negociaciones hasta su aprobación definitiva por ambos congresos en 1998. Ambos procesos encausaron las dinámicas regionales en una dirección claramente cooperativa y pacífica reflejada en la Declaración de Ushuaia de 1998. Además de reconocer la dinámica regional no violenta y cooperativa, esta declaración brindó “las bases para discutir acuerdos de cooperación en seguridad y defensa; ha influido en las decisiones de los respectivos Ministerios de Defensa; y ha marcado un patrón de intercambio y diálogo entre las fuerzas armadas” [7, p. 35].

El objetivo del artículo es presentar la trayectoria desde el fin de la guerra fría hasta el establecimiento de UNASUR de la cooperación en materia de seguridad regional en el Cono Sur centrada en dos diadas, las relaciones bilaterales de la República Argentina tanto con la República Federativa del Brasil como con la

República de Chile. Luego de una breve introducción conceptual centrada en el concepto de zona de paz, el ensayo utiliza una metodología de “trayectorias dependientes” (*path-dependence*) para trazar la evolución de la cooperación regional en materia de seguridad en el Cono Sur.

COOPERACIÓN EN MATERIA DE SEGURIDAD Y DEFENSA EN EL CONO SUR (1991—2008)

El concepto de zona de paz fue acuñado por Arie Kacowicz [8, p. 9] que definió la noción como una “discreta región geográfica del mundo en la que un grupo de Estados ha mantenido relaciones pacíficas entre ellos durante un período de al menos treinta años, un lapso de generación, aunque las guerras civiles, los disturbios domésticos y la violencia aún pueden ocurrir dentro de sus fronteras, así como conflictos internacionales y crisis entre ellos”. De acuerdo con esta definición, la región del Cono Sur puede ser incluida dentro de este concepto ya que los estados miembros han mantenido relaciones sin conflictos armados desde la Guerra de la Triple Alianza (1864—1870). Además, Kacowicz plantea una distinción entre paz negativa o precaria, paz estable y comunidad pluralista de seguridad. En el primer caso, la posibilidad de la guerra es una opción concreta, aunque los estados no tienen en general intenciones de modificar el status-quo territorial. En la paz estable no existen expectativas del uso de la fuerza militar dado que la paz es mantenida sobre la base de un consenso recíproco, mientras que la agenda estuvo marcada por asuntos económicos por sobre los militares. Por último, la comunidad pluralista de seguridad (o comunidad de seguridad) plantea la existencia de expectativas de cambio pacífico arraigado en estados que comparten normas, valores e instituciones comunes, con el desarrollo además de una identidad común y un alto grado de interdependencia [8, pp. 9-10].

Estos dos últimos conceptos conforman la idea de una zona de paz positiva, noción que no solamente refleja un consenso generalizado entre los académicos, sino que además se expresó en la Declaración de Ushuaia de 1998 de los líderes del Mercosur y Estados asociados donde en los primeros dos artículos expresan lo siguiente: “1. Declarar al MERCOSUR, Bolivia y Chile como Zona de Paz y libres de armas de destrucción en masa; 2. Manifestar que la paz constituye un elemento esencial para la continuidad y desarrollo del proceso de integración del MERCOSUR” [9]. Dos años después, en la primera Reunión de los Presidentes de América del Sur — antecedente de la UNASUR, — celebrada entre los días 31 de agosto y 1 de septiembre de 2000 en Brasilia, también denominaron a la región como una Zona de Paz Sudamericana.

De acuerdo con Battaglini [10, pp. 9-11], la paz regional tiene una serie de fundamentos constitutivos: la satisfacción con el status-quo territorial, regímenes democráticos, alto grado de interdependencia económica, normas comunes para la resolución de conflictos y una dinámica de seguridad caracterizada por la cooperación (e incipiente integración) militar. Sin embargo, en materia de seguridad regional la bilateralidad tendrá preeminencia sobre la multilateralidad, con la breve excepción de la experiencia del Consejo Sudamericano de Defensa en el marco de UNASUR.

ARGENTINA Y BRASIL: CONSTRUCCIÓN Y LÍMITES DE UNA ALIANZA ESTRATÉGICA

En relación con los vínculos militares con Brasil, un hito fundamental fue la publicación de la Política de Defensa Nacional de Brasil en 1996, que eliminó formalmente la hipótesis del conflicto con Argentina, recomendando el redespiegue de las tropas estacionadas en el Amazonas [11, p. 75]. Desde entonces, Brasil focalizaría su "hipótesis de conflicto" en la "Amazonas verde" y luego, la "Amazonas azul" relacionada directamente con los recursos naturales. Además, la cooperación bilateral en defensa comenzó primero por los militares quienes en algunos casos implementaron una serie de medidas de confianza mutua, mientras que en otros casos continuaron con acciones iniciadas años atrás como el Ejercicio Fraternal, desarrollado de modo anual entre las armadas de Brasil y Argentina desde las Fuerzas Armadas de Argentina y Brasil ampliaron la gama de ejercicios militares combinados como el caso de la 'Operación Cruz del Sur' en el que el Ejército de Argentina y Brasil desarrollaron movimientos conjuntos para los primeros desde la Guerra de la Triple Alianza [12, p.221]. Sus armadas también realizaron ejercicios conjuntos sobre desafíos comunes en el Atlántico Sur (Operación CAMAS), ejercicios aeronáuticos utilizando el portaaviones 'Minas Gerais' (Operación Araex) y las operaciones conjuntas marítimas Fraternal y ATLASUR [11, p. 61]. La creciente cooperación militar ayudó a eliminar la desconfianza.

La cooperación militar no significó, a la larga, la convergencia de altos funcionarios civiles pero los primeros pasos fueron importantes. Oscar Camilión y Luiz Lampreia inauguraron una secuencia de reuniones entre el Ministerio de Defensa argentino y el MFA brasileño. En el contexto de los preparativos para la Cumbre Presidencial entre Fernando Henrique Cardoso (1995—2003) y Carlos Menem, Argentina sugirió crear un sistema de coordinación de políticas de defensa. El 27 de abril de 1997, ambos países firmaron el 'Mecanismo Permanente de Consulta y Coordinación en Defensa y Seguridad Internacional' que estipulaba reuniones trimestrales, y la puesta en marcha de un 'Mecanismo de Análisis Estratégico' liderado por los Subsecretarios del MFA para examinar y dar seguimiento de seguridad internacional y cuestiones de defensa de interés mutuo [5, pp. 108-109; 12, pp. 223-224; 13, pp. 104-105]. A pesar de ser el primer intento serio de institucionalizar las relaciones bilaterales de defensa, pero solo se reunieron una vez durante los años de Carlos Menem. Ese encuentro fue también un punto de inflexión para la narrativa bilateral ya que ambos líderes reconocieron la existencia de una 'alianza estratégica' entre Argentina y Brasil [14, pp. 206-207] que, de acuerdo con la Declaración de 1997: "hizo posible a nuestra región transformarse y ser percibida por el mundo como un espacio común de gran dinamismo y crecimiento económico. Esa alianza existe porque tenemos una firme comunión de valores. Nuestras sociedades son democráticas, plurales, defienden las libertades, los derechos humanos y la libre iniciativa como medio de promover la prosperidad, así como la justicia social como medio de asegurar la concordia como fundamento de nuestro modo de vida. Defendemos, también, la protección del medio ambiente y la búsqueda del desarrollo sustentable" [15].

Políticamente, tanto la declaración como el memorandum se establecieron como piedras angulares de la cooperación estratégica regional que contribuyó a “reforzar la percepción de un continente unido por la cooperación y exento de los riesgos de una carrera armamentista que no tiene justificativo alguno en nuestro contexto de integración” [15]. En julio de 1997 ambas partes firmaron la Ley de Itaipava y celebraron la primera cumbre de consulta. La reunión fue guiada por los Ministerio de Relaciones Exteriores, con representantes de altos oficiales militares y de seguridad de ambos países y discutieron temas desde desarrollos estratégicos globales hasta cooperación bilateral.

Sin embargo, las relaciones con los Estados Unidos iban a presentarse como bastante problemáticas a la hora de abordar vínculos de carácter estratégico-militar. Un ejemplo del triángulo hemisférico fue la búsqueda de Argentina, primero como un importante aliado extra-OTAN y luego buscando la membresía de pleno derecho en la organización atlántica. Durante la reunión Carlos Menem- Bill Clinton en diciembre de 1996, el líder argentino solicitó una alianza militar unilateral con EE.UU. Fuera del marco de la OTAN, pero acordaron la oferta de ser un aliado extra-OTAN, que sería anunciada por el Estado estadounidense. Secretaria Madeleine Albright y el Ministro de Relaciones Exteriores Guido Di Tella el 15 de agosto de 1997. A pesar de las tensiones entre Menem y Cardozo, la llegada de un nuevo gobierno en Buenos Aires modificó las expectativas. En esta línea, se realizarían dos reuniones Reunión del Mecanismo de Análisis Estratégico, más la creación del Grupo de Trabajo de Defensa Bilateral entre Brasil y Argentina liderado por los Ministerios de Defensa, cuya primera reunión fue en 2001 [12, p. 233]. Se restableció el equilibrio entre las alianzas complementarias de Argentina y un acercamiento político más profundo con Brasil debería esperar las consecuencias de la crisis de 2001. Luego del 11S y la crisis argentina, la agenda de seguridad mutó considerablemente. Por un lado los países de la región opusieron resistencia a las iniciativas provenientes de los EEUU y por el otro intentaron establecer un mecanismo de seguridad colectiva con eje en el Cono Sur pero con una proyección sudamericana.

Durante la administración George Bush (2000—2008) hubo un conjunto de iniciativas lideradas por Estados Unidos en el área de seguridad-militar que respondieron de dos formas diferentes, integración o desinterés. En cuanto al primer tipo, enfrentando críticas desde el 11-S sobre la presunta presencia de terroristas islámicos y en la Triple Frontera entre Argentina, Brasil y Paraguay, los miembros del Grupo del Área de Seguridad de la Triple Frontera fundada en 1998 decidió invitar a Estados Unidos en 2002. Formaron el mecanismo informal 'Grupo 3+1' para aumentar la cooperación en inteligencia y seguridad, contra el lavado de dinero y, para los vecinos regionales, desactivar cualquier intento de intervención unilateral. Otra iniciativa, en parte bienvenida, fue la Iniciativa de Seguridad contra la Proliferación (PSI) lanzada en 2003 para detener el tráfico de armas de destrucción masiva basado en la interdicción de transferencias de material sensible y el intercambio de información. A pesar de los esfuerzos diplomáticos globales y regionales, solo Argentina, Paraguay, Chile y Colombia se unirían a la iniciativa, mientras que Brasil se puso del lado de China, India y México para resistir. Los ejercicios militares con el USSOUTHCOM desarrollados durante el período también mostrarían un

historial mixto de compromiso y desinterés. La resistencia de Brasil a la iniciativa de la PSI o la desconexión de Venezuela y Bolivia con las agencias militares y de seguridad de Estados Unidos no serían las únicas. Brasilia encontraría en el desencanto estadounidense de Argentina y en el eje bolivariano liderado por Venezuela a apoyos clave para limitar las ambiciones del Pentágono en la zona, aunque instrumentalizándola de manera matizada. Hubo dos ocasiones importantes en las que el triángulo Brasil — Argentina — Venezuela se expresó en contra de movimientos militares específicos de Estados Unidos en la región. Primero, la decisión de restablecer la Cuarta Flota como parte de las "responsabilidades" del Comando Sur de los Estados Unidos (SOUTHCOM) en la parte sur del hemisferio occidental. En segundo lugar, los planes de Washington redespargar siete "cuasi-bases" — CLS (ubicaciones de seguridad cooperativa) o FOL (ubicaciones de operaciones avanzadas) — en Colombia.

Para sostener un peso propio a nivel regional frente a terceros actores, Brasil impulsó una serie de iniciativas regionales con el apoyo argentino en materia de defensa. Inicialmente, la institucionalización sudamericana avanzó gracias al énfasis del Itamaraty en desarrollar una zona autónoma de "influencia natural" y consolidar su liderazgo auto-promovido [16]. La creación de la UNASUR fue la culminación de los esfuerzos regionales de Brasilia, desarrollados principalmente a través de la diplomacia presidencial, aunque luego el proyecto se convirtió en una herramienta para contener el revisionismo de Venezuela, y finalmente en un instrumento venezolano [17, p. 8]. Siguiendo la saga de las cumbres presidenciales sudamericanas en Brasilia (2000) y Guayaquil (2002), los países acordaron crear la Comunidad de Naciones Suramericanas (CSN) durante la Cumbre de Cuzco (2004), mientras que posteriormente en la Cumbre Suramericana de Energía (2007) decidió cambiar el nombre de UNASUR. Un año después, se firmaría el Tratado Constitutivo en Brasilia (23 de mayo de 2008). Formalmente, UNASUR es una organización intergubernamental en la que el Jefe de Estado realiza una reunión anual del Consejo basada en una presidencia rotatoria pro-tempore que cambia año a año en orden alfabético. Además de la cumbre anual, cualquiera de los estados miembros podía convocar a una reunión extraordinaria, mientras que dentro de la organización existen diferentes consejos ministeriales, siendo el Consejo de Defensa Sudamericano el más relevante [18, p. 4].

En este contexto, Brasil presentó la idea del Consejo de Defensa Sudamericano formalmente durante la cumbre bilateral entre Brasil y Argentina durante una visita del presidente Lula en febrero de 2008. La idea ganó un seguimiento adicional después de la crisis Colombia-Ecuador (marzo de 2008) y el anuncio del regreso de la Cuarta Flota de Estados Unidos (abril de 2008). Además, el ministro Nelson Jobim visitó personalmente todos los países de la región para obtener apoyo. La iniciativa se presentaría en la cumbre de Brasilia el 23 de mayo y se aprobaría el 11 de diciembre en la cumbre de Santiago de Chile, a pesar del descontento de Colombia. El Consejo de Defensa Sudamericano estaba bajo tensión debido a los dos modelos en disputa. El primer modelo, apoyado por Brasil, promovió un foro regional para el diálogo y la coordinación de políticas, mientras que el segundo, fue un arreglo de seguridad colectiva respaldado por Venezuela. Últimamente, el esquema final

sería híbrido, más cercano a los planes de Brasilia fundamentados en principios compartidos de gradualismo y flexibilidad basados en la noción de seguridad cooperativa [19]. La idea de crear una Organización del Tratado del Atlántico Sur o más tarde, una Fuerza Militar Sudamericana sería descartada. Además de los diferentes modelos institucionales, había dos formas diferentes de lidiar con la exclusión de Estados Unidos del foro de seguridad regional. Mientras Venezuela y sus aliados Bolivia y Ecuador simplemente intentaron socavar la influencia de Estados Unidos, Brasil estuvo “siempre consciente del imperativo de mantener a Estados Unidos involucrado en el debate en lugar de alienarlo. Tomemos, por ejemplo, la propuesta de Brasil de 2008 para un Consejo de Defensa de América del Sur: desde el punto de vista de Brasilia, esta es una iniciativa para proporcionar a Brasil un lugar para desactivar las posibles intervenciones de Estados Unidos, asegurando que sus intereses no sean anulados y ayudando a construir confianza. Sin embargo, el énfasis está en un sistema de múltiples niveles donde la consulta cercana con los Estados Unidos sigue siendo crucial. No fue una coincidencia que antes de consultar el primer borrador de la propuesta del consejo con sus colegas sudamericanos, el ministro de Defensa brasileño visitara Washington primero” [20, p. 203].

Más allá del proceso de institucionalización regional, la cooperación en materia de defensa entre Argentina y Brasil siguió su rumbo. Además del proyecto del vehículo binacional de transporte ligero VLEGA “Gaucho”, la Fábrica de Aeronaves Militares de Argentina (FAdeA) firmó un convenio con la empresa brasileña Embraer para el suministro de algunas partes aeronáuticas para la producción de aviones de transporte KC-390. Seis meses antes, ambos Ministerios de Defensa acordaron una carta de intenciones por la que Argentina compraría seis unidades. En octubre de 2014, el KC-390 fue presentado oficialmente en Brasil con la participación del Ministerio de Defensa brasileño Celso Amorim y su homólogo Agustín Rossi, quienes también discutieron la idea de sumarse al proyecto para producir aviones supersónicos Saab JAS 39 Gripen con Brasil. Sin embargo, no hubo una orden de compra de KC-390 y el proyecto Gripen se abandonó. La alianza estratégica continuaría sin antecedentes comunes en la industria de defensa, principalmente por la falta de planificación a largo plazo por parte de Argentina y la divergencia en la trayectoria y características de esa industria, liderada por el estado en el caso de Argentina y mixta para Brasil.

ARGENTINA Y CHILE: BUENOS VECINOS CON TEMAS PENDIENTES

La etapa que comenzó con la elección de P.Aylwin en 1990 marcó el fin de la era. A.Pinochet inauguró una nueva época en las relaciones con Argentina debido a la afinidad política y democrática con el gobierno de C.Menem.

En términos generales, la agenda bilateral estuvo marcada por cuatro prioridades: “a) Facilitar el paso de productos entre ambos países y levantar las restricciones fitosanitarias; b) proveer a Chile de gas desde las provincias de Neuquén/Mendoza; c) iniciar la complementación económica prevista en el Tratado de 1984 y; d) resolver los problemas fronterizos” [21, p. 17]. En relación con este último punto, ambos gobiernos firmaron el acuerdo

presidencial de 1991 en el que se resolvían 22 de los 24 problemas de límites pendientes, se decidió llevar a arbitraje internacional el laudo por el Lago del Desierto (favorable a Argentina en 1995), mientras quedaron pendiente de resolución las secciones A y B de los Campos de Hielo Sur, cuestión que se resolvería en términos generales por el Acuerdo Menem-Frei de 1998 que determinaba los límites desde el Monte Fitz Roy hasta el Cerro Daudet. Vinculado a este último acuerdo, no solamente la Sección B tiene un área pendiente de delimitación por parte de la Comisión Mixta de Límites Chile-Argentina, sino que además hay voces revisionistas en relación la firma del Acuerdo de 1998 que presentan aún hoy la cuestión de Campo de Hielo Patagónico Sur como un asunto pendiente limítrofe con Argentina [22].

Más allá de la densa agenda política tendiente a fortalecer la cooperación diplomática y la integración económica, hubo importantes avances en la cooperación en defensa y seguridad. A diferencia de Brasil, las relaciones en materia de defensa y seguridad con Chile no tenían una trayectoria muy alentadora, por lo que recién a partir del Tratado de Paz y Amistad de 1984, se impulsaron reuniones de estados mayores y de los Ministerios de Defensa como mecanismos de consulta y coordinación entre ambas partes. Esto tuvo su correlato en el patrón de la relación bilateral. De acuerdo con Lacoste, “las relaciones bilaterales mejoraron también desde el punto de vista militar. Los presupuestos de las Fuerzas Armadas fueron bajando junto con la rivalidad y la tensión. Las Fuerzas Armadas argentinas reorientaron sus hipótesis de conflicto en lugar de su tradicional obsesión con los países limítrofes (...) las tensiones con Chile disminuyeron notablemente. Un buen paso en este sentido fue la decisión del gobierno argentino de desactivar el desarrollo del proyecto Cóndor” [23, pp. 382-383].

Si en el caso brasileiro, la cooperación había nacido a partir de la cooperación militar, en el caso chileno los actores principales en el desarrollo de la cooperación militar van a ser los civiles, con un rol destacado de las Cancillerías seguido de los Ministerio de Defensa y los Parlamentos [24, pp. 139-140]. Esta cooperación se va a desarrollar en dos etapas, el desarrollo de medidas de confianza mutua y el impulso a proyectos combinados seguido de un posterior estancamiento.

En una primera etapa se va a generar un marco de cooperación general entre las autoridades civiles y castrenses en el ámbito de la defensa y seguridad, además de acciones concretas en formato de medidas de confianza mutua. En el ámbito institucional fue clave el “Memorándum de Entendimiento entre la República de Chile y la República Argentina para el fortalecimiento en materia de seguridad de interés mutuo” (1995) en la cual se estipuló la creación de un Comité Permanente de Seguridad (COMPERSEG) que consideraba la participación un representante de los respectivos Ministerios de Relaciones Exteriores y de Defensa (Mecanismo 2+2), además de representantes de los respectivos Estados Mayores de ambas Fuerzas Armadas, con el triple objetivo de mejorar la comunicación entre ambas partes, facilitar la notificación previa sobre maniobras militares y fomentar la cooperación académica. En el plano estrictamente militar, hacia 1994 se institucionalizaron las Rondas de Conversaciones entre los Altos Mandos de las Fuerzas Armadas que luego serán institucionalizadas con la firma del “Reglamento del Mecanismo de Intercon-

sulta entre los Estados Mayores Conjuntos y de la Defensa Nacional y los Altos Mandos de las Fuerzas Armadas de Chile y Argentina” con un carácter anual [25, p. 59]. En este contexto, se impulsaron una serie de medidas de confianza mutua que se especifican en el primer libro blanco de Chile como el desarrollo de ejercicios combinados entre Fuerzas Armadas, conferencias bilaterales de Estado. Mayor, intercambio de personal militar en actividades de instrucción y entrenamiento, reuniones de entre Guarniciones Militares, Áreas y Zonas Navales fronterizas, invitación recíproca a participar en eventos ceremoniales y cooperación científico - técnica en materias de interés común, entre otras [26, p. 50]. Dos casos interesantes en este sentido fueron la homologación de los gastos de defensa y la firma de un acuerdo de patrullaje alternado la Antártida. En relación con el primer punto, se llevó adelante un estudio de “Metodología para la Homologación del Gasto en Defensa”, que fue desarrollado a pedido de Chile y Argentina a la Comisión Económica para América Latina y el Caribe entre el 1999 y 2001 [27, pp. 7-10]. En relación con el segundo punto, Argentina y Chile acordaron en 1998 participar en forma integrada y alternada en actividades vinculadas en sus respectivas áreas antárticas de responsabilidad de acuerdo con el Convenio Internacional sobre Búsqueda y Salvamento Marítimo de 1979 [28]. Un año más tarde, las autoridades de las Armadas firmaron un acta estableciendo una patrulla combinada entre el 15 de noviembre y el 1° de marzo de cada año en el área del Tratado Antártico con el objeto de “ejecutar actividades de búsqueda, rescate y salvamento marítimo, como también control y combate de la contaminación, incluyendo ejercicios de entrenamiento en estas materias” [29].

Las bases de la cooperación argentino-chilena que se establecieron en la década de 1990 permitieron escalar durante las próximas dos décadas una serie de acciones que colocaron a la cooperación militar en un ejemplo de vanguardia regional. Más allá de los vaivenes políticos en ambos lados de la cordillera y momentos de dificultad bilateral, la profundización de lazos militares se han expresado en la realización de ejercicios combinados en forma regular, la creación de la Patrulla de Auxilio y Rescate Antártica Combinada Argentino-Chilena (PARACACH), la cooperación militar multilateral en el marco de Naciones Unidas con la activa participación en la Misión de Estabilización de Naciones Unidas para Haití (MINUSTAH) como en la integración chilena a la Fuerza de Tareas Argentina desplegada en la Fuerza de las Naciones Unidas para el Mantenimiento de la Paz en Chipre (UNFICYP) y, fruto de esta cooperación de la Fuerza “Cruz del Sur”.

A nivel institucional hubo un hito fundamental que permitió avanzar la agenda a un nuevo nivel de amistad en un contexto regional favorable a este tipo de iniciativas. El Memorandum de Entendimiento referente a la Fuerza de Paz Combinada “Cruz del Sur” de diciembre 2006 que pone a disposición del sistema de mantenimiento de la paz global una fuerza binacional común funcionando bajo el Sistema de Acuerdos de Fuerzas de Reserva de las Naciones Unidas (UNSAS). El Memorando en el cual se expresan la organización, la orgánica, reglas de funcionamiento, asignación de medios, cuestiones logísticas y alistamiento fue suscrito por las ministras de Argentina y Chile, Nilda Garré y Vivianne Blanlo, en base a un compromiso previamente firmado hacia fines de 2005 entre los Ministros de Defensa de las Repúblicas de Argentina y Chile

sobre "Criterios rectores para constituir una Fuerza de Paz Combinada (FPC) entre las Fuerzas Armadas de las Repúblicas de Argentina y Chile". El instrumento militar se encuentra supeditado tanto a los requerimientos de las Naciones Unidas como a las instrucciones políticas bilaterales. El memorándum de 2006 estipula la conducción civil mediante la constitución de un órgano ejecutivo regional — el Grupo de Trabajo Bilateral (GTB). Está conformado por funcionarios de los Ministerios de Defensa y Relaciones Exteriores de ambos países con el objeto de implementar un mecanismo de Dirección Política Binacional. Las actividades de la Fuerza "Cruz del Sur" comenzaron en las dependencias del Estado Mayor Conjunto Argentino en Buenos Aires, aunque la sede del órgano rota anualmente entre la ciudad de Santiago, en Chile (años pares) y la ciudad de Buenos Aires, en Argentina (impares). De acuerdo con el Libro Blanco de la Defensa de Chile de 2010, desde el punto de vista operativo, "la Fuerza "Cruz del Sur" considera un periodo de despliegue de 30 a 90 días después de la correspondiente resolución del Consejo de Seguridad y la respectiva aprobación de los gobiernos de Chile y de Argentina. Asimismo, se contempla un periodo inicial de despliegue por 6 meses y, eventualmente, hasta 1 año. Su transporte al área de misión se establecerá por acuerdo entre la ONU y ambos países, y se estima que la Fuerza podrá operar en el área de misión con un nivel de autosostenimiento de 90 días. La Fuerza de Paz propiamente tal está conformada por un Estado Mayor Conjunto-Combinado y por una fuerza que integra medios o componentes de las tres ramas de las Fuerzas Armadas de cada país" [30, p. 152]. A pesar de los antecedentes de acción cooperativa en el marco de operaciones de mantenimiento de la paz en Haití y Chipre y la realización de una serie de ejercicios conjuntos, luego de quince años de la conformación de la Fuerza "Cruz del Sur" no ha sido desplegada a pedido de las Naciones Unidas hasta el momento.

Si bien el "Tratado de Maipú de Integración y Cooperación entre la República de Chile y la República Argentina" firmado en 2009 Cristina Fernández y Michelle Bachelett reconocía como destacadas las diferentes instancias de cooperación en materia de defensa (COMPERSEG, el Mecanismo 2+2 y Fuerza de Paz Conjunta Combinada "Cruz del Sur") y la administración de Mauricio Macri siguió una línea amistosa con Chile, hay tres procesos en los que plantean ciertos interrogantes sobre la futura trayectoria de los vínculos entre Argentina y Chile. En primer lugar, el apoyo logístico del país transandino a las necesidades comerciales de los habitantes y empresas que operan en las Islas Malvinas en paralelo de las óptimas relaciones de las Fuerzas Armadas Chilenas — especialmente la Armada — con sus contrapartes británicas. En segundo lugar, la visión revisionista de ciertos sectores respecto de los acuerdos de resolución de problemas fronterizos, especialmente en la zona de Hielos Continentales. En tercer lugar, la proyección de la plataforma continental chilena al Este del meridiano 67° 16' 0, (Meridiano del Cabo de Hornos, al sur del punto F del límite entre Argentina y Chile en la zona austral) lo cual alteraría el espíritu del Tratado de Paz y Amistad de 1984 que — desde la perspectiva Argentina — limitaba las "esferas de proyección" de Chile hacia el Atlántico y de la Argentina hacia el Pacífico, algo que no coincide con la postura tradicional de Chile dado que no está explicitado en dicho tratado.

REFLEXIONES FINALES

La cooperación en materia de defensa y seguridad entre Argentina y Brasil ha contribuido significativamente a la eliminación de la desconfianza histórica entre ambos países. En este contexto su 'alianza estratégica' ha sido la piedra angular de la cooperación estratégica regional, contribuyendo a reforzar la percepción de un continente unido por la cooperación y exento de los riesgos de una carrera armamentista. Sin embargo, las relaciones con los Estados Unidos presentaron problemas a la hora de abordar vínculos de carácter estratégico-militar por la búsqueda argentina en convertirse importante aliado extra-OTAN durante la época de alineamiento automático con Carlos Menem. Sin embargo, la construcción de confianza y la eliminación de desconfianza histórica ha sido fundamental para el desarrollo de relaciones estratégicas duraderas entre países. Lo mismo puede decirse en los vínculos con Chile. Si bien los problemas fronterizos han sido uno de los temas principales en la agenda bilateral, ambos países trabajaron en conjunto para establecer medidas de confianza mutua y mejorar la comunicación en cuestiones militares. Los mecanismos de consulta y coordinación entre los Ministerios de Defensa y los Estados Mayores de las Fuerzas Armadas permitió un fortalecimiento en la relación bilateral, lo que llevó a una disminución de las tensiones y la rivalidad en la región. Ambos vínculos de cooperación han demostrado ser un modelo exitoso para la región, y puede servir como ejemplo para otros países en el fortalecimiento de la cooperación en defensa y seguridad en América Latina y en el Sur Global.

BIBLIOGRAFÍA / REFERENCES

1. Resende-Santos J. The Origins of Security Cooperation in the Southern Cone. *Latin American Politics & Society*. London, 2022, 44 (4) (Winter), pp. 89-126.
2. Candeas A. A Integração Brasil-Argentina. História de uma ideia na 'visão do outro'. Brasília: Fundação Alexandre de Gusmão, 2010.
3. González Levaggi A. Confrontational and Cooperative Regional Orders: Managing Regional Security in World Politics, London: Routledge, 2020.
4. Schenoni L. Unveiling the South American Balance. *Estudos Internacionais*. Minas Gerais, 2015, Vol. 2, No. 2, pp. 215-232.
5. Gomes Saraiva M. Encontros e Desencontros. O lugar da Argentina na política externa brasileira. Belo Horizonte: Fino Traço, 2012.
6. Russell R. y Tokatlian J.G. El lugar de Brasil en la política exterior argentina. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2003.
7. Acevedo Alborno I. y Riquelme Rivera J. "El Consejo de Derechos Humanos en el nuevo escenario mundial y los nuevos mecanismos de revisión". *Polis* [Online], 2011. N 30. Available at: <http://journals.openedition.org/polis/2311> 2011 (Accessed 22.01.2023).
8. Kacowicz A. Zones of Peace in the Third World: South America and West Africa in Comparative Perspective. Albany: State of New York Press, 1998.
9. MERCOSUR. "Declaración del MERCOSUR como Zona de Paz y libre de armas de destrucción en masa", 1998. Disponible en: <https://www.mercosur.int/documento/declaracion-del-mercursos-como-zona-de-paz-y-libre-de-armas-de-destruccion-en-masa/>

10. Battaglino J. La evolución de la zona de paz sudamericana. Ministerio de Defensa. Escuela de Defensa Nacional, 2013.
11. Escudé C. and Fontana A. Argentina's Security Policies: Their Rationale and Regional Con. Dominguez, Jorge (ed.). International Security and Democracy: Latin America and the Caribbean in the Post-Cold War Era. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998, pp. 51-79.
12. Winand E. Diplomacia e defesa na gestão Fernando Henrique Cardoso (1995–2002): história e conjuntura na análise das relações com a Argentina. São Paulo: Universidade Estadual Paulista, 2010.
13. Castro G. A cooperação entre Argentina e Brasil no setor de defesa: visão e ação da argentina (1983-2008). Tesis de Maestría, Programa San Tiago Dantas. São Paulo, 2010.
14. Candeas A. Relações Brasil-Argentina. Uma análise dos abanicos e recuos. *Revista Brasileira de Política Internacional*, vol. 48, no 1, 2005, pp. 178-213.
15. Declaración de Río de Janeiro. Declaración de Río de Janeiro. Encuentro de los Presidentes de la República Argentina y de la República Federativa del Brasil. 1997. Disponible en: https://www.iri.edu.ar/revistas/revista_dvd/revistas/R12/R12-DRIO.html.
16. Nolte D. and Comini N. Unasur: Regional Pluralism as a Strategic Outcome. *Contexto Internacional*. Río de Janeiro, 2016, vol. 38, no. 2, pp. 545–565.
17. Malamud A. A Leader Without Followers? The growing divergence between the regional and global performance of Brazilian foreign policy. *Latin American Politics and Society*. Cambridge, 2011, v. 53, n.3, pp. 1-24.
18. Nolte D. and Wehner L. Unasur and the New Geopolitics of South America. Paper prepared for XXIII World Congress of Political Science. Madrid, 2012.
19. Comini N. El origen del Consejo de Defensa Suramericano. Modelos en pugna desde una perspectiva argentina. *Revista de Estudios en Seguridad Internacional*. 2015. Vol. 1, No. 2, pp. 109-135.
20. Spektor M. Ideias de ativismo regional. a transformação das leituras brasileiras da região. *Revista Brasileira de Política Internacional*. São Paulo, 2010, vol. 53 n.1, pp. 25–44.
21. Eissa S. Hielos Continentales: La política exterior argentina en los '90. Centro Argentino de Estudios Internacionales, 2010.
22. Guzmán J. El límite en Campo de Hielo Patagónico Sur: Un problema incómodo pendiente. *El Libero*, 2020. Disponible en: <https://ellibero.cl/opinion/el-limite-en-campo-de-hielo-patagonico-sur-un-problema-incomodo-pendiente/>
23. Lacoste P. La imagen del otro en las relaciones de la Argentina y Chile (1534-2000). Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2003.
24. Runza R. Las relaciones argentino-chilenas de defensa. Análisis y evaluación desde la perspectiva del Comité Permanente de Seguridad. *Lateinamerika Analysen*. 2004. N 8, Juni, S. 137-166. Hamburg: IIK.
25. Faunde C. La fuerza combinada Cruz del Sur, análisis desde las medidas de confianza mutua. *Estudios Avanzados*. Río de Janeiro, 2009, N 12, pp. 53-74.
26. Ministerio de Defensa de Chile. Libro de la Defensa Nacional de Chile, Santiago, 1997.
27. CEPAL. Metodología estandarizada común para la medición de los Gastos de Defensa, Santiago, 2001.
28. Armada de Chile. "Chile y Argentina inician nuevo patrullaje antártico naval", 2014. Disponible en: <https://www.armada.cl/noticias-navales/chile-y-argentina-inician-nuevo-patrullaje-antartico-naval>
29. Ushuaia Info. Patrulla Antártica Naval Combinada P.A.N.C., 2001. Disponible en: <https://www.ushuaia-info.com.ar/articulos/patrulla-antartica-naval-combinada-panc.php>.
30. Ministerio de Defensa de Chile. Libro Blanco de la Defensa de Chile, Santiago, 2010.

Ариэль Гонсалес Леваджи

Ariel González Levaggi (agonzalez@uca.edu.ar)

Ph.D. in International Relations and Political Science from Koç University (Turkey).
Pro-Titular Professor at the Department of Political Science and International Relations,
Faculty of Social Sciences, Pontificia Universidad Católica Argentina.

The positive peace in the Southern Cone: origins and heyday of regional security cooperation (1991—2008)

Abstract. The basis of the positive zone of peace in the Southern Cone lies both on the expectation of the non-existence of inter-state violence, and the construction of a loose regional institutionalization based on a democratic identity, the development of economic integration and regional security cooperation that projects stability beyond the Southern Cone. Despite economic tensions, political differences and international agendas with different orientations, the peaceful regional environment of the southern tip of the American continent and security and defense cooperation flourished during the first two decades of the post-Cold War era. This article presents the trajectory from the end of the Cold War to the establishment of UNASUR of regional security cooperation in the Southern Cone focusing on two dyads, the bilateral relations of the Argentine Republic with both the Federative Republic of Brazil and the Republic of Chile.

Key words: zone of peace, Southern Cone, Argentina, Brazil, Chile, regional stability.

DOI: 10.31857/S0044748X0025612-2

Received 05.02.2023.

Е.П.Каткова, Р.В.Костюк

Югославия и страны Латинской Америки в 1960—1980-е годы

На основе опубликованных источников и специальной литературы в статье рассматриваются отношения социалистической Югославии со странами Латинской Америки в период 1960—1980-х годов. Основную часть публикации предваряет небольшой обзор контактов, осуществлявшихся в первые послевоенные годы. Авторы анализируют особенности политического, экономического и культурно-просветительского взаимодействия. Особое внимание уделяется роли Движения неприсоединения и титовскому пониманию югославской внешней политики в вопросе построения равноправных, конструктивных и взаимовыгодных отношений Белграда с государствами южноамериканского континента.

Ключевые слова: Югославия, Латинская Америка, Движение неприсоединения, титоизм, «третий мир», мирное сосуществование, «новый экономический порядок», эмиграция.

DOI: 10.31857/S0044748X0025613-3

Статья поступила в редакцию 10.01.2023

Целями данной статьи являются выявление и обоснование ключевых особенностей отношений Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) со странами Латинской Америки (ЛА), а также определение значимости региона в югославской внешней политике. Методологическую базу статьи составляют такие традиционные для исторического исследования методы, как сравнительный, генетический, системный и типологический.

Существующая на сегодняшний день историография югославо-латиноамериканских отношений является довольно фрагментарной. Она представлена в основном научными статьями, в которых рассматриваются

Екатерина Петровна Каткова — ассистент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (СПбГЭТУ) им В.И.Ульянова (Ленина) (РФ, 197022 г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, ekaterinak.17@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9961-4069>); **Руслан Васильевич Костюк** — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) (РФ, 198330 г. Санкт-Петербург, улица Маршала Захарова, 60-21, rouslan_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7396-9854>).

отношения СФРЮ с конкретными латиноамериканскими странами или анализируются отдельные их составляющие, в то время как комплексная разработка темы фактически отсутствует. В этой связи данная статья представляет собой обобщающее сравнительное исследование, формулирующее основные положения югославского внешнеполитического курса в отношении стран ЛА в его динамике.

В первые годы после окончания Второй мировой войны вставшая на путь строительства социализма Югославия кратко усилила свою дипломатическую активность, что было связано со стремлением получить широкое международное признание и поддержку. Нормализовав отношения с великими державами и европейскими государствами, Белград быстро переключил свое внимание на другие континенты. Одним из наиболее перспективных направлений югославской внешней политики в этот период было признано южноамериканское, что выразилось, в частности, в последовательном установлении дипломатических отношений со странами региона. С некоторыми из них СФРЮ возобновляла прерванные войной связи. Это касалось Аргентины, Бразилии и Чили. С иными же такие отношения устанавливались впервые в истории (например, с Боливией (1952 г.), Венесуэлой (1951 г.), Колумбией (1953 г.), Мексикой (1946 г.), Парагваем (1950 г.) и др.). За их установлением следовало подписание торговых соглашений, следствием чего становились систематизация межгосударственной торговли и существенный рост ее показателей. Так, например, в 1950 г. Аргентина стала шестым по величине экспортным и пятым импортным партнером Югославии [1, с. 185]. Несмотря на скорое падение показателей двусторонних экономических отношений, в последующие десятилетия Аргентина сохранила за собой важное место в структуре внешней торговли «второй» Югославии.

Одним из последствий советско-югославского конфликта 1948—1952 гг. стала выработка СФРЮ своего независимого внешнеполитического курса, основанного на принципе равноудаленности от западного и восточного блоков, что заставило ее расширить сеть контактов за пределами Европы. К началу 1950-х годов Белград уже имел дипломатические представительства во всех основных странах ЛА. В течение 1950-х годов Югославия отправила три делегации «с целью поощрения торговли и улучшения отношений со странами региона, а также развития связей с местными прогрессивными партиями и движениями» [2, р. 133]. В целом же 1950-е годы не отличились прорывными решениями и событиями в процессе упрочения отношений с латиноамериканскими странами, но подготовили благодатную почву для последующей их интенсификации.

Югославская политика дистанцирования от сверхдержав и их ближайших союзников заложила идеологические основы Движения неприсоединения [3], основным инициатором создания которого был югославский лидер Иосип Броз Тито (1953—1980 гг.) в партнерстве с президентом Египта Гамалем Абдель Насером (1956—1970 гг.) и премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру (1947—1964 гг.). Именно Движение неприсоединения, созданное в 1961 г. на Белградской конференции, впоследствии стало играть роль институциональной площадки для развития двусторонних и многосторонних контактов СФРЮ с рядом латиноамериканских стран.

Вместе с тем примирительный подход Югославии к западному блоку и позиция нейтралитета, занятая ей в движении, привели к разногласиям с одним из ключевых политических игроков ЛА — революционной Кубой.

СФРЮ приветствовала победившую в 1959 г. Кубинскую революцию и изначально с надеждой смотрела на ее завоевания, а также перспективы политической и экономической эмансипации, которые она открыла для других стран континента. Уже в июле 1959 г. в знак солидарности в Гавану была отправлена первая официальная делегация, а месяцем позже в Югославию прибыла кубинская «Миссия доброй воли», которую возглавлял Эрнесто Че Гевара. В 1960 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения, которые, однако, начали довольно быстро ухудшаться из-за начавшейся на Кубе антиюгославской информационной кампании: в местных СМИ югославский режим довольно безапелляционно обвинялся в ревизионизме. Будучи единственной латиноамериканской страной, принявшей участие в первой конференции Движения неприсоединения в качестве полноправного члена и выступая с более радикальных и антиамериканских позиций, Куба впоследствии стала главным конкурентом СФРЮ внутри международной организации, что привело к росту напряженности в ее рядах [4]. Кроме того, Гавана, обладавшая, несомненно, большим авторитетом среди латиноамериканских коммунистов, перетянула на себя их симпатии и нанесла удар по внешнеполитическим позициям Белграда в регионе. В этой связи Югославия довольно критично и ревностно реагировала на герилью, которую кубинцы развивали в ЛА.

Острота югославо-кубинской полемики внутри Движения неприсоединения и стремление Белграда не допустить распространения кубинского влияния в ЛА привели к резкому усилению южноамериканского трека югославской внешней политики. В 1961 г. французская газета *Le Monde* охарактеризовала потенциал югославо-латиноамериканских отношений так: «[югославские. — Прим. авт.] политики, экономические и добровольческие миссии, профсоюзные деятели, деловые люди прибывают и уезжают постоянно, и информация из Рио, Буэнос-Айреса, Монтевидео или Гаваны открывает читателям континент во всем его многообразии. Существуют громадные возможности для югославского проникновения в этот регион...» [5, р. 7].

Югославское руководство исходило не только из необходимости повышения престижа и привлекательности страны, продвижения югославской модели социализма и политики неприсоединения в странах глобального Юга, но и из экономических выгод, которые Югославия могла приобрести за счет укрепления отношений со странами ЛА. Неравноправное положение Белграда в торговле с развитыми государствами Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), а также зависимость от рынков Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) побуждали Югославию агитировать за становление «нового экономического порядка», которое требовало совместных усилий всех стран третьего мира. В этом плане Тито отводил Латинской Америке особую роль.

«ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ТУРНЕ» ИОСИПА БРОЗ ТИТО

В 1963 г. состоялось знаменитое «латиноамериканское турне» югославского лидера, в ходе которого он посетил Бразилию, Чили, Боливию, Перу и Мексику, при этом «сознательно проигнорировав» [6, р. 118] Кубу. Дело в том, что «югославы считали, что [Фидель] Кастро был тем, кто провоцировал обострение отношений между блоками вместо того, чтобы работать над снижением напряжения между ними» [7, р. 90]. Поездка Тито в страны региона была своего рода оптимистической реакцией на благополучное окончание Карибского кризиса, в условиях которого Югославия взяла на себя роль одного из медиаторов, выступив за мирное сосуществование сверхдержав и военно-политических блоков. С другой стороны, неспособность Движения неприсоединения воспрепятствовать возникновению конфликта негативно сказалась на его престиже и оценке его внешнеполитических возможностей в странах ЛА, нанеся одновременный урон авторитету государств-основателей и их глав.

Динамика общественно-политических процессов в ЛА в конце 1950-х — начале 1960-х годов, борьба наиболее прогрессивных сил за структурные изменения в странах континента, их независимое развитие, социально-экономическое реформирование, всестороннюю демократизацию и эмансипацию, освобождение от доминирования США в регионе позволяли надеяться на перспективное сближение латиноамериканских государств с социалистическими и неприсоединившимися странами. В этой связи визит Тито был неслучаен, его целью было стремление заложить основы для более активного и всестороннего проникновения в регион.

Идея о возможном посещении Тито латиноамериканского региона появилась еще в 1959 г. и была инициирована «чилийскими чиновниками по неофициальным каналам» [8, с. 169], однако тогда не встретила поддержки с югославской стороны. Одной из причин этого была личность бывшего главы Независимого государства Хорватии (НГХ) Анте Павелича (1941—1945 гг.), обосновавшегося после Второй мировой в Аргентине (Тито считал неприемлемым и неоправданным с точки зрения безопасности для себя посещение региона, одна из стран которого приютила лидера фашистской организации хорватских усташей, приговоренного югославским судом к смертной казни). Кроме того, латиноамериканские страны, хоть и вызывали интерес и любопытство Белграда, точно не были в тот период времени его внешнеполитическим приоритетом: гораздо более значимыми и первостепенными считались азиатское и африканское направления [9]. Смерть А.Павелича в декабре 1959 г. сняла негласное табу на посещение Тито Латинской Америки, хоть и не исключила возможных провокаций в его адрес со стороны югославских политэмигрантов.

В 1961 г. Тито получил официальное предложение посетить ЛА со стороны Бразилии [8, с. 170], однако реальную заинтересованность он проявил к региону только после того, как последний стал эпицентром международного кризиса 1962 г. В том же самом году с официальными визитами в Бразилию, Чили, Боливию и Мексику отправился союзный секретарь иностранных дел тогда еще Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) Коча Попович, который должен был дипломатическим путем до-

биться повторного приглашения для Тито от Бразилии, а также поспособствовать укреплению авторитета главы Югославии, основательно пошатнувшегося на фоне харизматичной фигуры Ф.Кастро.

Историческое значение визита К.Поповича в Бразилию заключалось в том, что он стал первым официальным визитом главы югославской дипломатии в страну за всю историю двусторонних отношений. Переговорная повестка Поповича и его бразильского коллеги Сантьягу Дантаса включала в себя, главным образом, обсуждение экономических вопросов и возможностей для преодоления негативных последствий текущего неравноправного торгового положения бывших колониальных стран, а также различные аспекты культурного и научно-технического двустороннего сотрудничества. По политическим вопросам у обеих сторон были близкие позиции, особенно в том, что касалось проблематики разоружения и укрепления международного сотрудничества [8, с. 171].

Результаты визитов Поповича в Чили, Боливию и Мексику были аналогичны. С министрами иностранных дел Чили Карлосом Мартинесом, Боливии — Хосе Веларде и Мексики — Мануэлем Тельо обсуждались текущее положение и дальнейшие перспективы двусторонних отношений, а также ключевые особенности международной политической обстановки. Особый акцент делался на рассмотрении возможностей для мирного развития и сотрудничества, ликвидации всех форм колониализма и неоколониализма, обеспечение экономической помощи и политической поддержки неразвитым и слабо развитым странам [8, с. 172].

Череда визитов Поповича в страны ЛА стала важным подготовительным этапом последующего турне Тито. Перед югославским президентом стояли амбициозные задачи повышения привлекательности Движения неприсоединения и Югославии, обеспечения поддержки югославским инициативам в ООН со стороны латиноамериканских государств, сплочение их вокруг идеи о «мирном сосуществовании», необходимости разоружения и денуклеаризации, увеличения объемов товарооборота, расширения рынков сбыта югославской продукции, развития производственной, научно-технической и культурной кооперации со странами региона.

В ходе визита Тито, длившегося с 18 сентября по 17 октября 1963 г., были проведены переговоры с президентами Бразилии — Жуаном Гулартом (1961—1964), Чили — Хорхе Алессандри (1958—1964), Боливии — Виктором Пас Эстенсоро (1952—1956, 1960—1964, 1985—1989 гг.), Перу — Фернандо Белаунде Терри (1963—1968, 1980—1985 гг.) и Мексики — Адольфо Лопес Матеосом (1958—1964 гг.), на которых обсуждался весь спектр вопросов двустороннего и многостороннего сотрудничества, включая «проблемы вооружения, дискриминации, экономические отношения и проблемы мира во всем мире» [10, р. 87]. Латиноамериканские лидеры особенно интересовались результатами переговоров Тито с Никитой Сергеевичем Хрущевым (1953—1964 гг.), который находился с официальным визитом в Югославии незадолго до латиноамериканского турне Тито, а также взглядом советского руководства на советско-китайский конфликт и дальнейшие пути развития советско-китайских отношений. Дело в том, что умеренные политики в ЛА опасались возможного усиления влияния Китая

и, следовательно, втягивания региона в противостояние радикально настроенных Пекина и Гаваны с Вашингтоном.

Большое внимание Тито уделял необходимости развития экономических отношений. По его мнению, сотрудничество с «экономически неразвитыми странами не выгодно высокоразвитым, поэтому им необходим партнер с экономическим потенциалом для увеличения товарооборота» [8, с. 175]. Позиция югославского лидера вполне соответствовала внешнеполитическому курсу Бразилии, Чили, Боливии, Перу и Мексики, искавших в тот период новые источники финансирования среди социалистических и неприсоединившихся стран. По итогам двусторонних переговоров лидеры Югославии и перечисленных выше стран выразили готовность предпринимать меры для расширения экономического обмена, а на торговые нужды Боливии Тито даже пообещал пожертвовать корабль, который должен был бы стать «первым боливийским кораблем в Тихом океане» [8, с. 176].

Визит Тито действительно придал большой стимул экономическому сотрудничеству. Югославские предприятия начали активнее открывать филиалы и создавать совместные предприятия в латиноамериканских странах. Объемы торговли Югославии с ЛА увеличивались на всем протяжении 1960-х годов и в итоге возросли с 25 млн в 1960 г. до 62 млн долл. в 1969 г. [2, р. 136]. Тем не менее значение ЛА для внешней торговли Югославии оставалось несравненно ниже, чем роль стран Африки и Азии [11, с. 51].

«Латиноамериканское турне» И. Броз Тито, ставшего первым лидером социалистического государства, официально посетившим ЛА, можно охарактеризовать как одну из наиболее значимых внешнеполитических акций Югославии в 1960-е годы. Большая часть из поставленных в ходе визита задач была выполнена. Репутация Тито и позиции югославской дипломатии были упрочены. Те инициативы, с которыми президент прибыл на континент, были с энтузиазмом встречены латиноамериканскими странами, стремившимися стать более заметными игроками на международной политической арене: «Стратегия, которую Югославия привнесла в Латинскую Америку, была особой для коммунистической страны, поскольку идеологически она отличалась от других стран блока и, во-вторых, Тито сделал акцент на стратегию неприсоединения, а не на чистую идеологию» [12, р. 97]. Более широкое и активное представительство латиноамериканских стран в Движении неприсоединения должно было уравновесить кубинские устремления по его сближению с СССР и восточным блоком.

Сам же Тито пришел к выводу о том, что страны, которые он посетил, «обладают огромным экономическим потенциалом и богатством природных ресурсов, но внутренние проблемы и политическая нестабильность не позволяют им поднять уровень экономического развития даже при стремлении к этому» [8, с. 177], что сближает их с государствами азиатского и африканского континентов. Общность проблем и процессов, происходивших в этих географически отдаленных друг от друга регионах, по мнению Тито, должна была способствовать их внешнеполитическому сотрудничеству, возглавить которое вполне могла социалистическая и неприсоединившаяся Югославия.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В 1960—1970 ГОДЫ

С середины 1960-х годов в ЛА сложилась сложная обстановка, связанная с чередой государственных переворотов. Дружественные отношения Югославии с Бразилией продолжались до военного переворота 1964 г., после которого новая бразильская администрация прекратила действие взаимовыгодных двусторонних торговых соглашений, заключенных в период руководства Жуселину Кубичека (1956—1961 гг.), Жаниу Куадроса (1961 г.) и Жуана Гуларта*. Сотрудничество возобновилось лишь в 1967 г. И, если приход к власти в Перу революционной хунты Хуано Веласко Альвадаро (1968—1975 гг.) в 1968 г. привел к улучшению отношений этой страны с Югославией, что, в частности, выразилось в скором открытии посольства Югославии в Лиме и посольства Перу в Белграде [13, р. 45], то переворот Аугусто Пиночета (1974—1990 гг.) в Чили в 1973 г. и прокатившаяся вслед за ним по континенту волна военных репрессий в конечном итоге ограничили возможности Белграда по расширению своего влияния в ЛА. Логично, что он с осуждением отнесся к установлению правых военных режимов в различных южноамериканских странах. С другой стороны, в СФРЮ с интересом и симпатией относились к тем государствам, где осуществлялись альтернативные как капитализму, так и советской модели социализма проекты в социально-экономической области (Венесуэла, Гайана, Перу).

Политическая умеренность Югославии, наложив соответствующие ограничения на политическую деятельность Белграда в регионе, «предоставила ей более широкую свободу действий перед лицом растущего антикоммунизма в ЛА» [2, р. 135]. Политика неприсоединения и нейтралитета позволяла СФРЮ, страдавшей от дефицита платежного баланса из-за неравноправной торговли с западными странами, использовать свое положение для получения экономической выгоды в отношениях с латиноамериканскими странами независимо от текущей политической обстановки. Югославия последовательно расширяла торговлю с двумя главными рынками Южной Америки — Бразилией, находившейся под военным управлением, и Аргентиной, где демократические правительства и антикоммунистические диктатуры сменяли друг друга. С учетом того, что политические события, развернувшиеся на континенте в 1970-е годы, происходили при прямом участии Вашингтона, югославский нейтралитет оказался выгодным для Белграда. При этом идеологические основы титовской внешней политики обязывали Югославию время от времени критиковать империалистические акции США в ЛА, что, тем не менее, практически не сказывалось на характере югославо-американских отношений. Так, например, на конференции министров иностранных дел стран — членов Движения неприсоединения в Лиме (1975 г.) югославский министр Милош Минич «обличал от имени

* Бразилия была одним из наиболее важных торговых партнеров Югославии на континенте. Основными статьями бразильского экспорта в Югославию были кофе, хлопок, текстиль и железная руда, импорта из Югославии — сода, вино и ликеры, тракторы и металлические трубы.

Югославии колониальные анклавы (Панама) и наличие военных баз (Гуантанамо, регионы Карибского моря и Южной Америки)...» [14, p. 47].

1970-е годы обогатили историю официальных визитов высших государственных лиц СФРЮ и лидеров латиноамериканских стран. 13-15 февраля 1974 г. Югославию посетил мексиканский президент Луис Эчеверриа (1970—1976 гг.), а 10-14 марта 1976 г. ответный визит в рамках своей второй латиноамериканской поездки, включившей в себя также Панаму и Венесуэлу, нанес Тито. Итогом его переговоров с венесуэльским президентом Карлосом Андресом Пересом (1974—1979, 1989—1993 гг.) стало подписание совместного заявления в поддержку Движения неприсоединения. Давая оценку усилиям латиноамериканских государств на пути становления более справедливого миропорядка, Тито отдельно отметил роль Венесуэлы: «Страны Латинской Америки, в том числе Венесуэла, внесли весомый вклад в совместные усилия по построению нового экономического порядка в мире» [15, s. 463]. Особое уважение Тито испытывал к личности Симона Боливара, что неоднократно подчеркивал в своих речах, обращенных к венесуэльскому народу: «Его (Боливара. — *Прим.авт.*) дальновидные идеи о свободе и независимости, доброте человека, солидарности и единстве стран этого континента имеют непреходящую ценность и универсальное значение, когда речь идет об освобождении Латинской Америки от колониализма и об идеалах единства и независимости» [15, s. 459].

6-8 марта 1976 г. с официальным визитом в СФРЮ находился премьер-министр Кубы Ф.Кастро. На проходивших на Бриони переговорах между лидерами двух стран, главным образом, обсуждалась стратегия Движения неприсоединения, цели и задачи которого они видели по-разному. Следующая встреча Тито и Кастро состоялась уже в сентябре 1979 г. на Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване, ставшей очередным полем для бурных дискуссий представителей делегаций двух государств. В конце того же года югославо-кубинские отношения достигли пика напряженности, который был вызван вводом советских войск в Афганистан, поддержанным Гаваной и раскритикованным Белградом. Деградация двусторонних отношений привела к тому, что в мае 1980 г. Кастро даже не поехал на похороны Тито, с которым, несмотря на всю противоречивость межгосударственных отношений, его связывали личные отношения.

ФАКТОР ЮГОСЛАВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Большое значение в вопросах сотрудничества СФРЮ со странами континента играла югославская эмиграция. Как известно, ЛА приняла большое количество мигрантов, покинувших родину как по экономическим, так и по политическим мотивам. Политические мигранты в основном являлись яркими антикоммунистами и дестабилизировали развитие отношений Югославии с южноамериканскими странами. Основными местами проживания эмигрантов были Аргентина, Бразилия, Уругвай и Чили.

Дипломатии СФРЮ приходилось считаться с наличием диаспор за рубежом, опасаясь, с одной стороны, активной антиюгославской деятельности крайне правых эмигрантов, а, с другой, — рассчитывая на экономическую поддержку

нейтрально относящихся или симпатизирующих Югославии, выражавшуюся в денежных переводах на родину. Югославские общины воспринимались правительством и Союзом коммунистов Югославии (*Savez komunista Jugoslavije / Savez komunista Jugoslavije, SKJ*) как своеобразный мост для укрепления дипломатических отношений.

Аргентина являлась основным экономическим партнером и одновременно домом для тысяч проустански настроенных хорватских эмигрантов и их политических организаций, представлявших угрозу не только для югославо-аргентинских отношений, но и для единства Югославии в целом. В частности, после окончания Второй мировой войны в Аргентину бежали лидеры усташского движения Анте Павелич, Винко Николич и Антун Бонифачич. Здесь же обосновались и представители сербского четничества, что превратило Аргентину и ее столицу Буэнос-Айрес в оплот югославского антикоммунистического движения.

Все это вызывало большую обеспокоенность Белграда, поскольку угрожало массовым распространением антиюгославских идей среди общин мигрантов. Серьезным просчетом со стороны югославского руководства оказалась массовая программа репатриации югославо, осевших за рубежом еще задолго до Второй мировой войны. Возможностями этой программы, вполне закономерно, пользовались симпатизанты Тито и его политики, что лишало Югославию «ее самых важных союзников для борьбы с политическими эмигрантами» [2, р. 139] военного периода. Согласно статистическим данным, которые в своем исследовании приводит сербский историк Боян Симич, на ЛА приходилось около 10% от общего числа возвращений югославо на родину по указанной программе в период с 1945 по 1951 г. [1]. Любопытно, что большую часть репатриантов (в совокупности около 80%) составляли хорваты и словенцы, что позволяет говорить о том, что, вопреки расхожему мнению, многие представители этих этносов поддерживали югославскую повестку. Причем, по замечанию исследователей Сары Бернард и Агустина Косовски, в то время как Аргентина стала одним из основных центров хорватского сепаратизма в послевоенный период, хорватские общины Чили были «проюгославскими и оставались в значительной степени таковыми до 1991 г.» [2, р. 140], а город Антофагаста и вовсе являлся одним из основных центров так называемого югославизма в ЛА.

Чили вообще была «важным плацдармом югославского коммунистического режима из-за прочных связей с Социалистической партией Чили с начала 1950-х годов» и до государственного переворота 1973 г. [2, р. 132]. Местные социалисты проявляли интерес к югославской модели, а их лидеры Рауль Ампуэро и Саломон Корбалам приезжали в СФРЮ с целью ознакомления с ее опытом. Чилийский интеллектуал социалист Оскар Вайс даже написал книгу «Рассвет в Белграде», восхвалявшую югославский социализм. Белград с глубокой симпатией относился к внутренней и внешней политике президента Сальвадора Альенде (1970—1973 гг.).

Столь значительный контраст между югославской эмиграцией в Аргентине и в Чили обычно объясняется ее происхождением, классовой принадлежностью и материальным положением: большая часть аргентинских хорватов это — бывшие бедные крестьяне и неквалифицированные рабо-

чие, выходцы из разных частей Австро-Венгерской империи, прибывшие в Аргентину еще в довоенный период. Они изначально были негативно настроены по отношению к любому сотрудничеству с сербами в целях создания общего государства. Большая же часть чилийских хорватов прибыла в страну конкретно из Далмации, где идея югославского единства пользовалась популярностью среди местной интеллектуальной элиты. Реформа сельского хозяйства, проведенная в Чили в конце 1920-х годов, и предоставление мигрантам тех же юридических прав, которыми обладали представители коренных народов, позволили мигрантам упрочить свое благосостояние и даже проникнуть в политическую элиту страны. Например, одним из виднейших лидеров Христианско-демократической партии (*Partido Demócrata Cristiano, PDC, DC*) Чили был этнический хорват Радомиро Томич Томеро. Этнический хорват социалист Педро Вускович занимал пост министра экономики в правительстве Альенде.

В Венесуэле проживали около 10 тыс. югославских эмигрантов [3, s. 160], в основном также хорватов, симпатии которых Белград обеспечивал, в том числе, благодаря плодотворной деятельности Югославского центра в Каракасе и Клуба родины в Валенсии. В этой стране даже был создан Инициативный комитет по изучению хорватского или сербского языка, в которой вошел известный венесуэльский писатель хорватского происхождения Сальвадор Прасель.

В целом же, можно говорить о том, что крайне правая антикоммунистическая эмиграция в ЛА была гораздо более агрессивной и активной, нежели проюгославская. Тем не менее югославские диаспоры по размеру и степени вовлеченности в дела финансирования национальных лидеров СФРЮ на пути к независимости их республик значительно отставали от аналогичных организаций в США [2, p. 141].

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В Югославию по программам академической и рабочей мобильности приезжали студенты и рабочие из стран ЛА, что способствовало поднятию международного престижа страны за счет инструментов «мягкой силы». Подобные программы распространялись на многие государства глобального Юга и должны были в перспективе «помочь недавно деколонизированным странам укомплектоваться техническими кадрами» и способствовать складыванию особых отношений между ними и СФРЮ, поскольку «кадры, обучившиеся и получившие образование в Югославии, по возвращении на родину могли занять руководящие посты» [2, p. 141]. Обычно студентам из стран третьего мира Югославский институт международного культурно-образовательного и научно-технического сотрудничества предоставлял стипендии на короткие периоды обучения.

Первые студенты из латиноамериканских стран прибыли в СФРЮ в самом начале 1960-х годов, и их было намного меньше, чем студентов с Ближнего Востока, из Азии и Африки. По данным югославской студенческой ассоциации, в 1964 г. стипендию для поступления на очное обучение в Югославию получили всего 912 студентов, из которых Латинскую Америку представляли 83 человека, в то время как Африку — 348 человек [2,

р. 142]. В период с 1958 по 1966 г. наибольшее количество стипендий для ЛА было предоставлено студентам из Чили и Боливии, что объяснялось традиционно крепкими отношениями Югославии с Чили и серьезной потребностью Боливии в технических кадрах. К 1981 г. количество латиноамериканских студентов достигло 325 человек [16, s. 155], что все-таки было объективно скромным показателем. Однако если к этому числу присовокупить стипендиатов из «Матицы переселенцев Хорватии», то число студентов из Латинской Америке достигнет 500 человек [16, s. 155], что в очередной раз подтверждает уже высказанную мысль об особой важности фактора югославских эмигрантов во внешней политике социалистической Югославии.

Регулярными формами образовательного сотрудничества между СФРЮ и странами ЛА являлись также обмены профессорско-преподавательскими кадрами, организация совместных научных конференций, встреч и симпозиумов. Югославских ученых приглашали в латиноамериканские университеты, где они читали пользовавшиеся популярностью лекции по теории и практике югославского самоуправления, основам «нового экономического порядка».

Значительную роль в укреплении отношений Югославии со странами латиноамериканского региона имело также и культурное сотрудничество, которое началось в 1950-е годы с открытия обществ дружбы, организации художественных выставок и гастролей фольклорных ансамблей, и достигло пика в 1970-е годы. В ряде стран организовывались «Недели югославского кино», югославские киноленты показывали на международных кинофестивалях в ЛА, причем особой интерес вызывали работы, посвященные жизни и работе Николы Теслы. Аналогичным образом на югославском телевидении среди фильмов из неприсоединившихся и развивающихся стран были представлены латиноамериканские кинокартины, в основном мексиканские.

Большой популярностью в СФРЮ также пользовалась и мексиканская музыка, породившая особый феномен *YuMex* — югославское жанровое направление в музыкальном и песенном творчестве, отсылающее к латиноамериканским мотивам и сюжетам. Музыканты, работавшие в этом направлении, часто исполняли песни на сербскохорватском языке с преувеличенным мексиканским акцентом.

Популяризации югославской культуры в странах региона способствовало традиционное участие югославских художников на биеннале изящных искусств в Сан-Паулу, югославских театров на Сервантесовском фестивале (Festival Cervantino) в мексиканском Гуанахуато. Гости из ЛА, в свою очередь, принимали активное участие в фестивалях и фольклорных шоу в Дубровнике, Загребе, Любляне, Шибенике, Охриде, литературных вечерах в Белграде и Сараево, а также в других югославских культурных мероприятиях. Латиноамериканские художники с начала 1970-х годов ежегодно выставлялись на Международном биеннале графики в Любляне, организовывали этнографические выставки в других республиканских столицах, где знакомили югославов с искусством индейцев.

Югославские издательства публиковали работы не только нобелевских лауреатов Пабло Неруды и Мигеля Анхеля Астуриаса, но и книги десятков

других латиноамериканских писателей. Важным культурным событием стал выход в Югославии антологии «Поэзия мексиканских индейцев» и романов президента Мексики Хосе Лопеса Портильо (1976—1982 гг.)* о жизни и обычаях майя и ацтеков. В странах ЛА тысячными тиражами выходили произведения югославского писателя Иво Андрича, а также сочинения Тито о политике неприсоединения и самоуправлении, труды политиков и ученых СФРЮ и/или Королевства Югославия Эдварда Карделя, Николы Пашича, Йована Джорджевича и др.

Довольно тесно страны сотрудничали и в информационной сфере. В 1970-е годы югославское информационное агентство *Танјуг* имело соглашения о сотрудничестве с информационными агентствами Венесуэлы, Кубы, Мексики, Аргентины, Боливии и Перу. В Латинской Америке у *Танјуг* были офисы в Буэнос-Айресе, Лиме, Мехико и Рио-де-Жанейро. Ежедневно в течение часа в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Колумбии и Уругвае звучала программа югославского радио на испанском языке.

СФРЮ стремилась упрочить культурное сотрудничество не только с наиболее крупными и значимыми странами ЛА, но также и с такими малыми государствами, как Панама, Коста-Рика, Гондурас и Гватемала. Зачастую именно эта форма контактов была хоть сколько-нибудь результативной. Культурные связи с Кубой не прекращались даже в период наибольшего напряжения в двусторонних отношениях.

В 1960-е годы Югославия также стала одними из наиболее популярных мест для политических и служебных поездок латиноамериканских левых, которые приезжали в страну, чтобы ознакомиться с особенностями югославского социализма. После событий 1970-х годов многие из них нашли себе убежище именно в СФРЮ. Согласно информации из отчета представителя Социалистической партии Чили (*Partido Socialista de Chile, PSC, PS*) в изгнании Луиса Хереса Рамиреса от 1974 г., после переворота Пиночета в Югославии осели более 40 чилийских политэмигрантов, которые переживали тяжелый процесс ассимиляции и все же были благодарны Югославии за оказание помощи [2, p. 143].

В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЮГОСЛАВИИ

В первой половине 1980-х годов *SKJ* продолжал осуждать различные правоавторитарные режимы в ряде государств Южной и Центральной Америки, морально поддерживая местное левое и демократическое движение, следствием чего была недостаточная интенсивность связей Югославии со странами континента. Реальное их упрочение было связано с падением в ряде из них военных режимов и началось не ранее осени 1987 г., когда председатель Президиума СФРЮ Лазар Мойсов (1987—1988 гг.) совершил латиноамериканское турне, куда входило посещение Аргентины, Мексики, Перу и Кубы. По своей значимости и амбициозности эта поездка была сопоставимо с аналогичным турне Тито 1963 г.

* Примечательно, что второй женой Портильо была эмигрантка из Югославии Александрас Асимович Попович.

К числу наиболее важных событий в отношениях СФРЮ с Аргентиной в 1980-е годы стоит отнести заключение двусторонних договоров об обмене виз, культурном сотрудничестве и санитарной и ветеринарной защите, подписание которых состоялось в дни официального визита Л.Мойсова в Буэнос-Айрес в октябре 1987 г. [17, с. 2], ставшего первым визитом руководителя Югославии в эту страну. Разумеется, поездка не обошлась без антиюгославских провокаций, организованных местными проустански настроенными югославскими эмигрантами. Отмена визового режима виделась СФРЮ необходимой мерой с учетом того, что в Аргентине проживали порядка 250 тыс. граждан югославского происхождения. Белград и Буэнос-Айрес также «связывали» схожие внутренние проблемы — высокий внешний долг и инфляция, — которые и стали основным предметом взаимных консультаций. В это время неслучайно довольно часто можно было услышать мнения о том, что «югославы — это европейские аргентинцы», а «аргентинцы — южноамериканские югославы» [17, с. 2].

Отношения между Югославией и Кубой начали претерпевать негативные изменения после отказа последней осудить введение советских войск в Афганистан. Более того, СФРЮ «выражала протест против действия уже самой Кубы в Анголе и Эфиопии» [18]. Несмотря на активную полемику, страны даже в период наивысшей напряженности в своих отношениях ни разу не прерывали официальных контактов и не оставляли попыток преодолеть противоречия. Эти противоречия заключались в разных подходах к развитию мирового коммунистического движения, его политике и международным отношениям в принципе. И если межгосударственные связи в этот период были сравнительно нейтральными, то межпартийные достигли пределов своего исторического минимума. Осложняла югославо-кубинские отношения и борьба за влияние и лидерство в Движении неприсоединения.

Проблемы двусторонних отношений, антикубинская пропаганда в югославских средствах массовой информации не могли отразиться на авторитете Ф.Кастро, которого в Югославии считали одним из главных лидеров коммунистического движения. В сентябре 1986 г. Кастро прибыл в Белград по приглашению Президиума СФРЮ и ЦК *SKJ*. Ему был оказан дружеский и торжественный прием [7, с. 1]. Этот визит стал первым официальным посещением кубинским лидером Югославии после 1976 г., т.е. за десять лет. Сам факт приглашения югославской стороной первого секретаря ЦК Коммунистической партии Кубы означал пересмотр Белградом своей непримиримой позиции и готовность к нормализации отношений в условиях новых мирополитических реалий. Как отмечала газета *«Политика»*, переговоры прошли в «приятельской и сердечной атмосфере» [19, с. 1], а сам Кастро был награжден Орденом Югославской звезды.

Дальнейшее развитие югославо-кубинских отношений шло по пути интенсификации — с провозглашением Михаилом Сергеевичем Горбачевым концепции «нового политического мышления» бывшие противоречия утратили смысл. В ноябре 1987 г. в рамках латиноамериканского турне Кубу с официальным визитом посетила югославская делегация во главе с Л.Мойсовым [20, с. 1]. Вице-президент Государственного Совета Кубы Хуан Альмейда Боске в ходе переговоров заметил, что «отношения Юго-

славии и Кубы развиваются в атмосфере понимания и доверия, и их характеризует взаимоуважение и принятие различных взглядов на одни и те же международные вопросы, что проистекает из специфичности наших стран» [20, с. 2]. Знаком примирения двух неприсоединившихся государств стало награждение Мойсова Орденом Хосе Марти. Впоследствии СФРЮ приветствовала решение Кубы о выводе войск из Анголы, присутствие которых в стране, начиная с 1975 г., было одним из камней преткновения в двусторонних отношениях.

Несмотря на временные политические разногласия, экономическое сотрудничество между Кубой и Югославией развивалось непрерывно и стабильно на протяжении всего десятилетия. Югославия осуждала американскую блокаду Кубы и оказывала стране посильную экономическую поддержку. Так, в 1980 г. она предоставила Кубе кредит суммой в 40 млн долл. «с целью оживить кубинские закупки, особенно промышленных товаров и оборудования» [21, с. 4]. СФРЮ закупала у Кубы сахар, кофе, мед, патоку, цитрусовые, табак, ром и никель, Куба же предпочитала импортировать из Югославии оборудование и технологии преимущественно для аграрных предприятий по производству фруктовых соков и консервированию фруктов. Сотрудничество происходило и на рынках третьих стран, в основном африканских.

Традиционным партнером Югославии на континенте оставалась Мексика. Одним из наиболее важных и продуктивных в двусторонних отношениях стал визит Л.Мойсова в Мексику в ноябре 1987 г., который он оценил следующим образом: «Этот визит произвел на меня сильное впечатление... сквозь всю его программу можно было увидеть и почувствовать, как Югославию ценят в Мексике, о чем свидетельствует и открытие памятника товарищу Тито. На Югославию в Мексике рассчитывают не только как на друга, но и как на страну, которая открыла новые пути и взгляды на международные отношения...» [20, с. 2]. Переговоры Мойсова и президента Мигеля де ла Мадрида (1982—1988 г.) главным образом были посвящены экономическим проблемам третьего мира. Стороны также констатировали близость подходов по фундаментальным вопросам международных отношений. Тогда же в знак солидарности с мексиканским народом одной из улиц в Белграде было дано название в честь Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.), известного мексиканского политика и государственного деятеля [20, с. 2].

Дружественные отношения связывали СФРЮ с Венесуэлой, Никарагуа и Перу. В июле 1986 г. в Белграде с визитом находился министр иностранных дел Венесуэлы Симон Консальви [22, с.1], а в июне 1988 г. югославскую столицу впервые посетил президент Хайме Лусинчи (1984—1989 гг.) [23, с. 1]. Результатом югославско-венесуэльских переговоров стало подписание протокола о торговом сотрудничестве, предполагавшем укрепление связей в области сельского хозяйства и туризма, принятие решения об основании Комиссии по экономическому сотрудничеству, а также заключение соглашения о культурно-просветительском сотрудничестве на трехлетний период.

В ноябре 1980 г. с официальным визитом Перу и Никарагуа посетила югославская делегация во главе с заместителем председателя Президиума

СФРЮ Сергеем Крайгером [24, с. 1]. Крайгер стал первым высоким гостем, посетившим Перу после второго прихода к власти Фернандо Белаунде Терри (1963—1968, 1980—1985 гг.) [25, с. 2]. Результатом двусторонних переговоров явилось решение о заключении договора о сотрудничестве в области туризма. 4 сентября 1981 г. взаимоотношения сторон едва не омрачились неприятным эксцессом: югославское посольство в Лиме подверглось неудачной попытке вооруженного нападения со стороны сторонников маоистской перуанской организации «Сияющий путь» (*Partido Comunista del Perú — Sendero Luminoso*). Впрочем, происшествие не отразилось на дружественном характере двусторонних отношений. В последующем Перу в ходе своего латиноамериканского турне посещал также Мойсов, награжденный президентом Аланом Гарсией Орденом Солнца Перу.

Югославия позитивно отнеслась к событиям Сандинистской революции, а встреча С.Крайгера в ноябре 1980 г. с новым руководством Никарагуа в лице Серхио Рамиреса, Рафаэля Кордовы и Даниэля Ортеги вообще стала первой югославно-никарагуанской встречей на столь высоком государственном уровне [26, с. 1]. По ее итогам был заключен договор о научно-техническом и культурно-просветительском сотрудничестве.

Политические причины не позволяли продуктивно развиваться отношениям Югославии и Бразилии. В 1981 г. СФРЮ даже пришлось закрыть свою торговую канцелярию в Рио-де-Жанейро. Первые шаги в направлении восстановления контактов были сделаны не ранее 1988 г., когда был заключен договор о сотрудничестве между Белградским университетом и Федеральным университетом Рио-де-Жанейро, по которому предполагались взаимные посещения преподавателей и студентов, проведение совместных исследований и обмен научными работами и журналами [27, с. 2].

Подводя общие итоги, следует отметить, что в общей внешнеполитической стратегии титовской и посттитовской Югославии латиноамериканский регион не играл приоритетной роли, но все же занимал достойное место. В отличие от Советского Союза и братских ему восточноевропейских государств, курс СФРЮ на латиноамериканском направлении носил менее идеологизированный (и, соответственно, более ориентированный на развитие взаимовыгодных экономических отношений) характер, хотя одновременно Белград развивал более дружественные отношения с левыми правительствами и режимами, дистанцируясь от активных внешнеполитических связей с правоавторитарными правительствами. В то же время отношения с коммунистической Кубой носили непростой и даже конфликтный характер, что было связано с конкуренцией двух стран в Движении неприсоединения. Заметную роль в латиноамериканской политике СФРЮ в 1960-е—1980-е годы играло культурное и гуманитарное измерение, свою роль играло и наличие общин выходцев из Югославии в отдельных государствах ЛА. Стратегия равноудаленности от сверхдержав заставляла СФРЮ искать пути развития взаимоотношений с латиноамериканским миром и укреплять разносторонние отношения в особенности с теми латиноамериканским

государствами, которые разделяли югославскую концепцию неприсоединения в международных отношениях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Simić B. Jygoslovensko-argentinski ekonomski odnosi (1946-1950). Banjalučki novembar-ski susreti 2020: Zbornik radova, Banja luka, 06. novembar 2020 godine, 572 s. (DOI: 10.7251/FLZB2101185S) (Simić B. Jygosloven-Argentine economic relations (1946-1950). Banja Luka November meetings 2020: Proceedings, Banja Luka, November 6, 2020, 572 s. (DOI: 10.7251/FLZB2101185S).
2. Bernard S., Cosovschi A. Cooperation, migration and development: Yugoslavia and the Southern Cone in the Postwar period. *Damilakou, M. and Papadopoulos, Y. G. S. (eds.). Migration and Development in Southern Europe and South America. Series: Routledge studies in development, mobilities and migration.* New York, 2022, pp.132-146 (DOI: 10.4324/10.4324/9781003250401-12).
3. Bojčić D. Koreni Jugoslovenskog opredelenja za nesvrstanost. Beograd, Institut za savremenu istoriju, 1990, 251 s.
4. Jakovina T. Treća strana hladnog rata. Zagreb, Zaprešić, 2011, 782 s.
5. *Le Monde*. Paris, 21.01.1961.
6. Hasan S. Yugoslavia's foreign policy under Tito -1. *Pakistan horizon*. Karachi, 1981, vol. 34, N 3, pp. 82-120.
7. Campbell J. S. Tito's separate road: America and Yugoslavia in world politics. New York, Harper & Row, 1967, 180 p.
8. Eraković V. Titova američka turneja 1963. godine – poseta Brazilu, Čileu, Boliviji, Peru i Sjedinjenim Američkim Državama. Arhiv. Beograd, Arhiv Jugoslavije, 2015, 1–2. ss. 168-179. (Erakovic V. Tito's American tour in 1963 – a visit to Brazil, Chile, Bolivia, Peru and the United States of America). Archive. Belgrade, Archives of Yugoslavia, 2015, 1–2. pp. 168-179.
9. Vučetić R. Titova Afrika: reprezentacija moći na Titovom afričkim putovanjima. *Tito u Africi: slike solidarnosti*. Beograd, Muzej Jugoslavije, 2017, ss. 12-46.
10. Cupic T., Barboza L. O., Spasojević J. Las relaciones exteriores de la Yugoslavia de Tito con América Latina (Siglo) XX. *Desde España y Serbia hacia Iberoamérica*. Madrid, Santander Universidades, 2020, pp. 82-103.
11. Mileta V. Ekonomski odnosi Jugoslavije sa zemljama u razvoju. *Politička misao*. Zagreb, 1986, vol. XXIII. N3, ss. 51-57.
12. Simić B. Diplomatic relations between Yugoslavia and Chile, 1947-1950: from severance to renewal. *Istraživanja. Journal of Historical Researches*. Нови Сад, Универзитет у Новом Саду, 2021, N32, pp. 206-221. (DOI: 10.19090/i.2021.32.206-221).
13. Breña A., Giovanni J. Relaciones entre el Perú y los países Balcánicos no miembros de la Unión Europea: Retos y perspectivas. Lima, Academia Diplomática del Perú Javier Pérez de Cuéllar, 2017, 191 p.
14. Gjidara M. La politique extérieure de la Yuogoslavie. Paris, Notes documentaires et études / La Documentation française, 1977, 60 p.
15. Tito Josip Broz. Jugoslavija u borbu za nezavisnost i nesvrstanost. Sarajevo, Svjetlost Oslobođenje, 1977, 531 s.
16. Jelić D. Jugoslavija i Latinska America. Kulturna saradnja. *Kultura*. Sarajevo, 1981, br. 54, ss. 152-168.
17. *Политика*. Београд, 26.10.1987.
18. Stanković S. Yuogoslav-Cuban struggle over Nonaligned leadership revived. RFE-RL Research. RAD Background report/54 (Yugoslavia). 3 Marsh 1982, p. 2. *OSA Archivum*. Available at: <https://catalog.osaarchivum.org/?utf8=%E2%9C%93&q=Yugoslav-Cuban+struggle+over+Nonaligned+leadership+revived> (accessed: 14. 02. 2023).
19. *Политика*. Београд, 14.09.1986.
20. *Политика*. Београд, 2.11.1987.
21. *Политика*. Београд, 25.11.1980.
22. *Политика*. Београд, 14.07.1986.
23. *Политика*. 10.06.1988.
24. *Политика*. Београд, 17.11.1980.

25. *Политика*. Београд, 20.11.1980.

26. *Политика*. Београд, 18.11.1980.

27. *Политика*. Београд, 7. 08.1988.

Ekaterina P.Katkova (ekaterinak.17@gmail.com)

Assistant of the Department of the History of Culture, State and Law of the St. Petersburg State Electrotechnical University (ETU)

197022 St. Petersburg, Professor Popov Street, 5, Russian Federation

Ruslan V.Kostiuk (rouslan_k@mail.ru)

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (SPbGU)

198330 St. Petersburg, Marshal Zakharov Street, 60-21, Russian Federation

Relations of Yugoslavia with the countries of Latin America in the 1960-1980's

Abstract. Based on published sources and relevant literature, the article examines the relations of socialist Yugoslavia with the countries of Latin America in the period of 1960-1980's. The main part of the article is preceded by a short review of Yugoslavia's contacts with Latin America in the first post-war years. The authors analyze the features of the political, economic, cultural and educational interaction between Yugoslavia and the countries of the region. Particular attention is paid to the role of the Non-Aligned Movement and Tito's understanding of Yugoslav foreign policy in the matter of building equal, constructive and mutually beneficial relations between Belgrade and the states of the South American continent.

Key words: Yugoslavia, Latin America, Non-Aligned Movement, Titoism, «third world», peaceful coexistence, «new economic order», emigration.

DOI: 10.31857/S0044748X0025613-3

Received 10.01.2023.

Г.А.Филатов

Конфликты католической церкви и «Нового государства» Салазара в 1958—1968 гг.

В 1960-е годы напряжение в отношениях между режимом Антониу ди Оливейры Салазар и католической церковью нарастало. В статье на основании документов из Национального архива Торре ду Томбу (*Arquivo Nacional da Torre do Tombo*) рассматриваются причины этого процесса, анализируется ряд конфликтов между прелатами и португальским государством в период 1958—1968 гг. Несмотря на некоторые общие закономерности, разногласия были вызваны различными обстоятельствами. Одни инциденты были связаны с общим ростом недовольства режимом Салазара, другие — колониальной войной, третьи — решениями Второго Ватиканского собора (1962—1965 гг.). Наиболее опасными для режима представлялись противоречия, вызванные изменениями в самой церкви, которые произошли в середине десятилетия, поскольку в этом случае проблемы носили системный характер.

Ключевые слова: Португалия, Салазар, католическая церковь, Павел VI, Второй Ватиканский собор.

DOI: 10.31857/S0044748X0025560-5

Статья поступила в редакцию 10.01.2023.

Церковь традиционно считается важной опорой диктаторских режимов правого толка. Католическая церковь в Португалии времен диктатуры режима Антониу ди Оливейра Салазара (1932—1968 гг.) не является исключением. Тем не менее отношения между «Новым государством» и прелатами не всегда были безоблачными: в 1960-е и священники, и представители светских католических организаций все чаще критиковали режим.

В немногочисленных работах российских исследователей салазаровской Португалии [1] проблеме отношений церкви и «Нового государства» уделяется не так много внимания. В них, как правило, рассматривается роль

Георгий Андреевич Филатов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32А, georgefilatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5964-2209>).

церкви в установлении диктатуры или поддержании существовавшего порядка [2; 3; 4]. В зарубежной историографии разногласия между режимом и церковью в последнее десятилетие правления Салазара исследованы более подробно. Наиболее обстоятельный труд написан историком Жуау Алмейдой, однако автор, скорее, описывает различные конфликтные ситуации, почти не рассматривая их причины. Остальные труды зарубежных исследователей также посвящены столкновениям между Португалией Салазара и церковью. В данной статье будет предпринята попытка обобщить причины ухудшения отношений между «Новым государством» и католиками в период между 1958 г. (президентскими выборами) и 1968 г. (отходом Салазара от власти). Для этого на основании документов из Национального архива Торре ду Томбу (*Arquivo Nacional da Torre do Tombo*) рассматриваются и в соответствии с историко-сравнительным методом сопоставляются наиболее значительные конфликты между церковью и «Новым государством». На основании общности или различий причин предлагается их типология.

Конец 1950-х годов стал трудным временем для «Нового государства». Президентские выборы 1958 г. прошли не так, как планировал Салазар. Оппозиционный кандидат Умберту да Силва Делгаду решил бросить вызов режиму, объединив недовольных, коих за время правления Салазара появилось множество. Лишь с помощью прямого силового давления и использования военных и спецслужб главе правительства удалось добиться победы своего кандидата — адмирала Америку де Деуша Родригеша Томаша (1958—1974 гг.). На этом фоне начались и проблемы в отношениях с церковью. Она, как и военные, считалась опорой режима. Ее роль в «Новом государстве» была официально зафиксирована в 1951 г. после принятия поправок к Конституции. В ст. 45 новой версии Основного закона католицизм провозглашался «религией португальской нации» [5]. Несмотря на это, уже к концу 1950-х годов в отношениях с церковью начали возникать сложности.

Во время избирательной кампании 1958 г. небольшие, но относительно организованные группы католических деятелей начали критиковать власть. До этого режим Салазара пользовался почти единогласной поддержкой католических кругов, что неудивительно, потому что «Новое государство» относилось к церкви вполне лояльно, в то время как Первая республика занимала по отношению к ней откровенно враждебную позицию [6]. Тем не менее к концу 1950-х годов диктаторский режим начали критиковать даже те, кому он благоволил.

Первоначально недовольство носило умеренный характер и проявлялось в среде представителей нового поколения. Так, в середине мая 1958 г. глава официальной газеты католической церкви *Novidades* получил письмо, в котором сдержанно критиковалось то, как это издание освещает предвыборную гонку, в частности, тот факт, что предпочтение явно отдавалось одному из трех кандидатов. Письмо подписали 28 человек, большинство из которых представляли различные церковные организации, работающие с молодежью. Например, Жуау Бернард да Кошта — руководитель Университетской католической молодежи (*Juventude Universitária Católica, JUC*), Мануэла Сильва — глава женского подразделения той же

организации, Жуау Гомеш — глава Католической рабочей молодежи (*Juventude Operária Católica, JOC*). Все они были связаны с Католическим действием (*Ação Católica*) — светской организацией, продвигавшей католические идеи и принципы в общество. Подписавшие представляли собой новое поколение образованных католиков. Они должны были прийти на смену старым кадрам салазаровского режима, которые по естественным причинам выбывали из обоймы государственного аппарата. И все же те, кто подписал письмо, оказались в оппозиции к «Новому государству» [7, pp. 55–56]. Таким образом, письмо демонстрировало, что режим теряет поддержку молодежного крыла тех сил, которые считались его опорой. В течение предвыборной кампании некоторые из подписантов стремились придать своему протесту публичный характер. В частности, Франсишку Лину Нету — инженер и видный деятель молодежных церковных организаций, сын одного из руководителей Португальского католического центра (*Centro Católico Português, CCP*), — пытался опубликовать уже открытое письмо, в котором критиковал режим с точки зрения церкви [8, p. 91].

Хотя выступления некоторых деятелей светских структур были для режима неприятным явлением, они едва ли представляли опасность. Подобные проблемы легко было решить: заставить покинуть пост, запугать, посадить в тюрьму. Так, глава *JUC* Жуау Бернард да Кошта под давлением правительства добровольно сложил с себя полномочия руководителя организации по истечении мандата. А Лину Нету из-за активной поддержки Умберту Делгаду в ходе президентской кампании 1958 г. вызвали на допрос в Международную полицию защиты государства (*Polícia Internacional e de Defesa do Estado, PIDE*) — структуру, занимающуюся борьбой с политическими преступлениями. Тем не менее Нету продолжил критику, и в 1959 г. его посадили в тюрьму.

Более серьезную проблему для Салазара представляли выступления священнослужителей, особенно если это были высокопоставленные прелаты. Самым сложным стал конфликт с епископом Порту Антониу Феррейрой Гомешом. Его диоцез считался одним из важнейших в Португалии: север страны традиционно был гораздо более религиозным, чем столичный юг (согласно данным о количестве людей, регулярно посещающих воскресные службы, в епархии Порту таковых было 950 тыс. человек, в Браге — 700 тыс., а в столичном диоцезе Кардинала-Патриарха лишь 297 тыс.) [9, p. 225]. Феррейра Гомеш после назначения на должность в 1952 г. периодически говорил о тяжелом положении жителей страны. Так, в 1955 г. на конференции португальских епископов он пытался добиться публикации статьи о положении португальских рабочих в условиях корпоративизма [10].

В ходе президентских выборов 1958 г. Феррейра Гомеш снова создал проблемы правительству. Непосредственно в день голосования он оказался в Барселоне, где участвовал в очередном конгрессе испанских и португальских католических прелатов. Его отсутствие в важный для португальского правительства момент взволновало представителей режима. Были опасения, что таким образом епископ, известный своими независимыми взглядами, мог бойкотировать выборы, которые проходили с откровенными

нарушениями. Феррейра Гомеш все же принял участие в голосовании, но добиться этого удалось лишь после переговоров, основную тяжесть которых взяла на себя супруга португальского посла в Испании. В обмен на участие в плебисците епископу обещали организовать личную встречу с Салазаром [7, р. 59].

Через несколько недель после возвращения в Португалию в июле 1958 г. Феррейра Гомеш, готовясь к встрече с главой правительства, написал ему длинное письмо. Этот документ можно рассматривать как своеобразную повестку предстоящей встречи, с обозначением вопросов, которые прелат хотел бы обсудить. Письмо начинается с объяснения причин отсутствия епископа в Португалии в день голосования, после чего следуют слова поддержки салазаровских преобразований. После этого Феррейра Гомеш переходит к проблемам «Нового государства». Он обращает внимание на положение рабочих, лишенных социальной защиты и права на забастовку, критикует экономическую политику режима, которая помогает богатым в ущерб бедным. Но все же главный вопрос это — отношение государства к светским католическим организациям, в частности к *Acção Católica* [11], которая подверглась жесткой критике и даже преследованиям за поддержку Умберту Делгаду на выборах 1958 г.

Несмотря на то, что в письме фактически содержалась критика созданной Салазаром системы, оговоренная встреча не была отменена. В ответе прелату говорилось, что она сможет состояться лишь после вступления в должность нового президента и формирования нового кабинета министров, поэтому ее предлагали провести 17 августа. Таким образом, письмо само по себе не вызывало открытый конфликт между главой правительства и епископом Порту. Ситуация изменилась, когда критика вышла за рамки личного сообщения главе правительства и стала достоянием общественности.

В середине лета 1958 г. письмо епископа было предано гласности. О том, как это произошло, идут споры. Наиболее распространенная точка зрения гласит, что Феррейра Гомеш сам передал копию текста некоторым священникам своей епархии, а через одного из них она разошлась и в светской среде [12, р. 484]. Согласно другой версии, которую изложил сам епископ, к широкому распространению письма причастен Салазар, чтобы иметь возможность нанести удар по неудобному прелату [13, р. 185]. Впрочем, уместно предположить, что режиму вряд ли было выгодно предавать огласке обвинения со стороны столь высокопоставленного иерарха. Хотя этот шаг и давал возможность главе правительства поднять вопрос о смещении епископа, он одновременно показывал широкой общественности, что даже в высших эшелонах церкви существуют недовольные режимом. Поскольку в ходе недавних выборов обнаружилось, что против Салазара выступил видный генерал, демонстрировать критику еще и со стороны церкви (вместе с военными одной из важнейших опор «Нового государства») было не очень выгодно.

Как бы там ни было, в условиях продолжавшегося противостояния с Умберту Делгаду (проиграв выборы, он попытался продолжить борьбу и создать свою партию) письмо Феррейры Гомеша, став достоянием общественности, было воспринято многими почти как открытая поддержка оп-

позиции. Ее представители постарались этим воспользоваться и установить контакты с Феррейрой Гомешом. Архитектор Артур Виейра де Андраде, который руководил избирательной кампанией Умберту Делгаду, просил епископа об аудиенции, но получил отказ в письменной форме [7, р. 64]. И это неудивительно, так как в своем послании Салазару Феррейра Гомеш ни прямо, ни косвенно не писал о поддержке оппозиции. Более того, он подчеркивал, что его цель — исключительно поднять вопросы, «напрямую связанные с церковью» [11].

Демонстративное отмежевание от представителей оппозиции не помогло Феррейре Гомешу избежать конфликта с главой правительства. Режим не мог позволить себе открыто выступить против епископа — снять его с должности и отправить в изгнание. Чтобы справиться с ним, нужна была поддержка папы римского. В сентябре 1958 г. Салазар направил его представителю в Португалии жалобу на Феррейру Гомеша. В ней подчеркивалось, что епископ начинают воспринимать как представителя оппозиции [14]. Ватикан, получив сообщение, почти полгода тянул с ответом. Такое промедление вряд ли было продуманной политикой Святого Престола, и, скорее всего, было вызвано объективными обстоятельствами: 9 октября 1958 г. скончался папа Пий XII (1939—1958 гг.), и его преемник Иоанн XXIII (1958—1963 гг.) лишь в марте 1959 г. смог заняться жалобой Лиссабона. За этот период времени на Феррейру Гомеша обрушился поток критики со стороны «Нового государства». Широкую известность приобрел длинный (на 78 страницах) памфлет, написанный юристом Мануэлем Ансельму [15, pp. 8-9]. Нападки шли со стороны не только светских сторонников режима, но и церковных организаций. Так, католический журнал *A Voz* опубликовал памфлет под названием «Опасное направление» (*Direção pe-rigosa!*), в котором, не называя имен, раскритиковал позицию епископа [16].

На фоне этой лавины нападок в начале декабря 1958 г. Феррейра Гомеш направил главе правительства второе письмо, выдержанное в чрезвычайно примирительном ключе. Епископ заявлял, что ни клир, ни другие организации, близкие к церкви, не имеют и не имеют цели участвовать в политической деятельности [17, р. 95]. Салазар не был удовлетворен этим письмом. Атаки на прелата продолжались. Более того, они перешли на новый уровень и затрагивали уже не только епископа Порту. Так, во время выступления на собрании Национального союза (*União Nacional, UN*) создатель «Нового государства» лично обрушился с критикой на тех католиков, которые идут против единой партии и объединяются с либералами и даже коммунистами [18, pp. 516-517]. По всей видимости, подразумевались представители светских католических организаций, связанных с *Acção Católica*.

Существуют разные объяснения того, почему глава правительства не пошел на примирение. Возможно, причиной стало желание исключить Феррейру Гомеша из списка возможных преемников кардинала-патриарха — главы католической церкви Португалии, которому в 1958 г. было уже 70 лет. А относительно молодой 52-летний епископ мог стать потенциальным преемником [19, р. 38]. Другие исследователи смотрят шире и предполагают, что атака была направлена не только

на епископа, но и на всю церковь и ее светские организации. Часть прелатов и некоторые представители *Acção Católica* заняли либо нейтральную позицию, либо открыто поддержали оппозиционера на прошедших выборах, поэтому надо было заставить церковь очистить свои ряды от ненадежных элементов [12, p. 486].

Какими бы ни были причины, конфликт вышел на высокий уровень. Лиссабон требовал от Ватикана принять меры против епископа Порту. Салазар хотел, чтобы Феррейру Гомеша заменили на более лояльного режиму человека, о чем глава правительства сообщал в новом послании папскому нунцию в начале декабря [20]. Несмотря на настойчивые просьбы, Святой Престол занял компромиссную позицию. В одной из телеграмм, направленных в Лиссабон, государственный секретарь Ватикана кардинал Доминико Тардини осудил епископа за то, что он предал гласности свою критику режима, но попытался смягчить недовольство Салазара, отмечая, что Феррейра Гомеш излагал в письме личное мнение, а не позицию церкви [7, pp. 72-73]. Ватикан фактически подчеркивал поддержку «Нового государства». Эти заверения не удовлетворили главу португальского правительства. Он хотел, чтобы Феррейру Гомеша сняли с должности. Но Ватикан отказался идти на такой шаг, заявляя, что не отставит епископа из-за прихоти государства [7, p. 83].

По мере затягивания спора и усиления атак на Феррейру Гомеша со стороны «Нового государства» начала набирать обороты и кампания в его защиту, о чем свидетельствуют два письма. Первое появилось в начале февраля 1959 г. Его подписали 48 человек, шесть из которых были священниками [21]. Они поддержали право епископа Порту высказываться по политическим вопросам. Второе письмо появилось через несколько месяцев и было подписано примерно теми же лицами. В отличие от первого письма, которое состояло из теоретических рассуждений о роли церкви и ее организаций в жизни государства, новый документ носил более практический, конкретный характер. В нем от общих суждений авторы перешли к прямой критике практик, к которым прибегало «Новое государство». В частности, осуждались репрессии *PIDE*, примеры жестокости которой приводились в изобилии [22].

Второе письмо носило уже явно антирежимный характер, и поэтому неудивительно, что подписавшие его подверглись преследованиям. Их обвинили в нарушении законов, а также в связях с коммунистами. Поводом послужило то, что письмо было полностью перепечатано газетой *Avante* — органом Португальской коммунистической партии (*Partido Comunista Português, PCP*). Несмотря на тяжесть обвинений, большинство подписавших отделались легким наказанием. Их отпустили из-под стражи за небольшой залог, а в 1960 г. по случаю празднования 500-летия со дня смерти инфанта Энрике Мореплавателя была объявлена полная амнистия. Некоторым, например, Мануэлю Серра, правда, в скором времени пришлось покинуть страну. Но это было связано не с самим письмом, а с его участием в заговоре против «Нового государства». В португальской историографии этот заговор называют «соборный переворот» (*o golpe da Sé*), так как одним из мест, где собирались заговорщики, стал клуатр Лиссабонского собора (*Sé de Lisboa*). В португальском языке собор обычно называют *sé* —

сокращение от *santa sede*, «святая резиденция»). Участники заговора начали готовиться к выступлению с лета 1958 г. Переворот должен был состояться в начале марта 1959 г., но план довольно быстро раскрыли [23]. Режим постарался избежать огласки, чтобы сохранить видимость спокойствия в стране.

В случае с Феррейрой Гомешом разрешить конфликт тихо было уже невозможно. Устранение епископа Порту стало тем более важным, что в «собрном заговоре» режим увидел новые доказательства того, что в клир и близкие ему структуры (в первую очередь *Acção Católica*) активно проникают коммунисты. С точки зрения властей об этом свидетельствовало то, что среди участников заговора, большинство из которых принадлежало к военным, либеральным и монархическим кругам, был близкий к компартии Португалии художник Никиаш Шкапинакиш [7, p. 88].

Участие и католиков, и левых в заговоре Салазар использовал для давления на Святой Престол. В телеграмме, направленной в Ватикан 14 апреля 1960 г., глава правительства сообщал, что просто так оставить дело Феррейры Гомеша невозможно, так как коммунисты прокрались в клир, семинарии и *Acção Católica* [24]. Ватикан же, несмотря на все аргументы, отказывался отстранить епископа. Лиссабон не менее твердо заявлял, что сохранение Феррейру Гомеша в качестве главы епархии Порту неприемлемо. Выходом из этой ситуации стал неформальный компромисс: епископ сохранял свою должность, но временно покидал Португалию.

Необходимо было лишь уговорить самого Феррейру Гомеша уехать из страны. Эту задачу выполнил Жузе да Кошта Нунеш, с которым у Салазара сложились хорошие отношения, когда тот занимал должность архиепископа Гоа и Дамана. Он убедил епископа покинуть Португалию на время, чтобы страсти улеглись, с чем Феррейра Гомеш согласился и в конце июля 1960 г. направился в Рим. И церковные иерархи, и сам прелат считали, что это лишь временная мера. Португальский режим не противоречил им, но стремился сделать так, чтобы временное пребывание епископа за границей продлилось как можно дольше и желательно подальше от Португалии. В конце лета 1960 г. через папу римского Салазар пытался добиться для Феррейры Гомеша приглашения читать лекции в Папском католическом университете Минас-Жерайс (*Pontifícia Universidade Católica de Minas Gerais, PUC-MG*) в Бразилии. Этот план не осуществился, и осенью епископ планировал вернуться домой через Испанию. Лиссабон же открыто заявил Ватикану, что не позволит Феррейре Гомешу пересечь границу. Стремясь избежать обострения отношений и скандала, Святой Престол распорядился, чтобы епископ не возвращался на родину. Одновременно в Порту был направлен епископ-викарий, который должен был исполнять обязанности Феррейры Гомеша, пока тот находится за границей. Сам же епископ Порту получил заверения в том, что может жить где угодно. После этого он отправился в испанский город Виго рядом с португальской границей (путь от Виго до Порту на поезде занимает около двух часов). Эта было неприятно для португальских властей, но цели своей они добились: неудобный епископ был выдворен из второго по значимости города страны. В результате временная мера превратилась в длительную эмиграцию. Фер-

рейра Гомеш смог вернуться в Португалию лишь после того, как в 1968 г. Салазар из-за болезни отошел от власти.

Конфликт с епископом Порту был не единственным в отношениях «Нового государства» со священнослужителями. Отдельную проблему для режима представляли прелаты в колониях. Многие из них выступали против жестокости колониальной администрации в отношении местного населения, а на фоне войны в заморских владениях их критика усиливалась.

Наибольшее беспокойство властей вызывали прелаты в Анголе. Преследования начались после полномасштабного восстания на севере страны в марте 1961 г. За многими португальские спецслужбы установили слежку, некоторых постарались выслать из колоний. Например, Мануэль Франклин да Кошта, вице-ректор Главной семинарии Луанды (*Seminário Maior de Luanda*) сопровождал архиепископа Луанды в поездке в Рим, когда ему сообщили, что в Анголу он уже не вернется, но может жить в метрополии. Некоторых приходилось силой вывозить в Португалию: так поступили с генеральным викарием Анголы в 1961 г. [25]. Спецслужбы считали, что он был связан с национально-освободительными движениями и даже участвовал в подготовке антиколониального восстания. И хотя никаких публичных обвинений в его адрес выдвинуто не было, он содержался под надзором в одной из семинарий на севере страны [26].

Самым высокопоставленным среди прелатов, с которыми были конфликты в колониях, стал Себастьяо Суареш де Ресенде — епископ Бейры, важного портового города в Мозамбике. Впервые он привлек к себе внимание в январе 1959 г., когда опубликовал статью в созданном им журнале *Diário de Moçambique*. Епископ приветствовал назначение нового губернатора словами надежды на то, что африканец сможет стать свободным, чтобы участвовать в Божьем замысле и «перестанет быть слугой класса, группы, нации, коим он является сейчас» [27]. Такая риторика шла вразрез с официальной позицией Лиссабона, который не признавал наличие классовых, социальных и расовых проблем в своих заморских владениях.

Поскольку колониальная политика нового губернатора в частности и Португалии вообще не претерпевала больших изменений, Суареш де Ресенде продолжал критиковать порядки в Мозамбике. Росло и количество конфликтных ситуаций между ним и властями. В 1962 г. епископ жаловался министру заморских территорий на задержку в получении разрешения приехать в Мозамбик трем миссионерам. Они не были португальцами, а иностранцам требовался отдельный допуск для посещения колоний. В письме в министерство заморских территорий епископ винил в этой проблеме *PIDE*. При этом жалобы на конкретную проблему превратились в общую критику спецслужбы: та работает во вред Мозамбику и ведет его к хаосу, писал Суареш де Ресенде [28]. Вплоть до своей кончины в 1967 г. епископ Бейры оставался проблемой для колониальных властей. В 1965 г. он опубликовал в своем журнале *Diário de Moçambique* текст собственной проповеди без предварительного одобрения цензурой. В результате генерал-губернатор Мозамбика запретил это издание. В попытке снять наказание епископ добился личной встречи с министром заморских территорий и

Салазаром. И хотя глава португальского правительства на словах поддержал епископа, назвав его жалобу обоснованной, издание журнала так и не было возобновлено. Когда Суареш де Ресенде пожаловался на бессмысленность этой встречи послу Португалии при Ватикане Антониу де Фариа, тот постарался его успокоить. Он отметил, что Салазар — на его стороне, но не хочет отменять решение генерал-губернаторов, чтобы не дискредитировать главу колониальной администрации в глазах общественности [29].

Проблемы «Нового государства» не ограничивались своеволием отдельных прелатов, которые критиковали внутреннюю или колониальную политику. К середине 1960-х салазаровская Португалия столкнулась с тем, что действия самого папы римского стали противоречить не просто интересам режима, но его сущности. Отчасти это было связано с характером нового понтифика. Летом 1963 г. главой католической церкви стал Павел VI (1963—1978 гг.), сторонник обновления. Его избрание воспринималось как утверждение в Ватикане враждебных Лиссабону сил. Министр иностранных дел Алберту Франку Ногейра писал по этому поводу: «Левое крыло церкви не скрывало своей радости» [30, р. 487].

Первые шаги нового папы сразу привели к кризису в отношениях с португальскими властями. В конце 1963 г. пришло известие, что папа римский собирается присутствовать на Евхаристическом конгрессе в индийском городе Бомбее в декабре 1964 г. Новость вызвала чрезвычайное недовольство Салазара, так как совсем недавно, в 1961 г., Индия в ходе двухдневной операции отвоевала у Лиссабона Гоа, которым Португалия владела с XVI в. В глазах Салазара визит высшего иерарха католической церкви в Индию выглядел как открытая поддержка аннексии португальских земель. Сгладить ситуацию пытался глава португальской католической церкви кардинал-патриарх Мануэл Гонсалвиш Сережейра. После визита в Рим, где его принял папа, он старался обратить внимание Салазара на то, что поездка Павла VI не является официальным визитом в Индию, а носит исключительно религиозный характер. Глава Ватикана просил Гонсалвиша Сережейру подчеркнуть, что ситуация выглядела бы иначе, если бы он решил посетить именно Гоа [31]. Все эти объяснения не удовлетворили Салазара, который решил открыто выразить протест против действий папы римского. Министр иностранных дел Франку Ногейра 22 октября 1964 г. выступил перед прессой и объявил, что португальское правительство считает поездку Павла VI в Индию неприемлемой.

Открытое осуждение действий верховного понтифика привело к нарастанию конфликта с португальскими прелатами. Разные лиссабонские священники послали на имя Салазара восемь писем протеста. Они подчеркивали, что глава МИД не выражает мнение всего португальского народа [32]. Впоследствии поступили письма от священников и верующих из других регионов и городов Португалии. О том, что заявления министра иностранных дел были не слишком хорошо восприняты в некоторых католических кругах, Салазару сообщал и министр юстиции Жоао де Матос Антунеш Варела. Вместе с тем он успокаивал главу правительства: основная масса прелатов смотрит на поездку папы римского в Индию так же, как и португальские власти [33].

Когда Павел VI отправился в Индию, официальная португальская цензура запретила публиковать сообщения об этом [7, p. 142]. Несмотря на это, визит понтифика ни для кого в Португалии не был секретом. Многие священники в своих проповедях рассказывали об этом событии. Из Испании завезли специальный номер журнала *Igreja Presente*, отпечатанного тиражом 30 тыс. экземпляров, который был посвящен поездке папы в Бомбей. Примечательно, что журнал смогли издать благодаря помощи Рабочих комиссий (*Comisiones Obreras, CC.OO.*) — левого испанского профсоюза, в котором были сильны позиции компартии Испании (*Partido Comunista de España, PCE*).

Конфликт вокруг поездки папы в Индию привел к тому, что все больше прелатов и верующих католиков оказывались в трудном положении: чтобы сохранять верность церкви, приходится идти против режима Салазара. Проблема стала еще более очевидной в ходе Второго Ватиканского собора, который проходил с 1962 по 1965 г. Его итогом стал ряд документов, которые подстраивали доктрину церкви под реалии современного мира, с его вниманием к правам человека и деколонизации [34]. В этом же духе в апреле 1963 г. была издана папская энциклика *Pacem in Terris*. Формально она не являлась одним из документов Второго Ватиканского собора, но тоже ориентировала католическую церковь на ценности западных демократических государств. В энциклике содержались идеи защиты прав человека, говорилось о возможности людей выбирать правительство, получать информацию от властей. Все это, конечно, не вполне коррелировало с режимом «Нового государства», в рамках которого возможность осуществления этих прав была весьма ограниченной. Неудивительно, что перемены в церкви вызывали опасения португальского руководства. Салазар в письме адвокату Карлушу Коште отмечал, что «Собор и папские энциклики открывают широкие перспективы для прогрессизма» [30, p. 487] Под «прогрессизмом» понимался широкий спектр негативных с точки зрения салазаризма идей — от либерализма до коммунизма.

Благодаря решениям собора и папским энцикликам католические деятели, критически относившиеся к «Новому государству», получили возможность порицать португальское правительство, ссылаясь на основополагающие документы церкви. В 1963 г. начал выходить подпольный католический журнал *Direito a Informação*. В первом номере авторы заявили, что их цель — предоставлять объективную информацию, право на которую защищает папская энциклика [35]. В журнале рассказывалось о событиях церковной жизни, подвергавшихся цензуре салазаровского режима, в частности, о поездке Павла VI в Индию. Значительное внимание уделялось колониальной проблеме, авторы издания жестко осуждали политику португальских властей в отношении африканского населения. Журнал выходил до 1969 г., было выпущено 18 номеров. Наличие подпольного католического журнала показывает, что в оппозиции к режиму оказалась значительная часть людей, которые ассоциировали себя с церковью.

Другим примером влияния Второго Ватиканского собора на отношения салазаровской Португалии и церкви стала публикация в октябре 1965 г. так называемого «Манифеста 101». Он появился во время подготовки к президентским выборам. В нем группа католиков, апеллируя к документам и

решениям Ватикана, критиковала колониальную политику португальского правительства [36, р. 131]. Через месяц, в ноябре 1965 г., анонимная группа верующих, которая включала, как сейчас уже известно, и некоторых священников, отправила в Ватикан письмо с критикой салазаровской политики в отношении церкви. Авторы письма характеризовали режим как националистический и полицейский, противоречащий духу Второго Ватиканского собора [37, р. 1161].

Отношения между «Новым государством» и церковью ухудшались по целому ряду причин. Первый из рассмотренных конфликтов, связанный с епископом Порту, был вызван, прежде всего, ослаблением позиций режима в ходе выборов 1958 г. Хотя епископа Порту трудно назвать оппозиционером, он имел неосторожность предать гласности свое неодобрение некоторых действий властей. Его наказание должно было продемонстрировать остальным допустимые пределы критики. Другим источником проблем для режима были прелаты, служившие в колониях, где с 1961 г. развернулась борьба за независимость. Многие из священников если и не поддерживали повстанцев, то сочувствовали местному населению. И, наконец, наибольшую опасность для «Нового государства» представляли перемены, происходившие в самой церкви, связанные с решениями Второго Ватиканского собора и подстраиванием католического мира под нарратив западных демократий. Многие священнослужители и люди, связанные с католическими светскими организациями, все чаще оказывались перед дилеммой: поддерживать режим означало противостоять церкви, по крайней мере, тем новым веяниям, которые утвердились в ней в 1960-е годы. В результате все больше священников и близких к церкви людей, чувствуя молчаливое одобрение Ватикана, оказывались в тихой оппозиции режиму Салазара.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Токарев А.А. Португалистика в СССР и России. О португалистике и португалистах. М., Издательство «Весь Мир», 2014, 184 с. [Tokarev A. A. Portugalistika v SSSR i Rossii. O portugalistike i portugalistah. [Portugal studies in USSR and Russia. About Portugal studies and portugalists]. Moscow, Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2014, 184 p. (In Russ.).]
2. Хазанов А.М. Салазар: 40 лет диктатуры в Португалии. *Новая и новейшая история*. М., 2009, № 3, сс.129–146 [Hazanov A. M. Salazar: 40 let diktatury v Portugalii. [Salazar: 40 years of dictatorship in Portugal]. *Novaja i novejšaja istorija*. M., 2009, N 3, pp. 129–146 (In Russ.).]
3. Кутырев Г. «Новое государство» в Португалии: формирование, эволюция, крах. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. М., 2018, № 4, сс. 200–215. [Kutyrev G. «Novoe gosudarstvo» v Portugalii: formirovanie, jevoljucija, krah. ["New state" in Portugal: formation, evolution, collapse]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*. Moscow, 2018, N4, pp.200–215 (In Russ.).]
4. Щелчков А.А. Салазар и революционеры справа: «Новое государство» и национал-синдикализм в Португалии. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2019, № 24, сс. 60–89. [Shhelchkov A.A. Salazar i revoljucionery sprava: «Novoe gosudarstvo» i nacional-sindikalizm v Portugalii. [Salazar and the Revolutionaries on the Right: The "New State" and National Syndicalism in Portugal]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*. Moscow, 2019, N 24, ss. 60–89 (In Russ.).]

5. Lei. № 2048. *Diário do Governo*. Lisboa, 11.06.1951.
6. Leal E.C. República portuguesa, secularização e novos símbolos (1910–1926). *História: Revista Da Faculdade De Letras Da Universidade Do Porto*. O Porto, 2010, vol. 11, pp. 121–134.
7. Almeida J. M. A Oposição Católica ao Estado Novo 1958-1974. Lisboa, Nelson de Mato, 2008, 315 p.
8. Oliveira Martins G. Católicos portugueses e democracia. *Povos E Culturas*. Lisboa, 2014, no Especial, pp. 85-94.
9. Rezola M. I. Breve panorama da situação da Igreja e da religião católica em Portugal. *Nova História de Portugal. Vol. XII. O Estado Novo*. Dirs. Serrão J., Oliveira Marques A.H. Lisboa, Ed. Presença, 1992, pp. 222-255.
10. Pinho A. Nos Antecedentes da carta: Um projeto de Pastoral Colectiva que se pos de parte? *Nos 40 Anos da Carta do Bispo do Porto A Salazar*. Ferreira Gomes A. Lisboa, Multinova - União Livreira e Cultural, 1998, pp. 35–44.
11. Ferreira Gomes A. Pró-Memoria (Carta A Salazar). 13 de Julho de 1958. Available at: <https://www.fspes.pt/PaginadaNet/CartaaSalazar.pdf> (accessed 10.05.2023).
12. Ribeiro de Meneses F. Salazar: Biografia Definitiva. São Paulo, Leya, 2011, 816 p.
13. Caso do Bispo do Porto. *Dicionário de História de Portugal. Vol. 7*. Coords. Barreto A., Mônica M.F. Lisboa, Figueirinhas, 2002, 185 p.
14. Carta Antônio de Oliveira Salazar ao núncio apostólico. 18.09.1958. Fol. 213. *ANTT, PT/TT/AOS/D-M/018/0002/00001*.
15. Anselmo M. Sobre a declaração de voto de Sua Exa. Reverendíssima o Senhor Bispo do Porto. Lisboa, Os Cadernos de Manuel Anselmo, 1958, 78 p.
16. Veloso A. Direcção Perigosa! Reflexos da Carta do Senhor Bispo do Porto. Lisboa, 1959, 32 p.
17. Teixeira Fernandes A. Relações entre a Igreja e o Estado. N Estado Novo e no pós 25 de Abril de 1974. Lisboa, Edição do Autor, 2005, 452 p.
18. Oliveira Salazar A. Na posse da Comissão Executiva da União Naciona. *Discursos e notas políticas: 1951–1958*. Vol 5. Coimbra, Coimbra editora, 1959, pp. 516–517.
19. Matos L. S. A campanha de imprensa contra o bispo do Porto como instrumento político do governo português (Setembro de 1958–Outubro de 1959). *Análise Social*. Lisboa, 1999, vol. 34, N 150, pp. 29-90.
20. Carta Antônio de Oliveira Salazar monsenhor Fernando Cento. 06.12.1958. Fol. 215. *ANTT, PT/TT/AOS/D-M/018/0002/00001*.
21. As relações entre a Igreja e o Estado e a liberdade dos católicos. Available at: <https://www.tchiweka.org/documento-textual/0004000011> (accessed 10.05.2022).
22. Carta a Salazar sobre os serviços de repressão. 01.03.1959. Available at: <https://www.tchiweka.org/documento-textual/0004000012> (accessed 10.05.2022).
23. Martins S. O «golpe da Sé» é desarticulado. *Os Anos de Salazar. Vol. 16*. Coord. Paço A. Lisboa, Planeta DeAgostini, 2008, pp. 30–43.
24. Carta a Vasco da Cunha. 14.04.1960. Vol. 133. *ANTT, PT/TT/AOS/D-M/018/0003*.
25. Tavares Pimenta F. White Settlers' Anti-Fascist and Anti-Colonial Movements in Angola (1930–1945). *South African Historical Journal*. Pretoria, 2022, vol.74, pp. 75–99.
26. Pacheco C. *As sublevações de 1961 e a figura do cônego Manuel Joaquim Mendes das Neves. Encontros de Divulgação e Debate em Estudos Sociais*. Porto, 2001, N 1, pp. 9–13.
27. *Diario de Moçambique*. Beira, 20.01.1959.
28. Relatório do governador-geral de Moçambique à direção-geral do Ensino do Ministério do Ultramar. 23.04.1962. Fol. 335. *ANTT, PT/TT/AOS/E/0186/0054/00034*.
29. Carta da embaixador Antônio Faria a Antônio de Oliveira Salazar. 18.10.1965. Vol.15. *ANTT, PT/TT/AOS/B/0001/00013*.
30. Nogueira F. Salazar. Vol. V. A Resistência (1958–1964). Porto, Livraria Civilização Editora, 1984, 609 p.
31. Carta do cardeal-patriarca Manuel Cerejeira a Antônio de Oliveira Salazar. 16.10.1964. Vol.58–59. *ANTT, PT/TT/AOS/D-J/008/0019/00010*.

Георгий Филатов

32. Relatório de PIDE. 26.10.1964. Fol. 501–540. *ANTT*, PT/TT/AOS/D-M/029/0036/00007.
33. Carta do João de Matos Antunes Varela a Antônio de Oliveira Salazar. 25.10.1964. Vol.103. *ANTT*. PT/TT/AOS/E/0274.
34. Leher S. P. Theologizing of a Christian Human Rights and the Roman Catholic Church after the Second Vatican Council. Innsbruck, Innsbruck university press, 2021, 515 p.
35. *Direito a Informação*. 1963, N 1.
36. Barreto J. Religião e Sociedade: Dois Ensaio. Lisboa: ICS, 2003, pp. 119–175.
37. Azevedo A.C. Sob ventos de mudança o impacto do Concílio Vaticano II na oposição dos católicos «progressistas» ao Estado Novo português (1965–1974). *Horizonte*. Belo Horizonte. 2011, vol. 9, no 24, pp. 1148–1168.

Georgy A.Filatov (georgefilatov@gmail.com)

PhD, senior research fellow, Institute of World History Russian Academy of Science

Leninsky pr-t, 32A, 119334 Moscow, Russian Federation

Conflicts between the Catholic Church and Salazar's "New State" 1958—1968

Abstract. In the 1960s relations between the Salazar regime and the Catholic church became increasingly tense. The article examines the reasons for this process according to the documents from the National Archives of Torre do Tombo. The paper analyses a series of conflicts between the prelates and the Portuguese state in the years 1958–1968. Despite some common patterns, the disagreements were caused by different circumstances. Some incidents were determined by the general growth of dissatisfaction with the Salazar regime, others were caused by the colonial war, and others were associated with the decisions of the Second Vatican Council. The most dangerous for the regime seemed to be the contradictions caused by changes in the church itself that occurred in the middle of the decade, since in this case the problems acquired a systemic character.

Key words: Portugal, Salazar, Catholic Church, Bishop of Porto, Paul VI, Second Vatican Council.

DOI: 10.31857/S0044748X0025560-5

Received 10.01.2023.

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

И.В.Селиванова

Латинская Америка: палитра современных моделей развития региона

«Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности». М., ИЛА РАН, 2022, 586 с.

Публикация знакомит читателей с новой коллективной работой, подготовленной сотрудниками Института Латинской Америки РАН. В рецензии отмечается, что рассматриваемое издание является фундаментальным многоплановым исследованием политических процессов, итогов последних электоральных циклов. В книге показаны нынешняя расстановка политических сил в различных странах региона, эволюция политических режимов на фоне массовых социальных протестов и пандемии коронавируса. Приводится типология политических режимов с учетом латиноамериканской специфики, анализируются причины и последствия политических сдвигов и социальных потрясений.

Ключевые слова: политическая турбулентность, социальные протесты, электоральное законодательство, кризис, политические режимы и партии, пандемия *COVID-19*.

DOI: 10.31857/S0044748X0025614-4

Рецензия поступила в редакцию 03.01.2023.

Проблематика стран Латинской Америки находится в фокусе постоянного внимания отечественных латиноамериканистов, в частности, исследователей из профильного института РАН. События и тенденции политического и экономического развития этих стран в последние десятилетия дают повод для размышлений над динамикой изменений, «переформатированием политического ландшафта» [1, с. 15]. После так называемого золотого десятилетия 2003—2013 гг. [1, с. 15] латиноамериканские государства, как справедливо замечает известный отечественный латиноамериканист, чл.-корр. РАН В.М.Давыдов, вновь оказались «перед вызовами неопределенности» [2, с. 7]. Большинство из них попали в зону турбулент-

Ирина Валентиновна Селиванова — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский пр-т., д. 32, alex-cgmk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1580-168X>

освещаемых в них режимов), в которых представлены 17 глав по отдельным странам, а также две теоретические статьи о типологии и особенностях политических режимов в латиноамериканских странах.

В методологической статье д-ра полит. наук З.В.Ивановского отмечается, что «традиционное деление на левых и правых» нуждается в учете существующего в настоящее время широкого спектра политических течений [1, с. 24]. Автор считает целесообразным дополнить принятую «горизонтальную ось абсцисс (левые — правые), основанную на социально-экономических факторах, вертикальной осью ординат (тоталитаризм — либеральная демократия), отражающей переменные, связанные с соблюдением гражданских свобод и прав человека» [1, с. 25]. В работе освещены ключевые положения программ представителей различных политических партий и режимов, раскрыты отличия и сходства в подходах к оценке экономической модели, роли государственного сектора. Безусловными плюсами раздела являются историографический обзор типологии политических режимов и освещение различных методов и критериев, используемых современными международными институтами для их классификации. В качестве критериев ранжирования политических режимов автор указывает следующие: политический плюрализм, существование и деятельность демократических институтов, наличие гражданских свобод, возможности контроля со стороны населения над принятием общественно важных решений и над деятельностью официальных лиц, равенство граждан в социальной сфере, репрезентативность правительства, свобода деятельности политических партий, выборность органов власти, соблюдение базовых прав человека, беспристрастность управления, уровень партисипации [1, сс. 55-58].

Уже имеется ряд значимых исследований отечественных латиноамериканистов, освещавших политические изменения и конституционные реформы в регионе, специфику электорального законодательства и современные реалии партийно-политической структуры стран [3-7], однако появление рецензируемого труда представляет собой новый серьезный вклад в изучение политических и социально-экономических процессов Латинской Америки.

В главе, посвященной последним изменениям политического курса Бразилии, д-р ист. наук Л.С.Окунева проанализировала «правый дрейф», ознаменовавшийся

ности, а политические процессы не раз приводили к смене вектора развития, обострению социальных проблем и усилению рисков дестабилизации.

Рецензируемый коллективный труд знакомит читателя с политическими процессами, происходящими в Латинской Америке во втором десятилетии XXI в., последними электоральными итогами, современной расстановкой политических сил, эволюцией политических режимов в разных странах региона.

Структура работы детально продумана и охватывает все ключевые аспекты характеристики современных политических режимов региона с целью выявления специфики их функционирования в новых исторических условиях, а также отражает последние политические сдвиги на латиноамериканском континенте. Книга состоит из четырех разделов (систематизированных по типам

избранием на пост президента крайне правого кандидата Жаира Болсонару (2019—2022 гг.). Как отмечает автор, такой «дрейф» стал возможен в результате многофакторного экономического, политического и социального кризиса, потрясшего основы политической системы страны [1, с. 71]. Анализируя причины поддержки правого кандидата на президентский пост в стране, Л.С.Окунева делает акцент на массовых социальных протестах 2013—2014 гг., забастовочном и протестном движении, развернувшимся на фоне острейших дебатов по поводу путей развития страны [1, с. 73]. Смещение Дилмы Руссефф (2011—2016 гг.) с высшей государственной должности, как утверждает автор, «будучи по своей природе демократическим инструментом отстранения президента от власти ... явилось своего рода “конституционным” ... переворотом, призванным положить конец пребыванию левых во власти ... и открыть дорогу правоконсервативному тренду» [1, с. 74]. По мнению Л.С.Окуневой, триумф Болсонару показал, что «популярная еще недавно идея о сглаживании противоречий между “левыми” и “правыми” не сработала в момент политической турбулентности, когда на политической арене столкнулись не просто классические “левые и правые”, но левые, с одной стороны, и праворадикалы — с другой...» [1, с. 77]. Следует отметить, что жизнь подтвердила предположения исследователя о «существенном снижении вероятности обретения Болсонару второго президентского мандата и повороте общественных настроений в сторону отвергнутых ими ранее приоритетов левоцентристского тренда» [1, с. 113].

Анализу политической ситуации в Сальвадоре посвящена глава, написанная канд. полит. наук М.А.-М.Кодзоевым. Автор рассматривает в ней ключевые проблемы, с которыми сталкивается правительство президента Наджиба Букеле (2019 — н/в), отмечает высокий уровень преступности и нищеты в стране [1, с. 120], что, по его мнению, заставило президента выдвинуть масштабную программу по оздоровлению социально-политической и экономической ситуации, борьбе с преступностью и коррупцией [1, с. 126]. Кодзоев отмечает, что политическим взглядам президента Сальвадора трудно дать однозначную оценку, но поддержка режима со стороны населения во многом связана с готовностью граждан «пожертвовать принципами демократии ради стабильности и установления мира в стране» [1, с. 139].

В главе, посвященной современному положению Уругвая, канд. ист. наук А.С.Андреев показывает, как страна, справедливо описываемая «не попавшей в «пучину» правых поворотов и политической турбулентности, охватившей латиноамериканский регион» [1, с. 141], в результате президентских выборов 2019 г. совершает «правый дрейф» от правительства левоцентристского Широкого фронта к кабинету лидера Национальной партии Л.Лакалье Поу. Раскрываются основные направления политики правого правительства, взявшего курс на уменьшение налогового бремени, устранение коррупции, регулирование кредитно-денежной политики, укрепление муниципальной власти и расширение участия граждан в принятии решений [1, с. 161].

«Существенное переформатирование политического ландшафта» [1, с. 166] в русле «правого дрейфа» проанализировано в главе, написанной Е.С.Галибиной-Лебедевой и З.В.Ивановским, на примере Эквадора. Авторы предлагают свой взгляд на динамичный процесс смены политического и экономического курсов «гражданской революции» в период правления Рафаэля Корреа (2007—2017 гг.) и во время президентства Ленина Морено (2017—2021 гг.). По мнению ученых, осуществление правительственного экономического плана развития страны, направленного на сокращение бюджетного дефицита, рационализацию государственного управления, привлечение инвестиций и установление контроля над вывозом капитала, привело к необходимости обратиться к Международному валютному фонду (МВФ). Однако, как справедливо отмечают авторы, навязанные МВФ меры (сокращение численности государственных служащих — учителей, врачей, полицейских и военных; урезание заработной платы и поддержки малоимущих

семей) стали главной причиной массовых социальных протестов, прокатившихся по стране в октябре 2019 г. [1, с. 172]. Триггером массовых выступлений стало и решение властей лишить эквадорского гражданства основателя информационного портала *WikiLeaks* Джулиана Ассанжа и выдача его британской полиции. Отказом от курса на «социализм XXI века» отмечена, по мнению авторов, и внешняя политика Эквадора, вышедшего в 2018 г. из Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*) и в 2019 г. из Союза южноамериканских наций (*Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR*) [1, сс. 178-179]. Пришедший к власти в 2021 г. представитель коалиции правых сил «Создавая возможности» (*Creando Oportunidades, CREO*) Г.Лассо, по оценке российских ученых, не предложил новой идеологии, а общество остается «предельно поляризованным, и ни одна из предлагаемых моделей развития не является доминирующей» [1, с. 190].

Свою точку зрения на события в Парагвае предлагает канд. ист. наук Н.Ю.Кудеярова и подчеркивает, что политические процессы в стране «развиваются в русле относительной стабильности» [1, с. 191]. Акцент делается на том, что выборы президента 2018 г., традиционно принесшие победу представителю консервативной фракции Движение истинного «Колорадо» (в данном случае — Марио Абдо (2018 — н/вр), показали усилившееся влияние кандидата оппозиционного альянса Аутентичной радикально-либеральной партии Э.Алегре. Как отмечает автор, правление президента происходило в «наэлектризованном общественном пространстве», что привело к необходимости выстраивания новой стратегии под девизом «Парагвай для людей» [1, сс. 196-197]. Н.Ю.Кудеярова считает, что усиление политического кризиса в стране, спустя год правления Абдо у власти, создаст вероятность серьезного политического противостояния, которое может произойти во время президентских выборов 2023 г. [1, сс. 213-214]. Несмотря на негативные последствия пандемии и усиление политической турбулентности на ее фоне, по мнению автора, в современной классификации политических режимов Парагвай «занимает устойчивое положение в «средней группе» [1, с. 214].

Особенности политической системы Гватемалы, выражающиеся в высокой степени коррумпированности элит и органов власти на всех уровнях, неустойчивости партийно-политической системы, слабости государственных институтов, огромном влиянии военно-бюрократического аппарата и бедственном положении индейского населения страны, убедительно раскрыты в главе, написанной старшим научным сотрудником ИЛА РАН Д.В.Морозовым. Анализируя политические колебания в стране, автор приходит к выводу о том, что несмотря на формально проводимые выборы (в 2020 г. президентом избран Алехандро Эдуардо Джамматтеи Фалья от правоцентристской партии «Вперед» (*Vamos*), в стране не происходят существенные изменения, которые бы приводили к «переформатированию политического ландшафта». По мнению Д.В.Морозова, Гватемалу можно отнести к «частично свободным странам или гибридным режимам с низким индексом демократизации» [1, с. 233].

В раздел книги, посвященный левоцентристским режимам, включены очерки о современном положении в Аргентине, Мексике и Панаме. В главе, в которой описаны современные события в Аргентине, канд. ист. наук Н.М.Яковлева уделяет основное внимание политике Альберто Фернандеса (2019 — н/в), представителя Хустиалистской партии (*Partido Justicialista, PJ*), способного, по ее мнению, «снизить высокий конфликтогенный настрой общества, найти компромисс между различными политическими силами, консолидировать нацию и обеспечить социальный мир в сложных условиях экономического кризиса» [1, с. 237]. Говоря о предстоящих в 2023 г. президентских выборах, автор отмечает, что при анализе перспектив перонистов не стоит забывать, что Кристина Фернандес де Киршнер (2007—2015 гг.) «обеспечила основной массив голосов на президентских выборах

2019 г.» [1, с. 256]. По мнению автора, в случае активного участия аргентинских либералов в электоральной борьбе 2023 г. вполне возможен отход от проводимой правительством дирижистской модели развития (усиление государственного вмешательства в экономику, запреты на обмен валюты, экспроприация предприятий) [1, с. 257].

Национальная политическая модель развития Мексики находится в центре внимания канд. ист. наук А.А.Манухина. Он справедливо отмечает, что мексиканская политическая система характеризуется низким уровнем альтернативности [1, с. 259]. Приход к власти президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018 — н/в) от левой политической партии Движения национального возрождения (*Movimiento Regeneración Nacional, MORENA*), объединившей в своих рядах выходцев из других партий и беспартийных, по мнению А.А.Манухина, позволил создать весьма устойчивые политические институты, способные реагировать на внутренние и внешние вызовы [1, с. 291]. При этом автор отмечает, что нарастающая в партии конкуренция и попытки правоцентристских сил расколоть ее единство могут создать проблемы на выборах в 2024 г. и вызывают необходимость перехода от одной доминирующей партии в пользу многопартийной коалиции [1, с. 292].

Современное развитие Панамы после прихода к власти президента Лаурентино Кортисо (2019 — н/в) позволяет автору соответствующей главы Д.М.Елисеенко характеризовать страну как зрелую демократическую систему, политический маятник которой смещается к центру, вытесняя из власти радикальные партии, теряющие поддержку избирателей [1, с. 307].

В третий раздел рецензируемого труда, освещающий проблемы правоцентристских режимов и возникновению новой левой волны, включены главы, посвященные Перу, Чили, Гондурасу и Колумбии. Свою точку зрения на проблемы политической и социальной нестабильности в Перу изложил канд. полит. наук А.А.Шинкаренко. В качестве дестабилизирующих факторов автор называет организованную преступность, уличное насилие, высокий уровень коррупции, при том, что экономика Перу демонстрирует стабильный рост на фоне политической турбулентности и частой смене президентов [1, с. 308]. Автор отмечает, что избранный в 2021 г. президент Педро Кастильо, не сумев преодолеть отсутствие президентского большинства в конгрессе и институциональный конфликт, оказался в крайне нестабильном положении, что подтвердило его отстранение от власти, последовавшее 7 декабря 2022 г. в соответствии с решением конгресса.

Д-р ист. наук Л.В.Дьякова в отдельной главе детально проанализировала массовые радикальные протестные движения в Чили, обусловленные, по ее мнению, внутренними процессами социально-экономического характера [1, с. 352]. Автор подробно останавливается на анализе электоральной кампании 2017 г., на освещении предвыборных программ политических объединений. Л.В.Дьякова приходит к выводу о том, что выборы 2017 г. «свидетельствовали о начале процесса маргинализации централизма как идейного течения, о том, что значительная часть общества “устала” от него и стремится к обретению яркой политической идентичности — на правом или левом фланге» [1, с. 339]. Протестное движение и сопутствующий ему внутривластный конфликт привели к власти президента Габриэля Борича (2022 — н/в), представителя левой политической партии. Подводя итоги, автор утверждает, что, несмотря на массовое протестное движение 2019 г. и нарастание политической турбулентности, Чили «остается страной с высоким уровнем развития демократии...» [1, с. 373].

Не обошли стороной массовые социальные протесты и Гондурас, о чем говорится в главе, написанной канд. полит. наук А.Н.Пятаковым. По мнению автора, протестная волна 2019 г. была вызвана обсуждением в конгрессе полемикального Закона о реструктуризации и трансформации систем здравоохранения и образования [1, с. 381], а также коррупционной проблемой в высших эшелонах власти. Исследователь знакомит читателей с избирательной кампанией 2022 г. и приходом к власти Сиомары Кастро (2022 — н/в) от левой Партии свободы и перестройки

(*Libertad y Refundación, LIBRE*). Давая типологическую характеристику политическому режиму Гондураса, А.Н.Пятаков оценивает его как балансирующий «между традиционными левыми и сторонниками “социализма XXI века”» [1, с. 395].

Подробный анализ современных событий в Колумбии представлен в главе, написанной З.В.Ивановским. Событием, наложившим отпечаток на все современные политические процессы в Колумбии, автор называет подписание в ноябре 2016 г. мирного соглашения между правительством и леворадикальной герильей — Революционными вооруженными силами Колумбии (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC*) [1, с. 396]. В главе подробно описаны история политической борьбы многочисленных современных партий, массовых протестов, а также подробности президентских кампаний. Победившего на президентских выборах Густаво Петро (2022 — н/в) ученый оценивает как «антисистемного левого политика, не связанного с историческими партиями и правящей элитой...» [1, с. 432]. Что касается определения политического режима, то по мнению З.В.Ивановского, Колумбию можно отнести к «частично свободной стране или несовершенной демократии», в которой «по итогам реформирования политического ландшафта... заметно укрепились позиции левых партий» [1, с. 437].

В четвертом разделе коллективного труда помещены исследования, в которых описывается нынешнее состояние политических и социально-экономических процессов в Венесуэле, на Кубе, в Никарагуа и Боливии. Все представленные в этом разделе политические режимы авторы относят к сторонникам «социализма XXI века», характеризующимся антиимпериалистической риторикой, национализмом и отрицанием неолиберальной модели развития.

Мастерски показано развитие в последние десятилетия одной из самых нестабильных стран латиноамериканского региона, Венесуэлы, переживающей, как отмечает З.В.Ивановской, острый системный кризис всех государственных сфер. Политическую составляющую кризиса автор связывает с противостоянием между сторонниками и противниками «социализма XXI века», в результате чего в стране существовали параллельные структуры власти в виде Единой социалистической партии Венесуэлы (*Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV*), основанной Уго Чавесом (1999—2013 гг.), и Круглого стола демократического единства (*Mesa de la Unidad Democrática, MUD*) в составе центристских и правоцентристских партий [1, сс. 443-444]. Учитывая кризисные явления и обострившееся политическое противостояние, автор характеризует Венесуэлу как страну, «взявшую курс на этатизацию экономики при ключевой роли государства и второстепенности частного сектора», занимающей «промежуточное место между левоцентристами и сторонниками традиционного социализма» [1, с. 486].

В освещении современной истории Кубы канд. экон. наук Н.В.Калашников серьезное внимание уделяет анализу новой Конституции 2018 г. Отмечается, что, несмотря на неизменные положения Основного закона, закрепляющие социалистический характер государства, в Конституции появились статьи, признающие роль рынка и частной собственности [1, с. 492]. Ученый указывает на принятие принципа разделения властей (Национальная ассамблея и Совет министров). Хотя, как подчеркивает автор, Конституция не утвердила прямых выборов президента, по-прежнему избираемого Национальной ассамблеей. Важнейшим результатом принятия новой Конституции автор считает избрание Госсовета страны и президента Мигеля Диаса-Канеля (2019 — н/в) [1, с. 501]. Период его правления ученый оценивает как «переходный, совмещающий новые подходы к организации управления экономикой и государством с еще сохраняющимися идеологическими установками социализма прошлого века» [1, с. 507].

Проблематика политического кризиса стала центральным вопросом, рассмотренным в главе о Никарагуа канд. филос. наук А.В.Харламенко и канд. полит. наук А.Н.Пятакова. Триггером массовых протестных акций в стране в 2018 г. стала, по

мнению авторов, реформа системы социального обеспечения, начатая по требованию МВФ. Позже в ходе протестов были выдвинуты политические требования отставки президента Даниэля Ортеги (1985—1990; 2007 — н/в) [1, с. 526]. Характеризуя политический режим в Никарагуа, авторы отмечают его специфичность, связанную с ключевой ролью закрепившейся у власти партии Сандинистского фронта национального освобождения, и оценивают его как тяготеющий к «лево-центристской части политического спектра» [1, с. 538].

Свой взгляд на последние десятилетия истории Боливии представила канд. полит. наук Т.А.Воротникова. Она рассматривает партию Движение к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*), находящуюся у власти почти непрерывно на протяжении полутора десятка лет, как один из «наиболее заметных и эффективных примеров левых партий в современном политическом ландшафте региона». Это утверждение было наглядно доказано возвращением партии во власть с избранием президента Луиса Арсе (2020 — н/в) [1, с. 539]. Автор обращает внимание на противостояние двух политико-экономических моделей развития страны — леворадикальной и правоконсервативной [1, с. 557]. В качестве наиболее острых факторов нынешней дестабилизации в Боливии называются «этнический раскол, политическая поляризация и проблемы экономического развития» [1, с. 558].

В заключительном разделе книги подводятся основные итоги по типологизации современных латиноамериканских режимов. Следует согласиться со сделанным З.В.Ивановским выводом о том, что в настоящее время в Латинской Америке не представлены «крайне правые военно-диктаторские режимы и сводится к минимуму активность леворадикальных военно-политических организаций, выступающих за захват власти вооруженным путем и создание альтернативного общества на социалистических принципах» [1, с. 576].

Детальное изучение исторических источников и литературы позволили коллективу ученых написать серьезное научное исследование. Несмотря на то, что авторами разделов являются разные ученые, удалось сохранить общий методологический подход, что придает работе целостность и законченность. Рецензируемый коллективный труд является значительным вкладом в изучение социально-политических процессов в регионе и продолжает серию регулярно издаваемых ИЛА исследований по экономике, политике, социальным и культурным проблемам.

В качестве пожелания можно было бы предложить включать в монографию иллюстрации, что украсило бы издание, а также дополнить работу библиографическим разделом. Однако эти незначительные замечания ни в коей мере не уменьшают достоинств фундаментального труда. Книга написана с позиций последовательного историзма, выводы отличаются объективностью и достоверностью. Авторы использовали системный подход и многофакторный анализ. Исследование представляет собой несомненную ценность не только для специалистов, историков и политологов, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей и политикой Латинской Америки, а также преподавателей и студентов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. Отв. ред Ивановский З.В. М., ИЛА РАН, 2022, 586 с. [Latinskaya Amerika: politicheskij landshaft na fone turbulentnosti. Otв. red Z.V.Ivanovskij [Latin America: political landscape against the backdrop of turbulence]. М., ИЛА РАН, 2022, 586 p. (In Russ).]
2. Давыдов В.М. Повестка развития латиноамериканских стран на сегодня и завтра. Императивы национального, регионального и глобального порядка. *Латинская Америка*. М., 2016, № 6, сс. 6-18. [Davydov V.M. Povestka razvitiya latinoamerikanskih stran na segodnja i zavtra. Imperativy nacional'nogo, regional'nogo i global'nogo porjadka [Agenda for the development of Latin American countries for today and tomorrow. Imperatives of the national, regional and global order]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016, N 6, pp. 6-18. (In Russ).]

Ирина Селиванова

3. Давыдов В.М. Левая альтернатива в Латино-Карибской Америке – обусловленность, основные альтернативы и международная проекция. М., ИЛА РАН, 2007, 54 с. [Davydov V.M. Levaja al'ternativa v Latino-Karibskoj Amerike – obuslovlennost', osnovnye al'ternativy i mezhdunarodnaja proekcija [The left alternative in Latin Caribbean America – conditionality, main alternatives and international projection]. Moscow, ILA RAN. 2007, 54 p. (In Russ).]

4. Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры. М., ИЛА РАН, 2014, 120 с. [Ivanovskij Z.V. Latinskaja Amerika: jelektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury [Latin America: electoral legislation and power structures]. Moscow, ILA RAN, 2014, 120 p. (In Russ).]

5. Латинская Америка и Карибы. Политические процессы. Отв. ред. Ивановский З.В. М., Наука, 2000, 446 с. [Latinskaja Amerika i Kariby. Politicheskie processy. Otv. red. Z.V. Ivanovskij [Latin America and the Caribbean. Political processes]. Moscow, Nauka, 2000, 446 p. (In Russ).]

6. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. Ивановский З.В. М., ИЛА РАН, 2015, 274 с. [Latinskaja Amerika: izbiratel'nye processy i politicheskaja panorama. Otv. red. Ivanovskij Z.V. [Latin America: electoral processes and political panorama]. Moscow, ILA RAN, 2015, 274 p. (In Russ).]

7. Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. Часть 1, часть 2. Отв. ред. Чумакова М.Л. М., ИЛА РАН, 2009, ч. 1, 264 с., ч. 2, 440 с. [Latinskaja Amerika: ispytaniya demokratii. Vektory politicheskoy modernizacii. Chast' 1, chast' 2. Otv. red. Chumakova M.L. [Latin America: Trials of Democracy. Vectors of political modernization]. M., ILA RAN, 2009, ch. 1, 264 p., ch. 2, 440 p. (In Russ).]

Irina V.Selivanova (alex-cgmk@yandex.ru)

PhD (History); Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Leninsky pr-t, 32, 119334 Moscow, Russian Federation

Latin America: palette of modern models of regional development

[Review of the book «Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности». М., ИЛА РАН, 2022, 586 p.]

Abstract. The publication introduces readers to a new collective study prepared by the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. The review notes that the publication is a fundamental multifaceted study of political processes and the results of recent electoral cycles. The paper shows the current alignment of political forces in various countries of the region, the evolution of political regimes against the backdrop of mass social protests and the COVID-19 pandemic. The authors examine the typology of political regimes in the context of the specifics of Latin America.

Key words: political turbulence, social protests, electoral legislation, crisis, political regimes and parties, COVID-19 pandemic.

DOI: 10.31857/S0044748X0025614-4

Received 03.01.2023.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иberoамериканская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- *Ивановский З.В.* Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. *Яковлев П.П.*
- *Яковлева Н.М.* Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. *Сударев В.П., Симонова Л.Н.*
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- *Ракуц Н.В.* Культура индейских народов и политика государства.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Куба Si. 60 лет Революции. Отв. ред. *Калашников Н.В.*
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- *Давыдов В.М.* Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- *Кодзоев М.А.-М.* США — Куба: эхо холодной войны.
- *Яковлев П.П.* Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. *Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.*
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Rusia y España: el ciclo de incertidumbre pandémico. Violetta Tayar, Eleonora Ermólieva (coord.).*
- Иberoамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. Отв. ред. *Константинова Н.С.*

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2023 г. выпустить в свет следующие книги:

- Цифровая трансформация в Латинской Америке.
Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Антарктида и Южный океан в контексте интересов
латиноамериканских стран. Отв. ред. *Кудеярова Н.Ю.*
 - Испания в третьем десятилетии XXI века.
Отв. ред. *Тайар В.М., Куракина-Дамир А.А.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru